КОНОН МОЛОДЫЙ

Владимир Антонов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

23 марта 1961 года в Лондоне в знаменитом уголовном суде Олд Бейли завершился судебный процесс по «портлендскому делу», основным действующим лицом которого являлся крупный канадский бизнесмен Гордон Лонсдейл, получивший от королевы Великобритании титул «сэр». Имя этого человека тогда не сходило с первых полос английских и американских газет. Но только спустя много лет стало известно, что под этим именем в Англии работал советский разведчик-нелегал полковник Конон Трофимович Молодый. Это было одно из наиболее эффективных звеньев советской внешней разведки, которое успешно добывало секретную политическую, научно-техническую и военно-стратегическую информацию в важнейших учреждениях Англии и военных базах США, расположенных на ее территории. О жизненном и оперативном пути легендарного советского разведчика-нелегала, о его соратниках по разведывательной деятельности рассказывается в этой книге.
[Адаптировано для AlReader]

- Владимир Антонов
  - ○
  - ○
  - ○ Глава первая
  - ○ Глава вторая
  - ○ Глава третья
  - ○ Глава четвертая
  - ○ Глава пятая
  - ○ Глава шестая
  - ○ Глава седьмая
  - ○ Глава восьмая
  - ○ Глава девятая
  - ○ ПОСТСКРИПТУМ
  - ○ ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
  - ○ ПРИЛОЖЕНИЯ
    - ■ Приложение 1
    - ■ Приложение 2
  - ○ ИЛЛЮСТРАЦИИ
    - ■
    - ■
    - ■
    - ■
    - ■

- ЛИТЕРАТУРА
-
-
-
-

- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17

Владимир Антонов

КОНОН МОЛОДЫЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Антонов В. С., 2018
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2018

«БЕЗ ПРАВА НА СЛАВУ, ВО СЛАВУ ДЕРЖАВЫ»

Личная ответственность за судьбу Отчизны, патриотизм, понимание поставленных целей и готовность к самоотверженной работе по их достижению, творческий подход — вот те принципы, которые должны определять становление сотрудника СВР России.

Президент Российской Федерации В. В. Путин

В 60-е годы XX столетия у всех на слуху в нашей стране было имя знаменитого советского разведчика-нелегала Рудольфа Ивановича Абеля (Вильяма Генриховича Фишера), который с честью вышел из всех испытаний, выпавших на его долю в США, где он стал жертвой предательства.

Появившийся на экранах в начале 1970-х годов герой телесериала «Семнадцать мгновений весны» полковник Исаев, он же штандартенфюрер СС Штирлиц, на долгие годы стал кумиром молодежи не только бывшего Советского Союза, но и других стран, где демонстрировался этот фильм. В дни показа сериала по советскому Центральному телевидению московские улицы становились пустынными и милиция с удивлением фиксировала резкое снижение правонарушений не только в столице, но и в других городах нашей необъятной страны. Мальчишки на улицах играли в «Штирлица» и «Мюллера», что свидетельствовало об огромной популярности полюбившихся героев телесериала, о

неподдельном интересе широких масс к подвигам разведчиков-нелегалов.

Известный российский писатель Теодор Гладков в своей книге «Король нелегалов», посвященной выдающемуся советскому разведчику Александру Короткову, по этому поводу писал: «Примечательно, что, если спросить десять случайных прохожих на улице, каким они представляют разведчика, девять назовут в качестве примера именно нелегала. Из реально существовавших — Конона Молодого (Лонсдейл), Вильяма Фишера (Абель), Николая Кузнецова (обер-лейтенант Зиберт). Назовут и вымышленных персонажей, героев популярных кинофильмов: майора Федотова («Подвиг разведчика»), Ладейникова («Мертвый сезон»), Исаева («Семнадцать мгновений весны»).

И это не случайно, а закономерно. Поскольку именно в нелегале в наибольшей степени концентрируются все общие и специфические черты, свойственные профессии разведчика».

Так что же такое нелегальная разведка, зачем она нужна и чем отличается от «легальной»? Кто они — разведчики-нелегалы?

Известно, что положение разведчика-нелегала за рубежом коренным образом отличается от статуса сотрудника «легальной» резидентуры. Последний, будучи гражданином своей страны, снабжен подлинными документами и работает под прикрытием официальных учреждений: дипломатических, торговых, культурных представительств, информационных агентств, частных фирм, а порой и международных организаций, в которых он представляет свою страну.

Что же касается сотрудника нелегальной резидентуры, то он находится за рубежом с паспортом иностранного гражданина, никак не связан с официальными представительствами своей страны и даже не посещает их, чтобы не привлечь внимание со стороны местных спецслужб и не расшифровать себя.

«Разведчик-нелегал перед местной властью фактически беззащитен, — отмечает Теодор Гладков. — В стране с жестким политическим режимом его могут тайно арестовать, подвергнуть допросу «третьей степени», а то и ликвидировать без какой-либо огласки.

Даже зная о его аресте, посольство родной страны не может официально ему ничем помочь (разве что через надежного посредника нанять хорошего адвоката). В случае осуждения за шпионаж нелегалу остается только уповать на то, что ему помогут организовать побег (а это всегда проблематично), либо надеяться, что через несколько лет его обменяют на захваченного с поличным разведчика того государства, чьим строго охраняемым «гостем» он пока является».

Уместно заметить, что далеко не все страны, ведущие разведку, используют разведчиков-нелегалов. К их услугам в разные времена прибегали Англия, Германия, Япония, Китай и Израиль. Разумеется, работа разведчика-нелегала связана с большим риском, и потому этих сотрудников спецслужб обычно используют страны, уверенные в своих силах.

Англичане, накопившие огромный опыт ведения стратегической разведки, были, как всегда, пионерами в этом деле. Чего стоит, например, знаменитый британский разведчик-нелегал Лоуренс Аравийский, выдававший себя за араба. Правда, несмотря на блестящее знание арабского языка, он все же провалился.

Вот что пишет о работе разведчиков-нелегалов в своей книге «Моя шпионская жизнь» известный британский разведчик Джордж Хилл, представлявший в годы Великой Отечественной войны британскую разведывательную службу Сикрет интеллидженс сервис (СИС) в Москве и лично знавший Лоуренса:

«Жизнь разведчика — в его руках. Его существование — это чередование случаев, счастливых или несчастливых. Разведчики на службе у Ее Величества выполняли свою опасную задачу из любви к приключениям. Английские разведчики, переодевшись под афганцев, проскальзывали через Киберский перевал. Одетые в рубища местных торговцев, они бродили по восточным базарам, добывая нужную им информацию.

Однако белому человеку, даже продолжительное время проведшему в чужеродной среде, трудно выдавать себя за местного гражданина из-за шероховатостей в произношении, незнания привычек, образа мышления других народов, поэтому секретные агенты постоянно нуждаются в помощи местных жителей».

Конечно, сегодня вы не встретите разведчиков-нелегалов, «одетых в рубища». Такое их использование было возможно только в те времена, когда Великобритания прибегала к колониальной экспансии, алчно захватывая «на всякий случай» одну страну за другой, укрепляя могущество Соединенного Королевства, в котором «никогда не заходит солнце». Но и в наши дни работа разведчиков-нелегалов, как поется в одной популярной песне, «и опасна и трудна». Тем не менее, несмотря на большой риск, которому подвергаются разведчики-нелегалы, получаемая от них информация носит исключительно важный характер и зачастую не может быть добыта иным путем.

Об этом, в частности, наглядно свидетельствует история. Так, хорошо известно, что накануне Русско-японской войны 1904–1905 годов Япония буквально наводнила российский Дальний Восток и

Маньчжурию, включая Порт-Артур и Дальний, своими кадровыми разведчиками, которые выдавали себя за китайцев, корейцев, маньчжуров, а на самом деле являлись офицерами императорской армии.

Токио активно использовал японских граждан для ведения разведки против России. Они служили поварами, прачками, няньками, работали торговцами, фотографами, комиссионерами и одновременно являлись либо кадровыми разведчиками, либо агентами японской разведки.

Не секрет, что царская Россия нелегальной разведки не имела, а вся разведывательная работа по Японии строилась с «легальных» позиций и велась крайне слабо. Это явилось одной из причин поражения России в войне.

Провалы и недостатки в работе русской разведки были учтены только после Октябрьской революции, когда под руководством Дзержинского в ВЧК был создан Иностранный отдел, превратившийся со временем в один из эффективных разведывательных органов государства. И если сегодня Служба внешней разведки России по праву входит в число лучших разведок мира, то в этом, без сомнения, есть заслуга и первых поколений советских разведчиков.

Однако на начальном этапе деятельности Иностранного отдела ВЧК работа молодой советской разведки строилась исключительно с «легальных» позиций. Вместе с тем Советская Россия в тот период имела дипломатические отношения с минимальным количеством зарубежных стран, к тому же враждебно настроенных к ней. Поэтому «легальные» резидентуры ИНО были не в состоянии решать все стоявшие перед ними задачи. Следует также иметь в виду, что белогвардейская вооруженная эмиграция вынашивала планы организации совместно со странами Антанты нового «крестового похода» против Республики Советов. В этой связи политическое руководство страны крайне нуждалось в достоверной информации о деятельности белой эмиграции.

Выявлять истинные планы и намерения правящих кругов тех стран, с которыми не поддерживались дипломатические отношения, можно было только сочетая «легальные» и нелегальные методы работы. Поэтому в июне 1922 года по предложению Дзержинского Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о создании нелегальной разведки.

Стоит, однако, отметить, что в ту пору деление разведки на «легальную» и нелегальную было довольно условным. Сотрудники «легальной» резидентуры после окончания служебной командировки за рубежом могли направляться за

кордон по линии нелегальной разведки и наоборот. Об этом, в частности, свидетельствуют оперативные биографии знаменитых разведчиков Федора Карина, супругов Василия и Елизаветы Зарубиных, Александра Короткова, возглавлявшего в конце 1950-х годов нелегальную разведку, и других.

Почему нужны нелегалы в разведке? На этот вопрос отвечает в своих воспоминаниях «Разведка: лица и личности» бывший первый заместитель начальника внешней разведки, в течение ряда лет возглавлявший ее нелегальное подразделение, генерал-лейтенант Вадим Кирпиченко:

«Прежде всего потому, что за официальными российскими представителями всегда может следовать «хвост», видимый или совершенно невидимый (с учетом развития технических средств), а за нелегалом, если он сам не совершит какой-либо ошибки, не ведется наблюдение. Географическое пространство для граждан России за рубежом ограничено всевозможными зонами, а разведчик-нелегал может передвигаться свободно. С рядом государств наша страна не имеет дипломатических отношений, а по делам разведки там иногда необходимо бывать».

Следует отметить, что деятельность разведчиков-нелегалов всегда была окружена плотной завесой секретности. Это, разумеется, не случайно, ибо нелегальная разведка — это святая святых всей разведывательной деятельности, и на работу в нее подбирают людей, обладающих особыми качествами. Подготовить настоящего разведчика-нелегала, снабдить его надежными документами и вывести за рубеж для выполнения специальных задач является делом исключительно трудным.

Что же это за люди — разведчики-нелегалы? За ответом на этот вопрос обратимся вновь к Вадиму Кирпиченко:

«Кандидатов мы ищем и находим сами, перебирая сотни и сотни людей. Работа действительно штучная. Чтобы стать нелегалом, человек должен обладать многими качествами: смелостью, целеустремленностью, сильной волей, способностью быстро прогнозировать различные ситуации, устойчивостью к стрессам, отличными способностями к овладению иностранными языками, хорошей адаптацией к совершенно новым условиям жизни, знаниями одной или нескольких профессий, дающих возможность зарабатывать на жизнь.

Если, наконец, найден человек, у которого все перечисленные качества в той или иной мере есть, это вовсе не означает, что из него получится разведчик-нелегал. Необходимы еще какие-то свойства натуры, неуловимые и трудно передаваемые словами, особый артистизм, легкость перевоплощения и даже некоторая хорошо контролируемая склонность к приключениям, какой-то

разумный авантюризм. Часто сравнивают перевоплощение нелегала в другого человека с игрой актера. Но одно дело — перевоплощение на вечер или на театральный сезон и совсем другое — превращаться в другого, некогда жившего или специально сконструированного человека, мыслить и видеть сны на чужом языке и не позволять думать о самом себе в реальном измерении».

Другой видный советский разведчик, генерал-майор Юрий Дроздов, в течение двенадцати лет руководивший нелегальной разведкой и принимавший непосредственное участие в разработке и осуществлении операции по обмену Вильяма Фишера (Рудольфа Абеля), по этому же поводу свидетельствует:

«Нелегал — это особый разведчик, отличающийся от обычного тем, что обладает более высокими личными качествами, специальной подготовкой, которые позволяют ему выступать и действовать как местному жителю той страны, где он находится.

Разведчиком-нелегалом может стать далеко не каждый. Профессия требует от кандидата высокого уровня развития интеллекта (мышления, памяти, интуиции), развитой воли, способности к овладению иностранными языками, эмоциональной устойчивости, позволяющей сохранять интеллектуальный потенциал в стрессовых ситуациях и переносить без ущерба для здоровья постоянное психическое напряжение.

Это самые общие требования, но легко понять, что найти людей с таким сочетанием качеств нелегко и что нелегальная разведка — удел специально подобранных людей.

Подготовка разведчика-нелегала очень трудоемка и занимает несколько лет. Она направлена на то, чтобы на базе имеющихся личных качеств сотрудника сформировать профессиональные навыки и умения. Безусловно, она включает в себя овладение иностранными языками, подготовку разведчика в психологическом плане, которая, в частности, позволяет ему выступать в амплуа представителя той или иной национальности, носителя тех или иных национально-культурных особенностей. Разумеется, это и оперативная подготовка, которая включает в себя формирование навыков получения и анализа разведывательной информации, поддержания связи с Центром и иные аспекты. Разведчик-нелегал — это человек, способный добывать разведывательную информацию, в том числе и аналитическим путем».

А уже упоминавшийся британский разведчик Дж. Хилл так оценивает качества, которыми должен обладать нелегал:

«Наилучший вид разведчика — это разведчик-патриот в самом высоком значении этого слова. Это человек, который во имя любви к свободе своей страны ведет жизнь, полную риска и жертв, зная, что если он будет схвачен, то его ожидает малоприятный конец.

Разведчик должен разбираться в языке, обычаях, нравах и образе мышления людей, среди которых он найдет поле своей деятельности, обладать одаренным умом и ловкостью, быть способным мгновенно делать выводы и принимать немедленное решение, быть изворотливым, чтобы спасти голову от петли, быть предельно тактичным, терпеливым и бдительным. Его память должна быть натренирована таким образом, чтобы легко распознать предателей не только по одной их внешности и уметь запоминать дословное содержание документов.

Кроме этого разведчик-патриот должен обладать организационным гением… Чтобы выполнить задание, разведчику нужно отладить тысячу и одну деталь. Не так просто держать в уме основные информационные сообщения или подбирать места встреч с агентами. Так, девять из десяти агентов разведки засвечиваются в результате того, что избирают неверный метод организации связи».

Один из асов советской нелегальной разведки Вильям Фишер, более известный широкой общественности как «полковник Рудольф Абель», в одном из интервью подчеркивал:

«Условия работы и обстановка в капиталистических странах обязывают разведчика постоянно быть бдительным, тщательно соблюдать правила конспирации. Преданность своей Родине, честность и дисциплинированность, самоотверженность, находчивость, умение преодолевать трудности и лишения, скромность в быту — таков далеко не полный перечень требований к деловым и личным качествам разведчика…

Помните, как говорил Дзержинский? «Чистые руки, холодная голова и горячее сердце…» В этих скупых, но точных словах заложен исключительно глубокий смысл. Они, если хотите, являются своего рода компасом для разведчика, помогают находить силы и мужество в любой обстановке. В этом я убедился на своем собственном опыте во время последней командировки в США, когда в результате предательства мне пришлось лицом к лицу встретиться с американской контрразведкой».

Следует особо подчеркнуть, что ставшие широко известными по тем или иным обстоятельствам сотрудники нелегального подразделения внешней разведки разных периодов не только вполне соответствовали высоким критериям, предъявляемым к разведчикам-нелегалам, но и обладали исключительными

человеческими качествами, были, как говорится, настоящими людьми. Именно они составляли и составляют «золотой фонд» нашей внешней разведки.

Мы не случайно вынесли в заголовок предисловия девиз нелегальной разведки, ибо разведчики-нелегалы о славе не помышляют, а о конкретном содержании своей деятельности не рассказывают даже в кругу друзей и товарищей по работе. Их имена, как правило, неизвестны посторонним и держатся в секрете даже внутри самой разведки. И только если разведчик-нелегал провалился, скажем, в результате предательства, о нем узнаёт широкая общественность. Однако и в этом случае контрразведке противника не всегда удается до конца выяснить содержание его работы, вскрыть все его связи.

Даже в закрытой для посторонних Службе внешней разведки существуют сроки давности. Но их нет в нелегальной разведке, формы и методы работы которой должны сохраняться в глубокой тайне всегда. Виртуоз-профессионал, не допустивший ни одного провала и избежавший предательства, обречен на публичное небытие. А потому высшим критерием, мерилом его труда и таланта становится лишь оценка коллег.

Разведчики-нелегалы работают не ради славы и почета. Они, как правило, не достигают высоких должностей во внешней разведке, хотя за рубежом порой занимают видное положение. Теодор Гладков по этому поводу писал:

«Нелегалы с большим стажем (а некоторые из них работали за рубежом десятки лет кряду) возвращались на Родину уже пожилыми людьми, выслужившими все мыслимые и немыслимые сроки для выхода на пенсию. В силу длительного отрыва от административной работы в центральном аппарате разведки, отсутствия советских организаторских навыков их было трудно использовать на каких-либо руководящих должностях. Тем более что за время их отсутствия в том же Центре сменялось одно, а то и два поколения сотрудников. Иной нелегал, вернувшись в Центр, не находил там ни одного знакомого лица. Одни давние сослуживцы вышли на пенсию, другие переселились в мир иной…

Как правило, ветеранов-нелегалов успешно использовали в качестве преподавателей спецдисциплин, консультантов, экспертов».

Нынешнее поколение сотрудников Службы внешней разведки не только отдает дань уважения тем разведчикам-нелегалам, кто уже ушел из жизни и кто составлял ее «золотой фонд», но и гордится теми солдатами невидимого фронта, кто и сегодня вдали от Родины защищает ее интересы «без права на славу».

Глава первая
НАЧАЛО БИОГРАФИИ: ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Это был прекрасный, изумительный нелегал потрясающего таланта. Нельзя сказать, что все наши разведчики — сплошные Кононы Молодые. Он — личность уникальная!

Начальник Службы внешней разведки России (1996–2000) Вячеслав Трубников

Расхожая истина: разведчиками не рождаются. Ими становятся. Но даже это обстоятельство далеко не всегда приближает нас к гармоничному раскрытию личности человека, посвятившего себя профессии, истоки которой уходят в древность. Превратности судьбы не могут быть вписаны кадровиками в трудовые книжки или воинские аттестаты. О них не всегда можно прочесть даже в личном деле бойца «невидимого фронта».

В предлагаемой читателю книге мы хотим рассказать историю замечательного советского разведчика-нелегала, который, однажды избрав эту профессию, не расставался с ней всю свою жизнь. Во всяком случае, по своей воле…

23 марта 1961 года в Лондоне в знаменитом уголовном суде высшей инстанции Олд Бейли завершился судебный процесс по так называемому «портлендскому делу», одним из основных действующих лиц которого являлся канадский бизнесмен Гордон Лонсдейл. 25 лет тюрьмы — таков был приговор. Имя этого человека тогда не сходило с первых полос английских и американских газет. Но только многие годы спустя стало известно, что под этим именем в Англии работал кадровый советский разведчик-нелегал полковник Конон Трофимович Молодый, который с 1955 по 1961 год возглавлял в этой стране нелегальную резидентуру.

Это было одно из наиболее эффективных звеньев советской внешней разведки, которое успешно добывало секретную политическую, научно-техническую и военно-стратегическую информацию в важнейших учреждениях Англии и военных базах

США, расположенных на ее территории.

В биографии Коиона Трофимовича Молодого было много загадочных эпизодов, которые мы и попытаемся прояснить.

Семья

Разведчик-нелегал Конон[1] Молодый родился 17 января 1922 года в Москве в семье научных работников. Его отец, Трофим Кононович, преподавал в Московском государственном университете и Московском высшем техническом училище, а также заведовал сектором научной периодики в Госиздате. Скончался он в 1929 году в возрасте 40 лет. Мать, Евдокия Константиновна, была в то время хирургом общего профиля. Позже она стала профессором научно-исследовательского института протезирования и приобрела известность в научном мире, в том числе за рубежом, имела научные труды.

Однако рассказ о семье Конона, его родных и близких хотелось бы начать с его деда — тоже Конона Трофимовича, украинца, который в середине XIX века покинул родной дом в поисках лучшей жизни и оказался в конечном итоге на Камчатке. Проживал он в небольшом городке Гижигинске, который находился на левом берегу реки Гижиги, в 25 километрах от ее впадения в Гижигинскую губу Охотского моря. Ныне это Северо-Эвенский район Магаданской области.

Основанный в 1752 году как Гижигинская крепость, этот городок с населением немногим более 800 человек (1805 год) являлся административным центром Гижигинского уезда. В XIX веке он утратил военное значение, превратившись в рыбацкое поселение. В литературе за 1880-е годы отмечалось: «Гижигинск имеет значение города лишь как центр администрации; на самом деле это поселок рыболовов, где проживают представители малочисленных народов Севера, а также несколько семей казаков, русских купцов и священники».

В 1920-е годы город Гижигинск прекратил свое существование. В течение нескольких лет большая часть его населения перебралась в село Кушка в устье реки Гижиги, де-факто ставшее административным центром Гижигинского сельсовета. По этой причине было принято решение о переименовании Кушки в Гижигу. А на месте бывшего города сохранилось лишь кладбище.

В Гижигинске Конон Трофимович Молодый занимался торговлей пушниной и достаточно быстро разбогател. Там же женился на местной аборигенке Марии Васильевне Брагиной —

дочери русского купца и представительницы одного из коренных малочисленных народов — ламутов[2]. В 1889 году у них родился сын Трофим — будущий отец героя этой книги. Брак оказался счастливым, однако недолгим: в 40 лет Конона Трофимовича зарезали местные грабители.

У молодой вдовы на руках осталось четверо детей, но она обладала довольно солидным капиталом и вышла замуж за статского советника Любимова. Отношения детей с отчимом были очень хорошими. Мария Васильевна стремилась дать детям достойное образование, и вскоре один из ее сыновей, десятилетний Трофим, покинул дом отчима.

О его дальнейшем жизненном пути обстоятельно рассказывается в некрологе «Памяти Т. К. Молодого», который был выпущен отдельной брошюрой издательством «Главнаука» в 1930 году — спустя год после его смерти (цитируется по материалам сына разведчика-нелегала Трофима Молодого):

«Детство Трофима Кононовича протекало в необычной обстановке далекой камчатской окраины с ее суровой природой и своеобразным бытом. Эта природа и этот быт ярко запечатлелись в его сознании, а его национальное происхождение — в своеобразной внешности. Десяти лет от роду Трофим Кононович совершил далекое путешествие с Камчатки в город Хабаровск, где поступил в реальное училище. Здесь он сразу выделился необычайной живостью своего характера и прекрасными способностями. По окончании реального училища в 1908 году он совершил второе далекое путешествие — с Дальнего Востока в центр России и всю остальную жизнь прожил здесь.

Первоначально он поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Однако уже через год Молодый переехал в Москву, где продолжил учебу в Московском университете. В то время признанной и бесспорной «столицей» русской физики была Москва, где вокруг блестящего ученого, физика-экспериментатора Петра Николаевича Лебедева (1866–1912) собралась первая русская школа физиков. В одной из ее лабораторий и начал свою научную работу Трофим Кононович Молодый. По окончании университета в 1913 году он преподавал физику в различных средних заведениях Москвы, а затем в 1919 году перешел в Первый Московский университет, где преподавал до самой смерти…

С самого начала революции Трофим Кононович постепенно втягивается в широкую работу общественного характера. Революция как нельзя лучше отвечала его умонастроению и его действенной энергичной натуре. Понятно, что он принял ее с энтузиазмом и, не жалея своих сил, жертвуя интересами научной

работы, бросился в работу общественную. Началом этого периода его деятельности послужила работа в «Комиссии по улучшению быта ученых-врачей», организованной в 1921 году и возглавляемой П. П. Лазаревым. Трофим Кононович становится ее секретарем и одним из наиболее активных участников.

В конце 1921 года двое известных ученых, О. Ю. Шмидт[3]и А. Г. Калашников[4], пригласили Трофима Кононовича для работы в Государственное издательство. Там он наладил издание многих научных журналов. В общей сложности с его помощью было организовано издание около 60 журналов. При всех своих многочисленных и ответственных обязанностях Трофим Кононович никогда не забывал науку. Именно его стараниями был создан «Журнал прикладной физики», который стал отдушиной для многих ученых…

Последний год жизни он был уже совершенно больным. Несмотря на это, он продолжал нести на своих плечах весь груз своих сложных обязанностей. Окружающие и близкие не раз пытались настойчиво просить его сократить свою работу. Но это было совершенно бесполезно. Он не хотел сдаваться. До самого последнего мгновения своей жизни он оставался на посту.

Будем же надеяться, что история нашей революции и нашей науки сохранит для потомства имя одаренного ученого, все свои силы положившего на то, чтобы дать возможность наилучшим образом работать другим».

Вот таким человеком был отец главного героя нашей книги.

К сказанному выше, как нам представляется, следует добавить, что в 1911 году студент Трофим Молодый за активное участие в студенческих волнениях был отчислен из университета. Чтобы окончить учебу и получить высшее образование, он даже собирался уехать в Германию, но уже через полгода в рамках амнистии был восстановлен в университете.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в период учебы Трофима Молодого в университетах у него были замечательные педагоги и научные руководители, благодаря которым молодой человек из дальней российской глубинки стал видным ученым и популяризатором советской науки.

Так, в Петербургском университете ему преподавал Орест Данилович Хвольсон (1852–1934) — российский и советский ученый-физик, член-корреспондент Петербургской академии наук, почетный член Российской академии наук (с 1925 года — АН СССР).

Во время занятий в лаборатории П. Н. Лебедева руководителем научных работ Трофима Молодого с 1910 года являлся тогда еще приват-доцент[5] Московского университета

Петр Петрович Лазарев (1878–1942) — советский физик, биофизик и геофизик, один из основоположников современной биофизики, исследователь Курской магнитной аномалии, академик АН СССР.

После окончания Московского университета Трофим Кононович некоторое время работал преподавателем в средних учебных заведениях: Промышленном училище, а также женской гимназии О. А. Виноградова. Интересна история и судьба Московского промышленного училища, которому Трофим Кононович посвятил часть своей жизни и преподавательской деятельности.

В конце XIX столетия профессора Московского технического училища (ныне Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана) и Московского университета предложили создать в Москве Промышленное училище для подготовки «помощников инженеров по химической и механической части». 9 февраля 1880 года Московская городская дума приняла решение об учреждении Промышленного училища (МПУ), а его здание было заложено позже на Миусской площади. Занятия начались с 1 июля в арендованном помещении.

В МПУ собрался сильный преподавательский коллектив, многие преподаватели прошли школу МТУ и Московского университета. Помимо Трофима Кононовича Молодого в Промышленном училище преподавали такие видные ученые, как Дмитрий Иванович Виноградов, Борис Сергеевич Зернов, Карл Адольфович Круг, Оскар Августович Пешель, Николай Максимович Покровский, Василий Степанович Смирнов. Это предопределило бурное развитие нового учебного заведения, которое в 1918 году было преобразовано в Московский химический техникум (МХТ), готовивший практических инженеров.

В 1920 году на базе МХТ был создан Московский химико-технологический институт (МХТИ) имени Д. И. Менделеева. В 1992 году решением правительства России МХТИ был преобразован в Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева.

Одновременно в 1914 году Трофим Молодый устраивается лектором по физике научно-популярного отделения (факультета) Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского. К тому времени его научный руководитель П. П. Лазарев покинул Московский университет и организовал здесь свою физическую лабораторию. Трофим Молодый принимает самое активное участие в ее работе. В 1915 году молодой ученый переводится на должность преподавателя

академического отделения народного университета. По воспоминаниям современников, «педагог он был превосходный, увлекался сам и умел зажигать слушателей и учеников».

Следует также отметить, что Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского, являвшийся негосударственным (муниципальным) высшим учебным заведением, существовавшим в Москве с 1908 года, представлял собой интересное явление в городской системе образования. Генерал русской армии Альфонс Леонович Шанявский, впоследствии ставший крупным сибирским золотопромышленником, завещал все свое состояние Москве на создание «подлинно народного университета, открытого для всех, независимо от пола, вероисповедания и политической благонадежности».

В народном университете преподавали известные ученые: академики Александр Кизеветгер, Михаил Богословский, Юрий Готье, Владимир Вернадский. В 1911–1912 годах в народный университет на преподавательскую работу пришла целая группа профессоров Московского университета.

В народном университете учились Сергей Есенин, Янка Купала, Николай Клюев, Сергей Клычков, Анастасия Цветаева.

В 1920 году Московский городской народный университет расформировывается, его академические отделения объединяются с Московским университетом, а научно-популяризаторские — с Коммунистическим университетом имени Я. М. Свердлова.

Трофим Кононович начинает преподавать в Первом Московском университете, где работает до конца своих дней. За 12 послереволюционных лет его вклад заметен и в делах организации науки. Говоря о научно-популяризаторской деятельности Трофима Кононовича, необходимо отметить, что в 1924–1929 годах он являлся членом редколлегии журнала «Искра» и редактором научно-популярной серии «Наука и техника». Активно занимаясь редакторской и издательской деятельностью, он одним из первых начал выписывать в Москву заграничные научные журналы, осуществлял издание «Известий Физического института при Московском научном институте», организованных в 1920 году П. П. Лазаревым.

Ряд исследовательских работ Трофима Кононовича, имевших большое научное значение, был посвящен фотохимии и рентгенохимическим процессам. Вспоминая о нем в своих мемуарах («Встречи с физиками»), «отец советской физики», академик, вице-президент АН СССР Абрам Федорович Иоффе подчеркивал: «По характеру это был чудесный человек — живой, веселый и деятельный. Обладал большими организаторскими

способностями». Как мы увидим ниже, лучшие черты отца передались его сыну — Конону Трофимовичу.

Мать Конона Евдокия Константиновна (в девичестве — Наумова) родилась в Хабаровске в многодетной семье купца, переселенца из России. В семье было 13 детей, но мы упомянем лишь трех ее сестер: Анастасию, Татьяну и Серафиму, сыгравших в дальнейшем важную роль в судьбе Конона.

Евдокия блестяще окончила хабаровскую гимназию, в 1909 году приехала в Москву, поступила на Высшие женские курсы, впоследствии ставшие Вторым медицинским институтом. По окончании института получила диплом врача-хирурга. До Великой Отечественной войны работала хирургом общего профиля, во время войны была ведущим хирургом эвакогоспиталя, а затем до 1965 года — ортопедом-травматологом, профессором Центрального научно-исследовательского института протезирования.

Отец и мать Конона познакомились еще в Хабаровске в 1906 году, полюбили друг друга, но в силу различных житейских обстоятельств обвенчались только в январе 1917 года. В августе того же года в семье родилась дочь Наталья. Ко-нон, которого назвали в честь деда, появился на свет в январе 1922 года в клинике на Пироговской улице.

В марте 1928 года в возрасте 39 лет Трофим Кононович перенес первый инсульт, а 14 октября 1929 года ушел из жизни в результате второго инсульта. Похоронили его в Москве на Новом Донском кладбище.

Евдокия Константиновна осталась вдовой с двумя детьми на руках: семилетним Кононом и двенадцатилетней Натальей. Положение семья было бедственным, денег на жизнь не хватало.

В то время в стране была введена карточная система. Евдокия Константиновна стала получать в Доме ученых паек — один обед на троих. За пайком ходил восьмилетний школьник Конон, а на плечи его сестры Натальи легла вся работа по дому…

Поездка в США

Помощь пришла нежданно-негаданно.

В августе 1931 года в Москву на несколько дней приехала старшая сестра матери Анастасия Константиновна Наумова. Она еще в 1914 году уехала из Хабаровска в Китай, а оттуда через некоторое время перебралась в США, в город Беркли (штат Калифорния), имела небольшой, но стабильный капитал. Позже к Анастасии перебралась сестра — балерина Татьяна Пьянкова,

которая открыла в Калифорнии небольшую балетную школу.

В то же время другая сестра Евдокии Константиновны, Серафима, обосновалась в буржуазной Эстонии, выбрав для постоянного проживания город Тарту.

Состоятельную американку серьезно удивило незавидное, по ее мнению, материальное положение советских родственников — вдовы ученого-физика, являвшейся врачом-хирургом, и ее детей. Она предложила хотя бы на время забрать детей к себе, пообещав обеспечить им достойную жизнь и хорошее образование. Наталья уезжать от матери категорически отказалась, а Конон, которому пообещали купить в Америке велосипед, согласился. Его мать, как ни странно, не возражала.

Правда, с выездом в США возникли некоторые проблемы. Нет, разрешение советских властей отпустить ребенка на попечение его американской тети было получено беспрепятственно. Визу не давали американцы, так как тогда еще не были восстановлены дипломатические отношения с Америкой. Пришлось вмешаться не кому-нибудь, а заместителю председателя ОГПУ, знаменитому Генриху Ягоде, который ранее курировал науку и, видимо, знал отца мальчика и его заслуги в научном мире столицы. Тот дал команду, и в церкви, где когда-то крестили Конона, переписали метрику, сделав его внебрачным сыном Трофима Молодого и младшей сестры его матери Серафимы, проживавшей в Эстонии. Почему в действительности Ягода принял такое участие в судьбе Конона Молодого, так и осталось тайной. Хотя, по некоторым сведениям, всесильный чекист просто находился в дружеских отношениях с Трофимом Кононовичем.

Чтобы ускорить получение американской визы, Конона отправили к тете Серафиме в Тарту, где она оформила «внебрачному сыну» загранпаспорт. Наконец американская виза была получена, Серафима Константиновна проводила Конона до Шербура, посадила на пароход «Маджестик», который отплывал в Америку, оплатив его проезд вместе с присмотром…

Анастасия Константиновна встретила своего племянника без всяких приключений, приласкала, откормила и отдала в американскую школу. Уже через пару месяцев Конон стал довольно сносно говорить по-английски — выявились его незаурядные способности к иностранным языкам. Да и вообще учеба в школе давалась ему достаточно легко. В конечном итоге Конон в совершенстве овладел английским языком, а также освоил немецкий и французский.

Мальчик занимался в секции бокса, в свободное от учебы время в сопровождении теток Анастасии и Татьяны много

путешествовал по Калифорнии, бывал в других городах США, в частности, неоднократно посещал Нью-Йорк. За это время он отлично изучил быт и нравы Северной Америки, вместе с тетками побывал в Англии, Франции и других с гранах.

Шесть долгих лет пролетели незаметно. Когда Конону исполнилось шестнадцать, встал вопрос о дальнейшем жизненном выборе. Тетя Анастасия настаивала на том, чтобы он после окончания средней школы поступил в один из американских университетов и остался в Соединенных Штатах.

Вторая тетка, Татьяна, к тому времени переехавшая в Париж и разбогатевшая благодаря родительскому наследству и доходу, который приносила Школа русского балета, открытая ею во французской столице, уговаривала юношу, являвшегося, как она считала, ее единственным наследником, переехать к ней. Однако Конон, сильно скучавший по матери и сестре, твердо решил вернуться на родину.

Возвращение в Москву

В 1938 году вместе с дипкурьером советской миссии Конон Молодый прибыл в Москву и продолжил учебу в девятом и десятом классах 36-й московской средней школы, которую окончил в 1940 году.

Эта школа была в те годы довольно известной и популярной в столице. Она была основана в 1933 году и первоначально располагалась в здании, где сейчас находится Институт иностранных языков имени Мориса Тореза. В 1936 году для школы построили здание на территории бывшего православного женского Зачатьевского монастыря в центральной части города.

В 1360 году по благословению святителя Алексия, митрополита Московского, недалеко от Кремля, между нынешней Остоженкой и Москвой-рекой была возведена деревянная церковь зачатия православной Анны и при ней основан монастырь, первыми насельницами которого стали родные сестры митрополита игуменья Иулиания и монахиня Евпроксия. В 1547 году монастырь был уничтожен пожаром и восстановлен лишь в 1584 году.

В 1927 году, спустя десять лет после Октябрьской революции, монастырь был закрыт, главный храм Зачатьевского монастыря снесен, а на его месте позже возведена типовая общеобразовательная средняя школа № 36. Однако часть других монастырских построек, окружавших школу, а также небольшой, но живописный парк были сохранены.

В 1943 году в школу пришло благодарственное письмо за подписью И. В. Сталина за то, что ученики школы собрали металлолом на строительство танковой колонны.

В послевоенное время школа являлась одной из лучших в Москве. В школьном дворе возвышался памятник ее преподавателям и выпускникам, погибшим на полях сражений Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В самой школе активно действовал музей первой батареи «катюш» капитана Флерова. В музей школы также было передано на вечное хранение знамя 85-го гвардейского минометного Двинского комсомольского полка, врученное воинам пионерами Москвы перед отправкой полка на фронт.

В конце 1990-х годов московскими властями было принято решение о передаче территории бывшего Зачатьевского монастыря Русской православной церкви. Начались работы по возрождению монастыря, постройки советского времени были разобраны, школа перестала существовать.

Сразу же после окончания московской средней школы № 36 в 1940 году Конон Молодый был призван в ряды Красной армии. А в июне 1941 года началась Великая Отечественная война…

Глава вторая
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Может быть, именно в годы войны и появился у него вкус к разведке, авантюризм, без которого человек не может выбрать эту профессию…

Трофим Молодый о своем отце

Среди многочисленных государственных наград сотрудников внешней разведки, полученных ими в период Великой Отечественной войны и выставленных в Зале истории внешней разведки, что в штаб-квартире СВР в московском районе Ясенево, неизменное внимание привлекает скромный знак воинской доблести «Отличный разведчик». За мужество и храбрость, проявленные при выполнении заданий командования на фронтах войны, этим знаком в 1943 году был отмечен фронтовой разведчик, кавалер многих орденов и боевых медалей Конон Трофимович Молодый — будущий видный советский разведчик-нелегал «Бен». Следует подчеркнуть, что этим солдатским знаком Конон Трофимович очень гордился.

Но прежде чем рассказать о боевом пути Молодого по фронтовым дорогам, остановимся на истории создания этого почетного нагрудного знака солдатского отличия.

Знак воинской доблести

Весной 1942 года техническому комитету Главного интендантского управления Красной армии было поручено разработать проект ордена для награждения всех категорий военнослужащих. Его эскизы готовили художники С. И. Дмитриев и А. И. Кузнецов.

По нескольким отобранным рисункам изготовили пробные образцы будущей награды в металле и 18 апреля представили их в правительственные инстанции на одобрение. Его получил с некоторыми изменениями, которые вносил лично И. В. Сталин, рисунок А. И. Кузнецова. 25 апреля 1942 года были окончательно

утверждены образцы ордена Отечественной войны I и II степени. А проект С. И. Дмитриева послужил основой нагрудных знаков для поощрения особо выдающихся воинов различных воинских специальностей «из числа рядового и младшего начальствующего состава Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД».

Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении нового ордена был издан 20 мая 1942 года. А на следующий день последовал Указ об учреждении нагрудного знака «Гвардия» и первых семи знаков солдатского отличия: «Снайпер», «Отличный пулеметчик», «Отличный минометчик», «Отличный артиллерист», «Отличный танкист», «Отличный подводник» и «Отличный торпедист».

Всего за период с 1942 по 1950 год было учреждено 23 нагрудных знака. В частности, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1943 года был учрежден нагрудный знак «Отличный разведчик». Он являлся наградой для отличившихся разведчиков — бойцов и младших командиров Красной армии, «систематически добивавшихся высоких показателей при выполнении заданий командования, в частности, в ходе ведения разведки боем, добывания данных, раскрывающих местонахождение, состав, огневую систему, намерения и боеспособность противника, образцов вооружения, боеприпасов и других боевых материалов, при захвате контрольных пленных противника и своевременной доставки данных командованию».

В отличие от других знаков воинской доблести в Положении о нагрудном знаке «Отличный разведчик» указывалось, что «разведчики, награжденные и награждаемые орденами СССР за проявленное мужество и храбрость при выполнении задач по разведке, награждаются и этим нагрудным знаком».

Указ предоставлял право награждения нагрудным знаком «Отличный разведчик» командующим войсками фронтов и армий, командирам корпусов, дивизий и полков, а также устанавливал порядок его ношения — на правой стороне груди.

Нагрудный знак «Отличный разведчик» представляет собой фигурный щит, наложенный на позолоченный дубовый венок, ветви которого, перевитые лентой, покрытой красной эмалью, выступают по краям щита. Поверхность щита покрыта рубиново-красной эмалью, а края окаймлены оксидированной полоской с симметрично расположенными по ней точками. В верхней части щита полоска переходит в витое украшение. В верхней части знака на щит наложена рубиново-красная эмалевая пластинка, в середине которой — позолоченное изображение серпа и молота. По краю пластинка имеет белый эмалевый поясок с надписью «Отличный разведчик». Белый эмалевый поясок имеет по краям

позолоченные ободки, а в нижней части — пятиконечную звездочку. В нижней части щита помещено покрытое позолотой изображение скрещенных автомата и обнаженного клинка и расположенного под ними бинокля. Размер знака по высоте — 46 миллиметров, по ширине — 37 миллиметров.

Войсковой разведчик

Вряд ли кто будет оспаривать утверждение, что разведчиками не рождаются, ими становятся. А базой для такого становления является сочетание твердого характера, целеустремленности, жизненного опыта, знаний и способностей, а также тех личностных качеств, которые помогают держаться уверенно в незнакомой среде, преодолевать естественный страх, легко контактировать с различными людьми. К тем же, кто связывает свою судьбу с нелегальной разведкой, предъявляемые требования стократ выше. Не секрет, что будущий нелегальный резидент Молодый пришел в Службу достаточно подготовленным, имея за плечами солидный опыт, который ему, несомненно, дало участие в Великой Отечественной войне. Уйдя на службу в Красную армию мальчишкой, он вернулся домой после Победы умудренным жизнью фронтовиком, повзрослевшим и заматеревшим. Молодый прошел войну, что называется, «от звонка до звонка» — от первого до последнего дня, о чем до сих пор пишут лишь в общих чертах. Попробуем, по возможности, хоть немного восполнить данный пробел.

Молодый был из того поколения, которое со школьной скамьи ушло на войну. В 1940 году он окончил среднюю школу и в октябре того же года был призван в ряды Красной армии.

А потом была война…

Незадолго до своей смерти Конон Трофимович вспоминал: «Начало войны застало меня уже в армии. Еще в октябре 1940 года я начал срочную службу и попал в Западный особый военный округ. Вместе с одиннадцатью москвичами-десятиклассниками я был направлен в разведывательный артиллерийский дивизион. Из этой небольшой группы осталось в живых двое».

В самый тяжелый период Великой Отечественной войны, а именно в первые ее недели и месяцы, летом и осенью 1941 года, довелось Конону Молодому принять участие в грандиозном Смоленском сражении, а затем и в оборонительных боях на московском направлении. Военными дорогами шел он в составе корпусного 644-го пушечного артиллерийского полка (ПАП) 29-й армии Западного фронта.

Часть эта была сформирована вскоре после начала войны — 14 июля 1941 года, в городе Моршанске Тамбовской области, после чего ее сразу же погрузили на железнодорожные платформы и в теплушки и срочно перебросили на фронт, в действующую армию. Эшелоны полка следовали почти безостановочно. И вот уже позади остались Москва, Калинин, Вышний Волочёк, с ходу первый эшелон проскочил горящую станцию Бологое и повернул на юго-запад, в сторону города Осташкова. Проследовав через Осташков, Пено, Андреаполь, он остановился на безымянном разъезде среди леса, на ближних подступах к городу Торопец. Быстро разгрузившись, полк сосредоточился в хвойном лесу. Вскоре прибыли и другие эшелоны. В соответствии с приказом Г. К. Жукова 644-й артполк был включен в состав 29-й армии Западного фронта, войска которого вели тяжелые оборонительные бои на смоленском направлении. Из района сосредоточения часть совершила марш к фронту. Преодолев свыше 80 километров, дивизионы полка заняли позиции на правом берегу Западной Двины у села Севостьяново Западнодвинского района Калининской (ныне Тверской) области. На этом рубеже полку была поставлена боевая задача поддержать артиллерийским огнем наступление 243-й стрелковой дивизии генерал-майора Пархоменко.

Вот как впоследствии вспоминал тот первый бой бывший однополчанин разведчика, командир 1 — й батареи 644-го артполка 29-й армии полковник в отставке Савелий Ильич Чернышев: «Перед фронтом 243-й стрелковой дивизии, на противоположном берегу Западной Двины, просматривалось слегка холмистое открытое поле, с трех сторон которого простирался хвойный лес. Ближе к левому краю и в центре поля находились два населенных пункта: Соковичино и Баево. Левее села Морозово Западная Двина делала крутой поворот и уходила в наш тыл, в результате часть подразделений дивизии оборонялась за рекой по западной опушке леса. С этого направления и было решено нанести удар по врагу. Атака частей дивизии была назначена на 10 часов утра, когда противник меньше всего ожидал нашего наступления. В назначенное время два дивизиона артполка и артиллерия дивизии произвели мощный 15-минутный огневой налет по боевым порядкам врага. Не успел еще затихнуть грохот от разрывов снарядов и мин, как пограничники и бойцы внутренних войск, развернувшись в цепь, стремительно атаковали противника.

Достигнув первых окопов неприятеля, они пустили в ход гранаты, приклады и штыки. Расчеты 45-мм пушек, двигаясь в боевых порядках наступающих, огнем прямой наводки

уничтожали пулеметные точки и дзоты. Захваченные врасплох, фашисты дрогнули и начали пятиться…

Наблюдая это паническое бегство врага, наши артиллеристы усилили огонь. Батареям была дана команда не жалеть снарядов. По всему обозримому полю среди бегущих гитлеровцев вставали фонтаны земли, дыма и пыли от разрывов тяжелых пушечных снарядов. От прямых попаданий и осколков горели автомашины, переворачивались мотоциклы, падали лошади в артиллерийских упряжках, валились подводы и походные кухни. Оставшиеся в живых фашисты удирали без оглядки и вскоре скрылись за горизонтом в лесу. На склонах холмов, в оврагах и населенных пунктах валялись десятки трупов врага, брошенное оружие, боеприпасы и боевая техника. Мы, артиллеристы, впервые наблюдали, как наши славные воины-чекисты при поддержке артиллерийского огня обратили в бегство завоевателей Европы».

Красноармеец разведывательного артиллерийского дивизиона Конон Молодый тоже был там…

Осенью 1941 года 644-й пушечный артиллерийский полк держал оборону на рубеже Старая Русса — Демянск — Осташков — Селижарово. С 21 июля 1941 года в составе Западного фронта он участвовал в Смоленском сражении, оборонительных боях к югу от города Торопец и на левом берегу Волги на участке Ржев — Старица. С октября, в составе Калининского фронта, принимал участие в обороне Калинина, Вязьмы, боях под Ржевом.

Это были тяжелые, изматывающие позиционные бои в обороне, где Конон Молодый, который прикрутил к петлицам сержантские треугольники, начал осваивать мастерство дивизионного разведчика.

Каким же был этот нелегкий солдатский труд? Лучше всего об этом, пожалуй, поведал в своей повести «Звезда» фронтовик-разведчик Эммануил Казакевич: «Надев маскировочный халат, крепко завязав все шнурки — у щиколоток, на животе, под подбородком и на затылке, разведчик отрешается от житейской суеты, от великого и от малого. Разведчик уже не принадлежит ни самому себе, ни своим начальникам, ни своим воспоминаниям. Он подвязывает к поясу гранаты и нож, кладет за пазуху пистолет. Так он отказывается от всех человеческих установлений, ставит себя вне закона, полагаясь отныне только на себя. Он отдает старшине все свои документы, письма, фотографии, ордена и медали, парторгу — свой партийный или комсомольский билет. Так он отказывается от своего прошлого и будущего, храня все это только в сердце своем.

Он не имеет имени, как лесная птица. Он вполне мог бы отказаться и от членораздельной речи, ограничившись птичьим

свистом для подачи сигналов товарищам. Он срастается с полями, лесами, оврагами, становится духом этих пространств — духом опасным, подстерегающим, в глубине своего мозга вынашивающим одну мысль: свою задачу.

Так начинается древняя игра, в которой действующих лиц только двое: человек и смерть».

Помимо участия в поисках занимался Конон Молодый также и тем, что называется «инструментальной разведкой», и было это главной работой артиллерийских разведчиков. Невероятно тяжелая и ответственная задача. Как вспоминал об этом другой ветеран, на войне тоже бывший разведчиком: «Помню утомительные дни наблюдения за передним краем противника. С раннего утра и до темноты, вечером и ночью. Глаза до того болели, что я промывал их холодной водой. Затем привык».

Если посмотреть донесения о потерях 644-го ПАП в декабре 1941-го — январе 1942 года, то получается, что этот полк в то время действовал в Старицком районе… Назывался он тогда 644-м АП РГК (артиллерийский полк резерва главного командования) и понес серьезные потери в боях у деревень Вяхирево и Дмитриевское Старицкого района Калининской области.

В феврале 1942 года полк потерял немало людей убитыми и ранеными в районе деревни Киево Ржевского района Калининской области. Жуткие, кровопролитные были там бои…

Основная задача у всех категорий пеших разведчиков, к которым относились и дивизионные разведчики 644-го ПАП, — разведать оборону противника, его ближние тылы, любой ценой достать, взять «языка». Если прервана связь с соседями, значит, восстановить ее. К тому же разведчиков иногда использовали и вместо пехоты. Полковая, дивизионная разведка, к которой принадлежал Конон Молодый, в основном действовала в пределах передовой и ближних тылов. Войсковые разведчики ходили в тыл уже дальше, в пределах 20 километров. Глубже на вражескую территорию проникали лишь фронтовые разведчики, нередко носившие немецкую форму и прекрасно знавшие немецкий язык. В поиск набирались группа захвата и группа обеспечения. В группу захвата входило максимум пять человек. Инструментальную разведку проводили в одиночку или парами.

«Одежду носили обычную, без погон, без наград и знаков отличия. Под конец войны переодевались во все немецкое — сапоги, маскхалаты… Только пилотка своя. Правда, когда шли в тыл врага, нередко надевали трофейную. И оружие тоже часто использовали трофейное».

К сожалению, Конон Трофимович оставил очень мало воспоминаний о войне. Кое-чем поделился он с сыном Трофимом,

который в одном из интервью поведал следующее: «Отец был… в разведке в артиллерийском дивизионе. Я был знаком с дядей Вовой Чеклиным, старшим его группы, в составе которой отец ходил за линию фронта брать «языков». Служили, как они говорили, «весело», но какое жестокое было время! Чеклин, умерший раньше отца, мне рассказывал, что после одной такой удачной зимней вылазки доложил он в штабе о взятом «языке» и возвращался знакомой тропинкой в землянку. А его ребята понатыкали в сугробах замерзших мертвых немцев с оружием в руках. Идет дядя Вова, поворачивает к землянке — а тут немцы. У него рефлекс: падает, стреляет чуть не в упор, а они стоят. И из-за бугорка — дикий хохот. Что вы хотите? Молодые парни, 1922 года рождения, вот так они его и разыграли…»

Один из бывших войсковых разведчиков в документальной книге о войне вспоминал: «Хороший разведчик должен прежде всего обладать психологической устойчивостью. Главное, чтобы в очень сложные и ответственные моменты он не бросился в панику… И потом нужно привыкнуть, что в любой момент тебя могут убить… Если ты думаешь, как бы выжить, ты уже не надежен. Вот это и будет «посредственный разведчик». Он не трус, но на ответственное задание его не возьмешь».

С Кононом Молодым ходили в разведку охотно. И этим все сказано…

В марте 1943 года полк понес потери в наступательных боях за деревню Коробово Старицкого района. Большую роль в успешном окончании операции по освобождению этого населенного пункта сыграли разведчики, выявившие расположение огневых точек противника.

На фронте разведчики изматывались физически и морально, поскольку рисковать им приходилось значительно чаще других. В подтверждение этих строк приведем краткие выдержки из опубликованных воспоминаний ветеранов, воевавших в таких же частях, что и Конон Молодый:

«Почему я в разведку пошел? Там сам за себя в основном отвечаешь и надеешься только на себя да на верных, проверенных товарищей…»

«Разговоры на тему, что, мол, будем делать после войны, у нас не звучали. Потери у разведчиков были просто страшные».

«Был закон: своих, даже мертвых, вытаскивать, если возможно».

«В какое время года труднее всего воевать? В любое плохо. Очень плохо, когда луна. Мы эту предательницу луну ненавидели. Особенно зимой на снегу видны тени. Никакой маскхалат тебя не скроет — ползешь, и видно, как твоя тень

ползет. Летом-то еще ничего… Зимой страшно ползти, наст хрустит…»

«У наших самым надежным паролем был мат. Тебе дают пароль, когда идешь на задание, а если задержался, пароль уже поменяли. Ты возвращаешься, а тебя свои же начинают обстреливать. Единственное, что помогало — начинаешь сразу громко крыть стреляющих «по матушке», и огонь прекращается».

«Спиртным никто чрезмерно не увлекался. Выпивали лишь перед разведкой боем, которую у нас называли «разведкой смертью». Перед обычным разведпоиском, как правило, не пили. Это была для нас обычная работа, и в стимуляции нашей смелости алкоголем мы не нуждались».

«Помните, разведчики и диверсанты — это единственные люди в армейских рядах, которые всю войну провели, как говорится, лицом к лицу с врагом и со смертью. В буквальном смысле… Любой фильм ужасов покажется вам лирической комедией после честного рассказа войскового разведчика о том, что ему пришлось увидеть и испытать в разведке. Нам ведь часто приходилось немцев не из автоматов убивать, а резать ножами, душить руками… Сами вдумайтесь, что стоит за фразой «я снял часового» или «мы бесшумно обезвредили охрану»… Спросите разведчиков, какие кошмары им снятся до сих пор по ночам».

По словам друзей и родственников Конона Трофимовича, этот общительный человек был крайне скуп на воспоминания о пережитом в лихую годину войны. Возможно, не хотел бередить нанесенные ему фронтом душевные раны…

Как впоследствии признавался сам Конон Молодый в изданной по материалам бесед с ним книге «Моя профессия — разведчик»: «Я был в том самом первом звене армейской разведки, которое действует непосредственно на передовой. Взять «языка», разведать расположение огневых точек — такие задания ставились перед бойцами подразделения, в котором я служил… Сначала рядовым, потом офицером. Закончил войну в должности помощника начштаба… О характере заданий, которые нам поручали, можно судить по тому, что из трехсот человек, которые начали войну со мной, завершили ее лишь семнадцать. В том числе и я…» И здесь же припомнил конкретный случай из своей фронтовой биографии: «Однажды вдвоем с товарищем ушли мы в разведку. Впрочем, не ушли — уползли. Нам не повезло: на ничейной земле немцы засекли нас. Белой пустыней лежали снега, тихо мерцали, холодно искрились под бледной, будто напуганной бесконечным грохотом войны, луной. Вспыхивали и гасли, распахивая небо, ракеты. Ударила автоматная очередь — пули легли чуть сбоку от нас. Мы повалились, зарылись в сугроб.

Мороз был такой — звезды, казалось, трещали. Так мы пролежали часа два, а может, и меньше — время казалось бесконечным.

— Всё, пошли дальше, — тихо сказал товарищ.

— Лежи. Рано.

— Забыли про нас фрицы. Или решили, что прихлопнули.

— Лежи, — попросил я.

Товарищ не послушался. Приподнялся на мгновение. Очередь прошила ему грудь…»

В другой раз Молодый с сослуживцами ехал в крытом брезентом кузове грузового «студера», когда неожиданно налетевший немецкий истребитель буквально изрешетил из пулеметов машину, убив и ранив большинство бывших в ней солдат. Что касается Молодого, то он не получил ни царапины…

Летом 1943 года началась наступательная операция Красной армии на Смоленщине. Вот выписка из боевого приказа, датированного началом августа: «275-я стрелковая дивизия с 256-й танковой бригадой… прорывает оборону противника на участке безымянная высота 1,5 км западнее Жеребцово, Теленково. Поддерживает 644-й ПАП».

Конон Молодый со своими однополчанами принимал непосредственное участие в этом сражении, которое завершилось освобождением от немецко-фашистских захватчиков Смоленска и многих других близлежащих городов и сел. Приказом № 25 от 25 сентября 1943 года 644-й пушечный артиллерийский полк полковника Кривошапова получил почетное наименование «Смоленского». Позже он вошел в состав 31-й армии, с которой воевал до конца войны. В феврале — марте 1944 года он участвовал в Витебской операции. В составе 3-го Белорусского фронта сражался в Белорусской и Гумбинненской наступательных операциях.

Конон Молодый к тому времени уже надел офицерские погоны — стал младшим лейтенантом.

В мае 1944 года 644-й ПАП был преобразован в 140-ю армейскую пушечную артиллерийскую бригаду (ПАБ), которая практически сразу же отличилась в боях. Она, в частности, принимала участие в освобождении Витебска. 26 июня 1944 года войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов в ходе проведенной на первом этапе операции «Багратион» Витебско-Оршанской (23–28 июня 1944 года) наступательной операции выбили фашистов из города. Всем частям, участвовавшим в освобождении Витебска, Верховным главнокомандующим была объявлена благодарность. В их честь 26 июня 1944 года в Москве был дан артиллерийский салют двадцатью залпами из 224 орудий. Помимо непосредственно военнослужащих орденами

были награждены и наиболее отличившиеся воинские части. Среди удостоенных ордена Красного Знамени была и 140-я Смоленская армейская пушечная артиллерийская бригада, в которой служил Конон Молодый. Впоследствии она сыграла важную роль в ликвидации минского «котла», осуществленной в период с 5 по 13 июля 1944 года.

В последние дни лета 1944 года войска 3-го Белорусского фронта и в их составе 31-я армия, а с ней и 140-я армейская ПАБ вышли к границам Восточной Пруссии. Начались упорные, кровопролитные бои, которые шли уже на вражеской территории. Фашисты сопротивлялись отчаянно.

Бригада участвовала в Восточно-Прусской наступательной операции. Вспоминая рассказы отца о том периоде, Трофим Кононович писал:

«Никак наши не могли взять Кёнигсберг. Нужен был хороший «язык», а у разведчиков — ноль. И наткнулись они на какое-то странное место: ворота, въезжают автомобили и словно под землю проваливаются. Причем днем машины все больше обшарпанные, вечерами — «мерседесы», «опели». Подобрались разведчики поближе, разузнали. Оказалось, что в подземном бункере разместили немцы публичный дом. Утром туда отправлялись солдаты, вечером — уже офицеры. Наши их накрыли, захватили кучу офицеров…»

Идея «свинтить» разомлевших вояк принадлежала Ко-нону Молодому. Он со своими подчиненными воплотил ее в жизнь без потерь со своей стороны. За что и получил один из своих орденов — Отечественной войны I степени.

В разведку шли добровольно, причем принимали любого, был бы сильным, ловким, смелым и решительным. Если в первые годы войны отбирали лучших из лучших, то ближе к ее концу, когда многие из прежних выбыли из строя, никто уже особенно не рвался воевать в разведке. И оттого ей катастрофически не хватало кадров. Вот и принимали туда даже добровольцев из числа бойцов штрафных рот и батальонов. Судимость с них при этом снималась. Но и из них шли в разведку только самые отчаянные…

В начале апреля 1945 года, понеся тяжелые потери, бригада была отведена на переформирование, пополнение личным составом и техникой, после чего приняла участие в наступательных боях на территории Германии и непосредственно в штурме Берлина. Конон Молодый имел удовольствие лично видеть горящий рейхстаг и даже оставить на нем автограф.

В конце войны приданная вместе с 31-й армией 1-му Украинскому фронту 140-я бригада участвовала в Пражской

наступательной операции.

В первые дни после Победы

В 1966 году, незадолго до очередной годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Конон Трофимович рассказывал:

«В годы войны фронтовикам казалось, что многие боевые эпизоды никогда не исчезнут из их памяти. Но это оказалось не так. И после войны наша жизнь была наполнена яркими событиями, и постепенно мы стали все реже воскрешать в своей памяти годы, проведенные на фронте.

Приближающаяся годовщина нашей исторической победы невольно заставляет всех нас, и особенно бывших фронтовиков, вспомнить о войне.

Сейчас трудно выделить какой-то отдельный эпизод. Начинаешь вспоминать какое-то яркое событие, и тут же возникают образы боевых друзей, погибших во время боевых операций. Как мало пожили они! Как грустно, что столько друзей не отметили День Победы.

Особенно запомнились мне первые дни после Победы. Мы только что вступили на территорию Чехословакии, куда нас перебросили из-под Берлина 2 мая. Должен признаться, что большинству из нас просто не верилось, что война закончилась, а мы остались в живых. Ведь после нескольких лет на фронте мы смотрели на смерть в бою как на вполне нормальное и чуть ли не закономерное явление. На эту тему обычно не разговаривали, но вряд ли было много людей в нашей части, которые рассчитывали увидеть конец войны.

Хотя война и закончилась, сопротивление отдельных групп противника продолжалось. Объяснялось это тем, что немцы во что бы то ни стало хотели сдаться американцам, боясь возмездия за свои преступления против советского народа.

Проезжая через небольшой чешский населенный пункт спустя три или четыре дня после окончания войны, я услышал стрельбу. Вместе с нами через это местечко тянулся обоз. Движение остановилось, и я пошел вперед, чтобы выяснить, в чем дело. Оказалось, что обнаружена группа эсэсовцев, которые засели в ратуше и отказались сдаваться.

Ратуша стояла посреди базарной площади, и подступиться к ней было трудно. Кроме взвода разведки, который был со мной, других боевых подразделений поблизости не было.

Честно признаюсь, что ни мне (я тогда был помощником

начальника штаба по разведке), ни моим бойцам совсем не хотелось рисковать жизнью уже после окончания войны. Пока я раздумывал, появилась легковая автомашина с незнакомым генералом. Мои бойцы были в маскхалатах и хорошо вооружены. На фоне «обозников» (как правило, это были пожилые люди, к тому же страдающие каким-либо недугом) мы сразу бросились в глаза генералу, и он подозвал меня. Узнав причину задержки, он приказал мне ликвидировать засевшую в ратуше группу противника.

Операция эта была пустяковой. Однако мы не знали ни численности, ни вооружения противника, и это затрудняло ее выполнение. У нас был один ручной пулемет, автоматы и гранаты.

По глазам бойцов я видел, что особого энтузиазма они не испытывают. Тем не менее они быстро и умело взялись за дело. Несколько человек проникли в дома, окружающие базарную площадь, и затеяли перестрелку *с* противником. Остальные, под прикрытием их огня, стали перебегать в места, откуда мы должны были ворваться на нижний этаж. Я был уверен, что противник сильнее всего будет оборонять вход в здание, и поэтому решил ворваться в него через окна в двух разных местах. Сигналом к броску должна была послужить брошенная мною в окно граната.

На войне я уже давно усвоил, что, как правило, торопиться помирать не следует, и поэтому медлил с подачей сигнала. Окинув в последний раз взором площадь, я увидел за углом шофера своей машины, который пытался что-то мне крикнуть. В шуме выстрелов его было невозможно расслышать. Я махнул ему рукой, чтобы он подбежал ко мне. Мы открыли дружный огонь по окнам ратуши, и шофер благополучно добрался до нас. Оказалось, что в нескольких сотнях метров от нас только что подошла самоходная пушка.

Я приказал усилить огонь по противнику и перебежками выбрался с площади. Добежав до самоходки, объяснил ее командиру обстановку и попросил его помочь. Он охотно согласился, и через несколько минут самоходка подошла к площади. После первого же ее выстрела, который снес часть крыши ратуши, в одном из окон показался белый флаг. Спустя еще несколько минут из здания вышли 14 эсэсовцев с высоко поднятыми руками. Оставалось лишь обыскать здание.

Я думал, что это будет последняя боевая операция в моей жизни, но я ошибся…»

Войну Конон Молодый завершил помощником начальника штаба разведывательного дивизиона 140-й армейской пушечной артиллерийской Смоленской Краснознаменной ордена Суворова

бригады (31-я армия 3-го Белорусского фронта). За мужество и героизм, проявленные при выполнении заданий, он был отмечен наградами: медалью «За боевые заслуги» (15 декабря 1942 года), орденами Красной Звезды (25 ноября 1943 года), Отечественной войны II степени (18 июля 1944 года), Отечественной войны I степени (13 февраля 1945 года). Среди его наград есть и солдатский знак «Отличный разведчик», которым он очень гордился.

В 1946 году Молодый демобилизовался. С собой на родину он вез служебную характеристику, из которой, в частности, следовало:

«Тов. Молодый К. Т., 1922 года рождения, русский, член ВКП(б), военного образования не имеет, в РККА с октября 1940 года, в Отечественной войне участвовал с 22 июня 1941 года.

Товарищ Молодый К. Т. с первых дней Отечественной войны участвовал в боях с немецкими захватчиками и проявил себя смелым, инициативным командиром. Пройдя большой путь от бойца до командира в условиях боевой обстановки, тов. Молодый накопил богатый опыт и практику в ведении инструментальной разведки, а также в организации ее. За выдающиеся заслуги в организации разведки огневых средств противника тов. Молодый награжден…»

В Москву старший лейтенант Молодый ехал своим ходом, на трофейном легковом автомобиле. Боялся не успеть на вступительные экзамены в вуз.

Надо было быть настоящим авантюристом и безумно храбрым человеком, чтобы в одиночку пуститься в столь опасное путешествие по разбитым войной дорогам, в условиях разгула уголовного элемента, разного рода националистических банд, групп недобитых фашистов и дезертиров. Даже в лесок порой было не отойти: мин неснятых много там еще оставалось. Можно только догадываться, какие чувства испытывал офицер, проезжая те самые места, где он сам воевал несколько лет тому назад: Белоруссию, Смоленщину, Подмосковье. Повсюду видны были свежие солдатские могилы, слегка заросшие и осыпавшиеся воронки, траншеи, сожженные деревни, ржавеющая в полях разбитая техника…

Из документов на машину имелась только подписанная командиром части «дарственная». Ну и пистолет наверняка был припрятан «на всякий пожарный». Но обошлось без приключений, недаром сослуживцы считали его везучим. И только на въезде в столицу Молодого остановил наряд военной автоинспекции. Люди в форме осмотрели машину, повертели порядком затертую на сгибах «дарственную» и без лишних церемоний изъяли

транспортное средство, впрочем, обещав вернуть его сразу же после оформления «положенных бумаг». Фронтовик лишь улыбнулся в ответ и махнул рукой: «Если с машиной какие-то проблемы, берите, не жалко! Я до дома на ней уже доехал быстрей, чем на поезде, и больше она мне в принципе ни к чему!» Такой уж он был: щедрый, добрый, широкой души, отходчивый и незлопамятный человек… Жаловаться или скандалить не стал, хотя и имел на то полное право. Но ему тогда было не до «трофеев».

Открывалась новая яркая страница в героической биографии Конона Молодого: учеба в Московском института внешней торговли, направление на работу во внешнюю разведку органов государственной безопасности и длительная и успешная работа за рубежом в качестве руководителя нелегальной резидентуры.

В течение шести лет нелегальная резидентура Молодого успешно добывала ценную секретную документальную информацию Адмиралтейства Великобритании и военно-морских сил НАТО, касающуюся, в частности, английских программ разработки вооружений, в том числе — ракетного оружия.

Значительно позже, уже после окончательного возвращения в Москву, Молодый в узком кругу друзей отмечал:

«Из двенадцати мальчишек моего класса в живых после войны остался я один. Могу ли я это забыть?

Не хочу больше войны! Эта идея давала мне силы. Если угодно, она несла и романтический заряд, без которого, будучи по натуре сухим рационалистом, я бы не стал работать в разведке.

Иногда думал о том, правильно ли сделал, что не пошел по стопам родителей: отец — физик, мать — врач, и все родственники-мужчины — физики, женщины — врачи. Но в сороковом ушел в армию, потом в сорок шестом вернулся, и мне отсоветовали заниматься физикой: вроде бы утрачен темп, как у шахматистов. Поздно! Вот и стал гуманитарием, если полагать мою нынешнюю профессию и не точной, и не естественной, да и вообще — наукой ли?

Впрочем, я так устроен, что никогда не жалею об уже свершенном и не мечтаю попусту. Мои коллеги относят меня тем не менее не к грубым реалистам, а к реалистам с «романтической прожилкой». Ошибаются? Нет?»

Глава третья
СТАНОВЛЕНИЕ РАЗВЕДЧИКА-НЕЛЕГАЛА

Разведка — это не приключенчество, не какое-либо трюкачество, не увеселительные поездки за границу, а прежде всего кропотливый и тяжелый труд, требующий больших усилий, напряжения, упорства и выдержки, воли, серьезных знаний и большого мастерства.

Вильям Фишер (Рудольф Абель), разведчик-нелегал

Итак, в первом послевоенном 1946 году 24-летний офицер лейтенант Молодый, имевший за плечами школу-десятилетку, практически свободно владевший иностранными языками, прошедший войну от первого ее дня до последнего, демобилизовался из армии. Перед фронтовиком открывалась новая, мирная, как ему казалось, жизнь.

Безусловно, Конону хотелось отдохнуть от тягот войны и серьезных забот и обязанностей последних шести лет, побыть в семье, погулять с друзьями и подругами. Но близкие друзья остались лишь в армии или разъехались после демобилизации по своим родным местам. В Москве в десятом классе близких друзей да и девушки он приобрести не успел. И Молодый решил идти учиться.

Следует отметить, что в послевоенные годы тяга к учебе у молодых людей была очень сильной. Самый большой конкурс в столице был в два высших учебных заведения: в Институт международных отношений и в Институт внешней торговли. Эти вузы открывали молодежи дорогу в иные страны и давали доступ к наукам, доселе неизвестным и загадочным. Правда, основной контингент абитуриентов в эти институты всегда состоял из детей высокопоставленных советских чиновников. Но первый послевоенный год открыл институтские двери молодым фронтовикам и рабочим парням-допризывникам, которые работали в военные годы на оборонных предприятиях. Им предоставлялись даже некоторые льготы, хотя сдавать экзамены

все равно надо было наравне с другими.

Институт внешней торговли

В августе 1946 года Молодый решил сдавать вступительные экзамены в Институт внешней торговли Министерства внешней торговли СССР.

В те времена институт, созданный в 1934 году в Ленинграде, а затем через некоторое время переведенный в Москву, действительно являлся одним из престижнейших учебных заведений столицы, готовившим специалистов высокой квалификации для внешней торговли и внешнеэкономической деятельности. Правда, Конона привлекала в нем в первую очередь возможность изучать иностранные языки.

Институт располагался тогда в центральной части города, в тихом Бабушкином переулке (с 1964 года — улица Александра Лукьянова), что между Красными Воротами и Елоховской площадью. Позже, в 1958 году, его вместе с уникальным профессорско-преподавательским составом «влили» в качестве одного из факультетов в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). Но это было уже позже…

А тогда, в августе 1946-го, на приемных экзаменах в аудиториях института преобладали абитуриенты «солидного» возраста — в сравнении со школьниками-«мало-летками». Подавляющая часть — бывшие фронтовики, многие в военной форме без погон, но с орденскими планками на груди, а также серьезные парни и девушки, которые в годы войны, прервав учебу, работали на заводах, фабриках и других предприятиях, а среднее образование получали в вечерних школах рабочей молодежи.

Известный советский журналист-международник Леонид Колосов, учившийся вместе с Молодым в институте и друживший с ним, позже вспоминал:

«Наряду с фронтовиками и у меня было некоторое преимущество перед школьниками — рекомендация райкома комсомола, где я характеризовался как «отличный производственник и активист-общественник, сумевший закончить десятилетку без отрыва от производства в вечерней школе рабочей молодежи».

Итак, август сорок шестого. В аудиториях института идут приемные экзамены. Абитуриенты самые разномастные: аккуратненькие девочки в очень приличных платьицах, чинные мальчики в костюмчиках — «элита», так сказать, — и

великовозрастные фронтовики, разношерстно одетые ребята из рабочего сословия, не отличающиеся элегантностью речи.

Заприметил я Молодого сразу, хотя он ничем особенным не отличался от других. Вот только имя его поразило. «Конон», — представился он, когда мы по какой-то необъяснимой взаимной симпатии потянулись друг к другу уже во время экзаменов. «Как?» — простодушно изумился я, думая, что ослышался. «Конон, — повторил он широко улыбаясь. — Так назвал меня отец в отместку за то, что его нарекли банальным именем Трофим…»

А в остальном он был как все фронтовики, пожелавшие сменить винтовки на учебники. Невысокий, скуластый, черноволосый, с неизменной смешинкой в раскосых глазах (вспомним его бабушку — представительницу одного из коренных малочисленных народов Севера — ламутов. — *В. А.),* одет в поношенные гимнастерку, галифе и не раз чиненные армейские сапоги. Только вот орденских планок было у него побольше, чем у других. «Храбрый, должно быть, парень», — сразу подумал я. А храбрый парень так же, как и все мы, грешные, дрожал мелкой дрожью под дверями, за которыми принимал очень «жестокий», по утверждению всех, экзаменатор. На вид был этот экзаменатор вполне милым и респектабельным старичком с бородкой клинышком. Когда очередной кандидат в студенты начинал тонуть в волнах собственной неосведомленности, старичок вскидывал голову и грозно переспрашивал: «Как? Как?! Как?!!» После этого уже никакое чудо не могло спасти от «неуда» обреченного абитуриента. А экзаменатор переходил на ехидно-ласковый тон: «Молодой человек, вы умеете кататься на велосипеде? Умеете. Очень хорошо. Так вот идите и катайтесь. В институт вам поступать рановато. Займитесь лучше спортом. Может быть, чемпионом станете».

Нас с Кононом пронесло — обошлось без грозных «как». Мы успешно сдали экзамены и были зачислены на первый курс, правда, на разные факультеты: он — на юридический, я — на валютно-финансовый. Однако это не помешало нам оставаться друзьями. Напротив, взаимная привязанность все более росла, доверие тоже…

Учился Конон хорошо, все ему давалось легко, даже трудный китайский, в знании которого он уже через год начал превосходить своего престарелого преподавателя. Ребята и девушки как-то сразу и единодушно признали в нем лидера. Во всяком случае, с первого по пятый курс был он бессменным секретарем партийного бюро факультета.

Учеба и общественные дела занимали наше основное время.

Конон проводил собрания и занимался китайским языком с отстающими студентами. Я же увлекся драматическим искусством и даже был одним из основателей студенческого театра. Конон любил ходить на репетиции, когда у него было время, и неизменно посещал все наши премьеры».

В свою очередь, генерал-лейтенант Виталий Павлов, являвшийся в 1961–1966 годах первым заместителем начальника советской внешней разведки, а в начале 1950-х годов руководивший подразделением ее нелегальной службы, сотрудники которого изучали Молодого в период его учебы в Институте внешней торговли в качестве кандидата на работу в органы государственной безопасности, в своих мемуарах писал:

«Лично я познакомился с Молодым в 1951 году, когда, будучи руководителем англо-американского отдела нелегальной разведки, пригласил его на беседу.

Тогда Конон Трофимович произвел сильное впечатление, надолго оставшееся в памяти. Он всегда стоял особняком, как, в известной мере, образец идеального разведчика.

В молодые годы он успел пройти суровую школу Великой Отечественной войны. Характеризовался как отважный и смелый войсковой разведчик, неоднократно ходивший в тыл противника.

Когда он был еще студентом третьего курса института, на него обратила внимание советская разведка. Изучение его личных и деловых качеств в течение двух лет только подтвердило соответствие его кандидатуры высоким требованиям, которые предъявляет к разведчикам работа в нелегальных условиях.

Парень вызывал большую симпатию своим оптимизмом, уверенностью. Он обладал явными выдающимися способностями к разведывательной деятельности.

На мой вопрос, готов ли он сделать еще один крутой поворот в жизни и ступить на стезю разведчика, причем не легального, работающего под прикрытием официального сотрудника советского учреждения за границей, а нелегального, под личиной иностранца, Молодый с усмешкой сказал, что после всего испытанного им во время войны его уже больше ничто не может напугать. Он дал согласие и с того самого весеннего дня 1951 года был приобщен к нашим делам как кадровый офицер.

Приступив к его интенсивной подготовке, мы уже через пару лет имели в его лице разведчика, готового к работе руководителем резидентуры».

А упоминавшийся выше Леонид Колосов по этому же поводу позже, вспоминая о нем, подчеркивал:

«Главные, да и, пожалуй, единственные источники, формирующие наше представление о профессии разведчика —

кино и литература, — давно выработали определенный штамп: сложенный, как древнегреческий бог, молодой человек с чеканными сверхволевыми чертами лица, обладающий поразительной находчивостью и острым, как лезвие бритвы, цепким умом.

У Молодого была типичная внешность разведчика. Типичная в том смысле, что маловыразительная и неприметная. И это надо понимать буквально: он человек без особых примет. Все у него как бы среднее — рост, телосложение, полнота, нос, глаза… И особо красивым его не назовешь, и некрасивым считать нельзя. Если вечером вы познакомитесь с ним, а наутро вас попросят описать его, почти наверняка вы не сможете этого сделать. В памяти останется только ощущение чего-то общего и еще — приятного. Впрочем, обаяние — это уже сугубо личная его черта.

Внешность его лишена каких-либо ярких национальных черт. Он легко может сойти и за англичанина, и за скандинава, равно как и за немца, славянина или даже француза».

С портретом Молодого, «нарисованным» его другом Леонидом Колосовым, перекликается повествование российского писателя Валерия Аграновского, который неоднократно встречался с разведчиком как с Лонсдейлом после его возвращения в Москву:

«Даже внешний облик Лонсдейла, не зарисованный мною с натуры в блокнот, нынче воспроизводится памятью, как если бы художнику-портретисту предложили воспользоваться строго ограниченным количеством мазков. Лонсдейл был ниже среднего роста. Широкоплеч, крепко сбит. Черный, скуластый, глаза немного раскосые. Взгляд острый, ироничный, живой. Впрочем, в случае нужды Лонсдейл умел надевать на лицо маску непроницаемости, и тогда к нему вполне подходило расхожее выражение, часто применяемое авторами детективов: «Ни один мускул не дрогнул на его лице».

Пять напряженных лет учебы в институте пролетели незаметно. Окончив институт с красным дипломом, новоиспеченный юрист-экономист мог бы сделать блестящую карьеру, но вмешался случай в лице, как мы уже говорили выше, представителей внешней разведки, наблюдавших за студентом Молодым и изучавших его. Еще учась на пятом курсе, Молодый дал согласие после окончания института перейти на службу во внешнюю разведку органов государственной безопасности. Однако оформление несколько затянулось. Было принято решение, что в случае необходимости он останется на некоторое время в институте в качестве преподавателя китайского языка. На последних курсах Молодый входил в состав авторского

коллектива, готовившего к выпуску учебник китайского языка, по которому, кстати, до сих пор занимаются студенты языковых вузов. Помимо блестящего знания английского и китайского он свободно говорил на французском и немецком языках.

И вот наконец государственные экзамены. Предоставим вновь слово Леониду Колосову:

«Последний государственный экзамен мы сдавали вместе, в один из июньских дней 1951 года. Большинство из будущих молодых специалистов уже знали о том, куда поедут и где будут работать. Мне мой друг сказал, что попросился на работу в один из пограничных с Китаем городов, где находился крупный таможенный пункт.

Счастливые и довольные, с дипломами в карманах возвращались мы пешком домой из института. По дороге он вдруг предложил:

— Слушай, старина, выпьем напоследок по кружке пива?

— А что, давай.

Потом на перекрестке двух улиц мы расстались. «Я позвоню тебе через недельку», — сказал он на прощанье, крепко пожимая мне руку.

Но ни через неделю, ни через две он так и не позвонил. Я отправился по профсоюзной путевке в подмосковный дом отдыха, а вернувшись, сам решил напомнить о себе. Трубку взяла его мать. Я сразу узнал ее по голосу.

— Это ты, Леня… А Конон уехал… Разве не знаешь? Да, да, уехал по распределению на работу в таможню два дня назад.

— А вы не знаете его адреса?

Она помедлила с ответом, потом тихо сказала:

— Пока не знаю… Но он просил тебе передать, что напишет сам, как только устроится.

Писем от Конона я так и не дождался. Что поделаешь? Мало ли какие причины бывают у людей, чтобы не писать писем…»

Переход на работу в разведку

А Конон Молодый в это время активно готовился к будущей работе разведчика-нелегала. Подготовка была исключительно напряженной и заняла несколько лет. Естественно, по соображениям секретности мы не можем затрагивать здесь вопросы о том, как готовят разведчиков-нелегалов к самой сложной и опасной в разведке работе. Однако совершенно ясно, что существует много способов подготовки нелегалов, непременным условием которой является, как нам

представляется, изоляция на время подготовки от родственников и друзей и обязательное постоянное совершенствование языка, на котором он будет впоследствии разговаривать в другом обличье и в другой стране.

Позже сам Конон Молодый подчеркивал:

«Прежде всего, необходимо в совершенстве знать по крайней мере язык той страны, гражданином которой должен на несколько лет стать разведчик. Но мало владеть чужим языком как своим родным. Надо еще знать, хотя бы в объеме учебных программ, литературу этой страны, книжки, которые читают школьники, кинофильмы, которыми они увлекаются, их кумиров — путешественников, исследователей, спортсменов, киноактеров…

Необходимо также научиться со временем думать на чужом языке, чтобы в случае внезапного пробуждения среди чужих людей или какого-либо потрясения не раздалась бы твоя родная, в том числе и матерная, речь, от которой истинно русскому человеку очень нелегко отвыкать. Уже одна эта задача требует от разведчика высшего самоконтроля, умения владеть собой в самых разнообразных условиях. Надобно быстро и точно улавливать все обстоятельства, быстро их анализировать, принимать правильные решения, уметь безотлагательно и четко проводить задуманное в жизнь. И еще требуется быть решительным, но не безрассудным, спокойным, но не медлительным, быстрым, но не суетливым, находчивым, но не очень авантюрным.

Посему пришлось забыть обо всем, кроме изучения специальных дисциплин. Надо было вжиться в свою «легенду», то бишь новую, синтетически составленную историю жизни. Для этого мало знать назубок свою новую биографию, надо научиться играть роль другого человека, жить его жизнью, поступать так, как поступил бы этот персонаж, высказывать его мнение по различным вопросам. Естественно, что легенда не может предусмотреть абсолютно все мелочи и могущие возникнуть вопросы. Поэтому разведчику приходится нередко импровизировать. Но, соврав однажды, надо твердо и долго помнить, как и что ты сказал. Проверка — серьезная и неожиданная — может наступить в любую минуту. Человек, путающий детали своей биографии, в лучшем случае прослывет рассеянным, лгуном или, что еще хуже, вызовет подозрения знакомых. С другой стороны, подобное невнимание к мелочам может привести к самым тяжелым последствиям. Поэтому разведчику необходимо упорно тренировать память и логическое мышление».

Один из сотрудников нелегального подразделения советской

внешней разведки, принимавший непосредственное участие в подготовке Молодого к работе за рубежом, позже вспоминал:

«Молодый был незаурядным человеком. Он в совершенстве владел английским языком, свободно говорил на французском, немецком и китайском языках. По языку и манерам, знанию нравов и обычаев его невозможно было отличить от настоящего канадца или американца. Живой ум, доброжелательность, чувство юмора помогали располагать к себе людей, заводить полезные связи и успешно решать подчас нелегкие вопросы, которые выпадают на долю нелегала. Был он волевым, целеустремленным человеком, что позволяло не распыляться по мелочам и твердо следовать к намеченной цели. Это облегчало дело. Он также хорошо знал быт североамериканцев, особенности поведения европейцев. Поэтому основное внимание обращалось на оперативно-разведывательные вопросы, профессиональную подготовку».

В результате напряженной и интенсивной подготовки Молодый глубоко освоил теоретические основы разведывательной профессии и серьезно прочувствовал особенности предстоящей работы.

Генерал-лейтенант Виталий Павлов отмечал:

«Я часто встречался с Молодым в ходе его подготовки и всякий раз отмечал быстрый прогресс в том, как он осваивал основы разведывательного мастерства. С ним легко было работать. У него всегда было хорошее настроение, ко всему он относился со здоровым юмором».

Следует подчеркнуть, что оперативная подготовка Конона Молодого велась на очень высоком профессиональном уровне. Ведь ему предстояло действовать во главе нелегальной резидентуры «с чистого листа». В этой связи необходимый профессиональный опыт приходилось нарабатывать в ходе подготовки в Центре и поездок по ряду зарубежных стран.

На пути в Лондон

30 июня 1954 года было принято решение ЦК КПСС «О мерах по усилению разведывательной работы органов государственной безопасности за границей». В соответствии с этим решением перед внешней разведкой ставились следующие основные задачи:

усилить разведывательную работу против США и Англии как главных агрессивных государств;

своевременно выявлять агрессивные планы США и НАТО, других враждебных СССР стран, направленные на подготовку и

развязывание новой войны;

добывать достоверную, главным образом документальную, разведывательную информацию о внешнеполитических планах и практических мероприятиях США и Англии, противоречиях между ними и другими капиталистическими странами;

освещать внутриполитическое и экономическое положение ведущих капиталистических стран, их торговую и экономическую политику, деятельность международных организаций и планов США и Англии по использованию этих организаций против СССР и других стран социалистического содружества.

В области научно-технической разведки ставились задачи добывания документальных материалов по важнейшим открытиям и военным изобретениям в области атомной энергии, реактивной техники, радиолокации и образцов новейшей техники.

По линии внешней контрразведки ставилась задача агентурного проникновения в разведывательные, контрразведывательные и полицейские органы стран НАТО с целью предупреждать и парализовывать их подрывную деятельность против СССР. Одним из направлений деятельности по этой линии являлся сбор сведений и установочных данных на сотрудников разведки и контрразведки США и Англии.

В ходе выполнения решения ЦК КПСС в октябре 1954 года председатель Комитета государственной безопасности при Совмине СССР утвердил план организации нелегальной резидентуры в Англии и назначение Молодого в качестве ее руководителя, а также санкционировал вывод его в страну назначения.

Касаясь ситуации, сложившейся к этому времени на Европейском континенте, авторы «Очерков истории российской внешней разведки» подчеркивают:

«В этот период отношения между Западом и Востоком продолжали накаляться, усиливалась гонка вооружений. Советское руководство и командование вооруженных сил остро интересовали вопросы, связанные с развитием военной техники в странах НАТО, в том числе предназначенной для военно-морских сил.

В то же время добывание нужной информации с использованием «легальных» возможностей наталкивалось на большие трудности в связи с активностью контрразведывательных органов против советских граждан и учреждений во многих странах НАТО. Англия не была исключением. В этой ситуации было принято решение создать в Лондоне нелегальную резидентуру и передать ей на связь часть

ценных источников».

Наступил период «обкатки» Молодого по ряду западных стран, чтобы закрепить легенду-биографию и проверить надежность документов, которые позволили бы ему беспрепятственно въехать в Англию и обосноваться там.

В ходе зарубежных поездок наряду с решением вопросов документации и легализации Молодый также выполнял конкретные разведывательные задания.

«Биография разведчика, а тем паче разведчика-нелегала — субстанция весьма сложная, — рассказывал в конце 1960-х годов Конон Трофимович в беседе с журналистами. — Моя «легенда» стала и обязана была стать моей жизнью настолько, чтобы никакие случайности и «детекторы лжи» не могли бы меня уличить ни во время бодрствования, ни во время сна…»

Заодно о случайностях.

Уже рассказывалось, что лучший друг Конона Молодого по институту Леонид Колосов так и не дождался от него письма. Предоставим вновь слово журналисту-международнику, который, кстати, после своей первой загранкомандировки по линии Министерства внешней торговли СССР также стал сотрудником советской внешней разведки:

«Только однажды мне напомнили о моем стародавнем друге. Как-то в компании встретил я своего сокурсника, и он, отведя меня в уголок, таинственным шепотом поведал:

— Ты знаешь, я был недавно в командировке за границей и на парижском Бурже, где делал пересадку, вдруг вижу — стоит в окружении иностранцев знаешь кто? — И назвал имя нашего приятеля.

— Да ты что? — заинтересовался я. — Неужели он? Ну и что, что дальше?

— А дальше все было очень удивительно, если не сказать — невероятно. Я к нему, значит, с распростертыми объятиями. «Здравствуй, — говорю по-русски, — дорогой Конон, как ты сюда попал?» А он на меня смотрит каким-то потусторонним взглядом, как на доисторическое ископаемое. Я оторопел. Спрашиваю, заикаясь, по-английски: «Простите, сэр, вы разве не Конон Молодый?» А он опять же на чистейшем английском: «Нет, вы, вероятно, обознались». Я хотел его еще раз переспросить, а он вдруг тихо на чистейшем русском прошипел: «Катись ты к такой-то матери, кретин…»

— А ты?

— Покатился к этой самой матери…

— А может, ты все-таки обознался?

— А черт его знает! Если в мире существуют как две капли

воды похожие физиономии и существуют совершенно одинаковые голоса, тогда я обознался. Только зачем он матерился?

Честно говоря, и у меня в душу закралось сомнение. Действительно, зачем же матюгаться? А потом я вспомнил, что слово «кретин» было любимым у Конона…

Много позже, в Москве, я его спросил, действительно ли имел место тот случай на аэродроме.

— Да, — ответил Молодый, — был такой случай. Прет на меня мой бывший однокурсник как орясина, вижу, хочет обнять и облобызать. Конечно, его можно понять. А мне что делать? Пришлось обматерить. На войне как на войне…»

Приведем еще один эпизод из жизни начинающих разведчиков-нелегалов, свидетельствующий, как нам представляется, об исключительной опасности «фактора случайности».

Представим себе ночной Антверпен — знаменитый бельгийский морской порт, в который довольно часто заходят наши торговые суда. Недалеко от порта есть даже большая площадь, называемая в народе «красной», — по окружности на ней расположено более сотни небольших магазинов, зазывающих покупателей яркой рекламой, исполненной по-русски: «Всё для моряков!».

По безлюдному тротуару этой ночной площади бодро шагает разведчик, отправившийся в Европу, чтобы привыкать к местным условиям. А навстречу ему двигается пьяный парень славянской наружности. Он останавливается и вежливо спрашивает: «Простите, а где здесь можно отлить?» Разведчик так же вежливо отвечает: «Отлить? К вашим услугам любая подворотня, дорогой». И только тогда, когда малый исчезает в подворотне, разведчик с ужасом осознает, что его спрашивали по-русски и отвечал он тоже на родном языке.

Что это, провал?! Кто этот парень — сотрудник спецслужб или случайный прохожий, пьяный моряк с российского судна? Естественно, на другой день разведчик подробно доложил в Центр о случившемся: главное и основное условие работы в разведке — честность. Скроешь что-либо, обманешь, словчишь — весьма велика вероятность, что себе же сделаешь хуже. Хорошо, что в Центре решили, что это была чистая случайность…

Итак, этап подготовки разведчика-нелегала Молодого к выполнению поставленного перед ним задания подходил к завершению. По согласованию с Молодым руководством разведки было принято решение, что его связниками-радистами в Лондоне должны стать надежные и опытные агенты советской внешней разведки американцы Моррис и Леонтина Коэны. На начальном

этапе подготовки Молодый был представлен им как разведчик-нелегал Арни, вернувшийся недавно из Канады. О том, что в дальнейшем он возглавит лондонскую нелегальную резидентуру, Коэнам пока не сообщалось. Планировалось, что на данном этапе общения супруги подшлифуют английский язык Молодого, а он, в свою очередь, займется их разведывательной подготовкой.

Уже упоминавшийся генерал-лейтенант Виталий Павлов позже писал:

«…Коэны как-то сразу пришлись по душе Молодому. По одному ему известным признакам он увидел в них воплощение британской сдержанности, интеллигентности и ответственного отношения к делу. Нравилось ему и то, что, несмотря на уже имевшийся опыт разведывательной работы, они с большим вниманием относились ко всему, чему их учили, что, не стесняясь, признавались в том, чего не знали и не умели.

В свою очередь, Молодый использовал общение с Коэнами для совершенствования языковых знаний, в частности правильного произношения английских слов и оборотов, особенно названий тех лондонских улиц, которые читаются совсем не так, как пишутся.

Общение с этими людьми позволило Молодому очень много взять для себя из их большого опыта разведывательной работы. Что касается языковой практики, то лучшей школы придумать было нельзя. Иногда с утра и до вечера беседы велись только на английском языке. После таких тренировок Коэны сделали заключение, что по языку, поведению и манерам Молодого нельзя отличить от настоящего американца».

С другой стороны, тесное общение с Коэнами помогло Молодому изучить своих будущих помощников, их личные и деловые качества.

«Прежде всего, — характеризовал он супругов, — Моррис и Леонтина серьезно и добросовестно подходят к изучению материала и выполнению заданий.

По своей натуре Моррис очень педантичен. Он стремится вникать в мельчайшие, зачастую ненужные подробности. Новый материал осваивает медленно, однако запоминает твердо. Для него характерно тщательное обдумывание своих высказываний и поступков.

Леонтина по своему характеру и темпераменту полная противоположность Моррису. У нее быстрая реакция, она легко схватывает новый материал, но не любит вникать в мелочи. Лона приветлива по натуре, легко сближается с людьми».

Курс подготовки Коэнов состоял из двух частей. Первая часть была рассчитана на теоретическое изучение страноведения,

истории дипломатии, английской архитектуры, живописи, культуры. Вторая часть подготовки была посвящена отработке профессиональных и практических навыков, необходимых разведчику-нелегалу: технике шифрования, тайнописи, фотодела, работе на радиопередатчике в условиях, предельно приближенных к оперативным (умение собирать и настраивать его в стационарных условиях), а также подбору мест для закладки тайников и умелому изъятию из них контейнеров с разведматериалами.

Кроме совместной подготовки в Москве Молодый встречался с Коэнами и в ряде западноевропейских стран.

Чтобы нелегал мог осесть в Англии, стране со сложной оперативной обстановкой, необходимо было снабдить его надежными документами, которые позволили бы беспрепятственно въехать в Англию и остаться там жить. Разработанный Центром вариант предусматривал проживание Конона Трофимовича за рубежом по подлинному канадскому загранпаспорту.

В конце 1954 года Молодый был нелегально выведен в Канаду.

Обратимся вновь к «Очеркам истории российской внешней разведки», в которых о заключительном этапе подготовки разведчика рассказывается следующее:

«Подготовительная работа для переезда в Англию близилась к концу. Необходимо было перевести со своего счета некоторую сумму денег в Англию в один из лондонских банков, чтобы по приезде туда можно было открыть счет. Во время этой операции разведчик познакомился со служащим банка, который являлся секретарем местной организации Королевская заморская лига. Это знакомство сыграло затем большую роль в устройстве жизни в Англии.

Королевская заморская лига тогда представляла собой общественную организацию, насчитывавшую более 50 тысяч человек, программа которой состояла в агитации за укрепление Британской империи.

Новый знакомый предложил Молодому вступить в эту организацию. Когда нелегал начал колебаться, он объяснил ему, что в Лондоне, куда он собирается ехать, у него наверняка нет знакомых, а проблем возникнет много, и некому будет помочь. А в Королевской заморской лиге его примут как своего человека, помогут найти квартиру, познакомят с нужными людьми, организуют интересные и недорогие поездки по стране.

После консультаций с Центром Молодый внес вступительный взнос и был оформлен в члены этой организации. Когда, получив

членскую карточку, он взглянул на имя патрона лиги, то увидел имя королевы Елизаветы II. Он понял, что стал членом действительно солидной организации».

В конце февраля 1955 года все приготовления были завершены и Молодый выехал в Нью-Йорк, откуда на лайнере «Америка» отправился в Англию…

Глава четвертая
КОЭНЫ
НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ

Убежденные интернационалисты, Коэны внесли свой значительный вклад в установление ядерного паритета и делали все возможное, чтобы «холодная война» не переросла в «горячую».

Очерки истории российской внешней разведки

15 июня 1996 года Указом Президента Российской Федерации за успешное выполнение специальных заданий по обеспечению государственной безопасности в условиях, сопряженных с риском для жизни, проявленные при этом героизм и мужество звание Героя России было посмертно присвоено замечательной советской разведчице-нелегалу Леонтине Коэн.

Несколько ранее, 20 июля 1995 года, такого же высокого звания был посмертно удостоен другой легендарный советский разведчик-нелегал — Моррис Коэн, муж и боевой товарищ Леонтины.

В галерее разведывательной славы нашей страны, ставшей для них второй родиной, американцам по происхождению Моррису и Леонтине Коэн принадлежит видное место. В военные и послевоенные годы, входя в состав нью-йоркской «легальной» резидентуры, а позже — нью-йоркской и лондонской нелегальных резидентур, они участвовали в добывании для Советского Союза информации о разработках атомной бомбы в США, а затем о программах создания вооружений в Англии. Убежденные интернационалисты, Коэны внесли значительный вклад в установление ядерного паритета и делали все возможное, чтобы холодная война не переросла в «горячую».

При этом необходимо подчеркнуть, что Коэнами двигали не корысть и не любовь к риску, а искренняя любовь к Советскому Союзу и приверженность коммунистическим идеалам.

Как нам представляется, Моррис и Леонтина Коэн как верные

и надежные помощники главного героя этой книги — Конона Трофимовича Молодого — заслуживают того, чтобы рассказать о них подробнее.

Моррис Коэн родился 2 июля 1910 года в Нью-Йорке в семье выходцев из России. Еще в начале XX века семья Коэн эмигрировала в США и поселилась в Нью-Йорке, в районе Ист-Сайда.

В автобиографии, хранящейся в его оперативном деле, Моррис Коэн писал:

«Мои родители — эмигранты. Мать родом из Вильно, отец из местечка Тарища, что под Киевом. Жили они в Нью-Йорке, в районе Гарлема, на Ист-Сайде. В доме у нас часто собирались выходцы из России и Украины и слушали привезенные с собой пластинки, пели народные песни, по праздникам устраивали балы, на которых танцевали польку и гопак. Но больше всего мне запомнились их рассказы о неведомой мне стране — России. Всякий раз, как только они начинали вспоминать о ней, у меня возникало желание хоть одним глазком увидеть родину моих предков. Это желание с возрастом еще больше укреплялось.

Россия в самом деле была не похожа ни на какую другую страну, она являла собой эталон нового, справедливого общества, и потому многие обращали к ней свои взоры. Да и как было не обращать, если весь Запад впадал в состояние глубочайшей экономической депрессии, а юная Русь набирала обороты, смело приступала к осуществлению геркулесовского плана первой пятилетки. Советский Союз был привлекателен для меня еще и потому, что в нем всем предоставлялась работа, а у нас, в Америке, наоборот, процветала безработица».

Учась в колледже, Моррис прославился как отличный игрок в регби. Семья была небогатой, и полученная юным Моррисом спортивная стипендия позволила ему поступить в Колумбийский университет, который он окончил в 1935 году. Затем работал преподавателем истории в средней школе в Иллинойсе.

В 1936 году Моррис вернулся из Иллинойса домой в Нью-Йорк, вступил в компартию США и начал активную деятельность в ее нью-йоркском территориальном отделении. Безработица в городе была огромной, и трудоустроиться где-либо было практически невозможно. Товарищи по партии нашли Моррису временную работу: за 15 долларов в неделю распространять прогрессивные газеты и журналы. Потом он устроился наборщиком в типографию, работал слесарем на машиностроительном заводе, был служащим в одном из отелей Нью-Йорка. Одновременно вел агитационную работу в профсоюзах и продолжал заниматься распространением

партийной литературы. «Пожалуй, не было в то время в Нью-Йорке ни одного массового митинга, пикета или демонстрации, в ходе которых я не распространял бы газету компартии и другую литературу», — вспоминал Моррис Коэн в конце 1980-х годов.

На массовом митинге в поддержку республиканской Испании, проходившем в мае 1937 года в Нью-Йорке, товарищ Морриса познакомил его с молодой и красивой девушкой Л оной Петке. А двумя месяцами позже Моррис уже был в Испании. Гражданская война в этой стране не оставила его равнодушным, и он отправился туда добровольцем.

Из автобиографии Морриса Коэна:

«Это было время митингов и демонстраций в поддержку республиканской Испании. В Америке, как и во всем мире, шла поляризация сил: с одной стороны — силы мира, прогресса и демократии, с другой — приверженцы реакции, угнетения и тирании. Каждому надлежало тогда сделать выбор: на чьей он стороне. У меня иного выбора, чем добровольно встать на защиту Республики, быть не могло: это соответствовало моим политическим убеждениям. На митинге в Медисон-сквер-гарден я, не задумываясь, в числе первых подал заявление о вступлении в интернациональную бригаду имени Авраама Линкольна».

Вначале Моррис был пулеметчиком, а затем — политическим комиссаром батальона Маккензи Панино. В октябре 1937 года в сражении при Фуэнтес-де-Эбро Моррис был ранен в обе ноги и попал в госпиталь. После выздоровления продолжил участвовать в боевых действиях.

Отважный американец, ненавидевший фашизм, в Испании попал в поле зрения советской внешней разведки. В первых числах июля 1938 года его пригласил на беседу в барселонскую разведшколу резидент внешней разведки НКВД в Испании Александр Орлов. В ходе беседы Орлов сделал Коэну предложение о сотрудничестве. Моррис согласился оказывать помощь советской внешней разведке в борьбе против нацистской угрозы.

В направленном в Центр рапорте о вербовке Коэна резидент Орлов, в частности, отмечал:

«После моих объяснений о перспективах сотрудничества с советской разведкой Коэн погрузился в глубокое раздумье. Чтобы вывести его из этого состояния, я заговорил *с* ним о возможности развязывания Гитлером новой мировой войны, что с приходом фашистов к власти Германия превратилась в агрессивное государство, что для советской разведки нет сейчас важнее задачи, как своевременное выявление планов нападения Гитлера на Советский Союз…

Давая согласие на сотрудничество с советской разведкой, «Луис» (таким стал оперативный псевдоним Коэна. — *В. А.)* прекрасно понимал, на что он идет. Уверен, что им двигала не любовь к приключениям, а политические убеждения, верность социалистическим идеалам, делу мировой революции, которым он решил посвятить всю свою жизнь».

В ноябре 1938 года по решению Центра Коэн выехал из Испании в США для работы в качестве связника нью-йоркской резидентуры советской внешней разведки.

Из сообщения в Центр руководителя нью-йоркской резидентуры:

«Связь с «Луисом» установлена. Работает с ним «Твен» (в дальнейшем — видный советский разведчик Семен Маркович Семенов. — *В. А.). Перед* «Луисом» поставлена задача: подобрать группу источников, которые могли бы помочь нам в получении информации по немецкой колонии. В целях выполнения поставленных перед «Луисом» задач прошу вашей санкции на предоставление ему возможности проведения самостоятельных вербовок».

По возвращении в Нью-Йорк Моррис сразу же позвонил Лоне…

Леонтина Тереза Петке родилась в Массачусетсе (США) 11 января 1913 года в семье польских эмигрантов. До 13 лет училась в школе, а затем была вынуждена бросить учебу и начать зарабатывать на жизнь. Работала домработницей, официанткой, продавщицей, трудилась на фабрике кожаных изделий, на кондитерской фабрике. С 15 лет Лона, как ее звали друзья и близкие, стала принимать участие в работе прогрессивных групп и организаций, являлась профсоюзной активисткой, в 1936 году вступила в ряды компартии США.

Со своим будущим мужем Моррисом Коэном Лона, как уже отмечалось, познакомилась там, где по логике и должна была познакомиться, — на антифашистском митинге.

И вот новая встреча. Смелый молодой человек, боец интербригады покорил сердце Лоны. 22 июня 1941 года, в день нападения Германии на Советский Союз, они подали заявление на регистрацию брака. А 4 июля 1941 года, вДень независимости США, состоялась свадьба. Это был выходной — единственный день, когда они не были заняты работой. Лона догадывалась о связях мужа с советской разведкой и без колебаний согласилась помогать ему в его тайной деятельности.

Из характеристики на Леонтину Коэн, направленной нью-йоркской резидентурой в Центр в ноябре 1941 года:

«В процессе ознакомительной беседы с женой «Луиса» у оперработника сложилось о ней благоприятное впечатление: истинная интернационалистка, активная участница митингов и демонстраций в поддержку Испанской республики, охотно выполняла различные поручения компартии США.

Ей в полной мере присущи качества, необходимые для закордонного источника, — она красива, смела, умна, обладает удивительным свойством располагать к себе собеседника.

Иногда излишне эмоциональна и прямолинейна, но мы считаем, что это поправимое дело. Главное — она способна перевоплощаться и играть отведенную ей роль.

В процессе наблюдения за ее поведением в свободное от работы время компрометирующих материалов не получено.

По нашему мнению, она пригодна к сотрудничеству с разведкой».

Из воспоминаний Морриса Коэна:

«Я тогда долго не мог решиться, привлекать или не привлекать Лону к сотрудничеству с советской разведкой. Я, конечно, понимал, что играть в прятки не имело смысла. А тем более мне к тому времени уже сообщили о принятом в Москве решении, согласно которому я и Лона могли вместе выполнять задания Центра. Я прекрасно понимал, что хорошая супружеская пара — это наилучший вариант для ведения совместной разведывательной работы».

Из воспоминаний ветерана разведки Юрия Соколова (оперативный псевдоним «Клод»), также работавшего в те далекие годы с Моррисом и Леонтиной в Нью-Йорке в ходе своей первой загранкомандировки и затем долгое время дружившего с ними: «Моррис и Лона были неразделимы и как любящие супруги, и как друзья, и как соратники в разведывательной работе. Почти всегда, когда мы говорим о Моррисе, фактически имеем в виду обоих».

Супружеская пара разведчиков поддерживала связь между нью-йоркской резидентурой и ее источниками, выполняла другие задания Центра. Импульсивность и эмоциональность Лоны, ее любовь к риску уравновешивались холодной рассудительностью и осторожностью Морриса.

Как-то Центр поставил перед нью-йоркской резидентурой задачу достать чертежи нового пулемета, который американцы выпускали в Хартфорде. Следует отметить, что США вступили во Вторую мировую войну только в декабре 1941 года — после налета японцев на Перл-Харбор. И даже присоединившись к антигитлеровской коалиции, они отказывались делиться с СССР своими военными секретами. Резидентура поручила Коэнам выполнить задание Центра. Супруги познакомились с

сотрудником отдела контроля качества завода и уговорили его вынести им пулемет с предприятия по деталям.

Когда этот сотрудник сообщил Коэнам, что он передал им все части оружия, супруги сложили детали в футляр от контрабаса и доставили пулемет в таком виде в советское консульство в Нью-Йорке.

В 1942 году Моррис был мобилизован в американскую армию и направлен в Европу. Участвовал в боевых действиях против фашистов, в высадке союзных войск в Нормандии. Дошел до Эльбы, закончил войну в чине капрала, имел боевые награды.

А Лона в военные годы продолжала активно сотрудничать с советской разведкой.

Нет сомнения в том, что она была женщиной энергичной и решительной и имела сильно развитое чувство справедливости.

Как-то раз, в конце 1942 года, поздно вечером Лона ехала в нью-йоркском метро. Было это после сверхурочной работы на заводе, производившем запчасти для военных самолетов. Пассажиров в вагоне было мало. Недалеко от нее сидели две женщины, которые довольно громко обсуждали вопросы, связанные с войной в Европе. Женщины были примерно такого же возраста, что и Лона, одеты довольно богато, на них были только входившие тогда в моду меховые жакеты. Одна из них заявила, что чем дольше будет продолжаться война, тем больше будут зарабатывать их мужья и тем богаче они станут. Вспыхнув от возмущения, Лона вскочила со своего места, подошла к пассажиркам и со словами: «Так вот за что борется мой муж?!» — влепила желавшей поживиться за счет войны даме звонкую пощечину. Затем, не оглянувшись, вышла из вагона на следующей станции.

Начиная с 1943 года резидентура в Нью-Йорке приступила к активному сбору информации по так называемому «Манхэттенскому проекту» — разработке в лабораториях ядерного центра в Лос-Аламосе первой в мире американской атомной бомбы. Сотрудникам резидентуры удалось добыть и направить в Москву важнейшие материалы по атомной энергии и ее использованию в военных целях. О предстоящем первом испытании атомной бомбы нью-йоркская резидентура информировала Центр заранее. И когда 16 июля 1945 года над пустыней Нью-Мехико поднялся гриб атомного взрыва, основные данные, касающиеся устройства бомбы и материалов, примененных в ее конструкции, уже находились в распоряжении советских ученых. Особая роль в этом принадлежала Леонтине Коэн.

…Лос-Аламос являлся закрытым городком со строжайшим

режимом секретности. Проживали там только научные работники и больные, лечившие легкие. И еще те, кто непосредственно создавал атомную бомбу. Сотрудникам ядерного центра разрешалось покидать городок лишь раз в месяц, в одно из воскресений. Как в таких условиях получить материалы, подготовленные источником для передачи в Москву? Решить эту задачу было поручено Лоне.

Она выехала на курорт Альбукерк, расположенный неподалеку от Лос-Аламоса. Для обеспечения личной безопасности запаслась свидетельством нью-йоркского врача, удостоверяющим необходимость прохождения курса лечения легких в этой курортной зоне. Поселилась на окраине городка, сняла комнату и начала готовиться к разведывательной операции.

Встреча с источником информации была назначена на воскресенье у храма в центре Альбукерка. И здесь Лоне пришлось поволноваться: источник пришел только на четвертое воскресенье. Ждать целый месяц, находясь вблизи засекреченного объекта! А произошла банальная история — источник перепутал дату встречи. Наконец встреча состоялась. Обмен паролями, получение ценнейших секретных документов, и можно трогаться в обратный путь. Однако судьба приготовила для Лоны еще одно испытание.

На вокзале в Альбукерке, уже при посадке в поезд, сотрудники ФБР неожиданно организовали тщательную проверку пассажиров и их багажа. Лона не растерялась. Сымитировав насморк, она достала коробку с бумажными салфетками, в которой были спрятаны полученные от источника документы, и вытащила из нее салфетку. И когда ее вещи начали осматривать, сунула эту коробку прямо в руки одному из проверяющих, а сама начала рыться в сумочке в поисках билета. Билет «нашелся», когда поезд уже готов был тронуться. Лону в спешке подсадили в вагон, и проверяющий машинально, на ходу возвратил ей «забытую» коробку, так и не проверив ее. Через некоторое время ценнейшие документы были уже в Центре.

Снова вместе

В ноябре 1945 года Моррис Коэн демобилизовался из армии и возвратился в США. В декабре того же года с ним была восстановлена связь. Начался новый этап в работе разведчиков. Коэны обеспечивали конспиративную связь с рядом ценных источников нью-йоркской «легальной» резидентуры, причастных к разработке американского ядер-ного оружия.

Из воспоминаний Юрия Соколова:

«В работе Моррис отличался высочайшей надежностью. Кроме блестящих аналитических способностей он обладал спокойным характером и завидной выдержкой. Я никогда не видел его сердитым или раздраженным. Любую напряженность он мог снять своей доброй улыбкой, убедительностью доводов.

Для меня Моррис был и как старший брат, и как добрый советчик. Я постоянно чувствовал с его стороны и понимание, и поддержку в новой, непривычной для меня на первых порах обстановке. В то же время Моррис внимательно прислушивался к моим советам и рекомендациям, понимая, что они диктуются деловыми соображениями и заботой о его безопасности.

Обстановка в США тем временем становилась для нашей работы все более неблагоприятной. Особенно после подъема волны маккартизма, закрытия нашего генконсульства в Нью-Йорке в 1948 году и ухудшения отношений между США и СССР. Все это заставило нью-йоркскую резидентуру значительно повысить уровень средств обеспечения безопасности связи и ужесточить требования к их соблюдению. Центр принял решение о подготовке к передаче Морриса и Лоны на связь нелегалу».

Была еще одна причина принятия такого решения. В сентябре 1945 года произошли драматические события, ставшие черным днем в истории советской разведки, — в Оттаве сбежал военный шифровальщик Игорь Гузенко. Он выдал нашим противникам много секретов. Уже к 1947 году наши «легальные» резидентуры в США были вынуждены законсервировать на некоторое время связь со многими агентами, в том числе и с Коэнами.

В конце 1948 года Коэны были включены в состав резидентуры разведчика-нелегала Вильяма Фишера (оперативный псевдоним «Марк»), ставшего впоследствии известным всему миру под именем полковника Рудольфа Абеля.

Действительно, оперативная обстановка в США в целом и, в частности, в Нью-Йорке резко обострилась. После закрытия в сентябре 1948 года советского Генерального консульства многие его сотрудники были объявлены персонами нон грата. Предприняв эту акцию, президент США Трумэн решил продемонстрировать республиканцам в конгрессе, что в отличие от президента Рузвельта у него нет каких-либо особых иллюзий в отношении Советского Союза. Этому способствовала и объявленная годом ранее так называемая «доктрина Трумэна», рассчитанная на то, чтобы воспрепятствовать продвижению коммунизма в Штаты и внедрить в сознание американцев тезис о том, что настоящая холодная война с Советами еще впереди. Тогда же Трумэн открыто заявил, что для борьбы с подрывными

элементами внутри страны ФБР будет проводить серьезную проверку на благонадежность всех федеральных служащих.

Со своей стороны директор ФБР Эдгар Гувер в очередной раз публично предупредил Трумэна об угрозе, которую могут нести в себе 100 тысяч американских коммунистов, «выполняющих задание Москвы».

Вслед за этим заявлением директора ФБР республиканец Джозеф Маккарти начал «священную войну» против «красной опасности». Она стала синонимом политической «охоты на ведьм», а развязанная республиканцами кампания травли прогрессивных элементов и открытых репрессий против членов компартии США получила впоследствии название «маккартизм».

В декабре 1948 года «Марк» провел две встречи с Коэнами и остался доволен своими новыми помощниками. Информируя Центр о встречах, он сообщил:

«Мною установлен контакт с «Лесли» и «Луисом». Оба произвели хорошее впечатление. Работать мне с ними будет легко.

«Луис» достаточно опытен. Образован и умен. По характеру спокоен, уравновешен, даже несколько холоден, каким и должен быть разведчик. Обладает очень важным качеством — держать все в секрете. Излюбленной темой его бесед являлись история и политика. «Луис» — типичный американский интеллигент.

«Лесли» тоже показала себя надежной сообщницей — хладнокровной, смелой и находчивой. Как и «Луис», обладает многими положительными качествами. Она свободно ориентируется среди людей разного круга. Имеет удивительное свойство покорять их своей находчивостью и остроумием. К числу недостатков следует отнести стремление упрощать конспиративность в работе с нами. Последнее для нее характерно, потому что «Лесли» привыкла к обычной легальной работе.

В дальнейших контактах с ними особое внимание будет обращено на строгое соблюдение правил конспирации, а также на освоение ими фотодела и подготовку к проведению тайниковых операций».

Коэны проработали с «Марком» почти два года. Позже Моррис вспоминал: «С «Марком» работать было легко. После нескольких встреч с ним мы сразу почувствовали, как постепенно становимся оперативно грамотнее и опытнее. Сознательно или бессознательно, но мы полностью доверялись ему и всегда искали в нем опору. Иначе и не могло быть: как человека в высшей степени образованного, интеллигентного, с сильно развитым чувством чести и достоинства, добропорядочности и

обязательности, его нельзя было не любить…

Прежде всего это был очень терпеливый человек и относился к людям с большим уважением. Он никогда не пытался поставить себя выше других. Он мог говорить с Ло-ной о новых веяниях в моде и женской психологии так же свободно, как со мной об искусстве и истории. Он был точен и объективен в оценке информации. Самое главное его достоинство — умение понять человека. Мы относились к нему как к старшему брату…»

Однако в конце июня 1950 года Моррис и Леонтина были выведены из США в Советский Союз. И сделано это было целенаправленно. К этому времени американской контрразведке удалось арестовать двух ценных источников информации советской разведки. С одним из них Леонтина ранее некоторое время поддерживала связь, что ставило под удар всю группу источников, с которыми работали супруги, и могло привести к захвату американской контрразведкой самих Коэнов.

Кроме того, Моррис Коэн был хорошо известен как боец испанских интербригад, и это могло привлечь к нему ненужное внимание в США, где поднималась волна маккартизма. Как показали дальнейшие события, Коэны покинули Америку вовремя. Тем самым Центр смог избежать провалов в сети атомных источников и сохранить семейную пару разведчиков-нелегалов для дальнейшей работы.

«Находясь в Москве, — рассказывал ветеран отечественных спецслужб, историк и писатель Владимир Чиков, — Коэны не скрывали, что участие в деятельности советской разведки являлось для них святой обязанностью, что они продолжают гордиться тем, что сделали для Советского Союза. «Если коммунизм считать религией, — говорили они, — то всю свою последующую жизнь в России мы готовы посвятить этой религии».

В первое время они много ездили по стране, плавали по Волге и Енисею, отдыхали на лучших курортах СССР, ходили по московским музеям и выставкам, а потом их стали привлекать к кое-каким мероприятиям по линии МГБ.

Одновременно руководством разведки активно изучались варианты возможного направления Коэнов за кордон на нелегальную работу. При этом учитывалось, что если раньше их служение Лубянке было добровольным делом (они были агентами, жили дома, в своей стране), то теперь оно станет действительно их обязанностью. От этого и жизнь их станет значительно труднее. Ведь им придется полностью поменять свои имена и фамилии и жить в чужой стране по фиктивным документам.

В ходе обсуждения данного вопроса непосредственно с Коэнами последние заверили: «Мы готовы на все. Если нужно, то готовы даже сделать пластические операции на лице, лишь бы поскорее приступить к делу». А на вопрос, почему они так легко идут на все это, Леонтина ответила:

— Наверное, потому, что разведка для нас — это как героин для наркоманов. Мы теперь не мыслим без нее своей жизни, в ней мы познавали истинное воодушевление и великую преданность идее. Разведка для нас — это и путь к великому, и торжество великих свершений. В конце концов, это всегда выход на большую самостоятельную дорогу, а не такое вот, как у нас сейчас, будничное существование.

Леонтина произнесла это без всякой патетики, но в ее словах была спокойная сила духа, и питали эту силу ее личные убеждения и верность избранному в жизни пути…»

Более трех лет находились Коэны в Москве. Здесь Леонтина прошла дополнительную специальную подготовку для работы радистом-шифровальщиком.

Позже в своих воспоминаниях Моррис Коэн писал: «Леонтина и я прошли курс интенсивной подготовки, а затем выезжали в командировки в капиталистические государства. Нам довелось побывать во многих странах и на всех континентах».

Под новыми именами

К середине 1953 года в Центре был разработан план дальнейшего использования Коэнов. Руководством внешней разведки было принято решение направить их в Англию в качестве связников-радистов создаваемой там нелегальной резидентуры. Ее должен был возглавить другой советский разведчик-нелегал — Конон Трофимович Молодый, которому предстояло работать в этой стране под видом канадского бизнесмена Гордона Лонсдейла (оперативный псевдоним «Бен»).

Но ведь ему требовались радисты и содержатели конспиративной квартиры. А лучше, чем супружеская пара Коэнов, находившаяся в Центре и уже готовившаяся к работе с нелегальных позиций, подобрать кого-либо было трудно. Им присвоили новые имена — Питер Джон и Хелен Джойс Крогер, выходцы из Новой Зеландии, и стали уже конкретно готовить к командировке в Англию. Таким образом, общая подготовка, а также отработка нужной документации перед командировкой длилась около трех лет.

В ходе одной из первых бесед с Коэнами по поводу

предстоящей работы в Лондоне начальник нелегальной разведки генерал-майор Александр Коротков подчеркнул, что их основная цель — стать надежными оперативными помощниками нелегального резидента, который прибудет в страну на несколько месяцев позже. При этом он отметил, что к тому времени Коэны должны пройти первую стадию легализации, включающую устройство на временное жительство и реальные шаги по организации собственного дела.

Еще в самом начале подготовки нелегалов для дальнейшей работы за рубежом в ее план был включен следующий пункт: «… через «Марка» (Вильяма Фишера. — *В. А.)* выяснить, интересовались ли сотрудники ФБР фактом исчезновения «К» (Коэнов. — *В. А.)* из Нью-Йорка. Если что-либо известно ФБР об их местонахождении, то необходимо это учесть при доработке их легенд-биографий».

В радиограмме, поступившей вскоре от «Марка» в Центр, сообщалось:

«Исчезновением «К» неоднократно интересовались у родителей и родственников «Луиса» неизвестные лица. Они ссылались при этом на то, что якобы «Луис» очень нужен школе и отделу просвещения. Отец «Луиса» отвечал всем одинаково: сын с женой выехали в Канаду, обещали возвратиться домой через несколько месяцев, однако по непонятным ему причинам они до сих пор не вернулись. Кроме того, отец сообщил, что квартира сына была кем-то опечатана.

В последний раз исчезновением «Луиса» интересовались два месяца тому назад, что может свидетельствовать о том, что «К» продолжают разыскивать по сей день».

С учетом содержания радиограммы из Нью-Йорка в Москве шаг за шагом начали отрабатывать для Коэнов варианты их будущих легенд-биографий. И только после этого была определена страна их дальнейшего нелегального оседания.

Из документа, рассекреченного СВР России:

«Сов. секретно

Экз. единственный

Председателю КГБ при СМ СССР

генерал-полковнику т. Серову И. А.

РАПОРТ

Центром проведена работа по созданию нелегальной резидентуры «Бена» в Великобритании. В качестве ее оперативных работников намечаются «Дачники» — бывшие загранисточники «Луис» и «Лесли»:

Коэн Моррис, 1910 года рождения, уроженец США, американец, участник военных действий в Германии и Испании, в

1935 году окончил педагогический факультет при Колумбийском университете;

Коэн (Петке) Леонтина, 1913 года рождения, уроженка США, полька, сотрудничает с советской разведкой вместе с мужем с 1941 года.

Для оседания в Англии «Луис» и «Лесли» используют загранпаспорта, официально полученные ими в новозеландской миссии в Париже. Вывод их в Великобританию предполагается осуществить из Австрии через Швейцарию.

Прошу утвердить «Луиса» и «Лесли» в качестве оперативных работников нелегальной резидентуры «Бена» и санкционировать проведение намеченной комбинации по их выводу в Англию, где они будут выступать как новозеландские граждане — коммерсант-книготорговец Питер Джон Крогер и его жена домохозяйка Хелен Джойс Крогер.

И. о. начальника Первого главного управления А. М. Коротков 19 марта 1954 г.».

На рапорте резолюция: «Вывод «К» за границу санкционирую. И. А. Серов.

22 марта 1954 года».

Руководивший подготовкой нелегалов уже упоминавшийся Виталий Павлов писал в своих мемуарах:

«Сложнее оказалась задача подыскать документы Коэнам. Было решено использовать в этих целях имевшийся у нас новозеландский семейный паспорт супругов Крогеров.

Для решения проблемы я вместе с Коэнами выехал в Австрию, где они сняли дачный домик в курортном предместье австрийской столицы Зиммеринге. Связавшись с местным адвокатом и заручившись его помощью, супруги обратились по почте в посольство Новой Зеландии в Париже с просьбой выдать им на основании имеющегося у них семейного паспорта самостоятельные паспорта. Вскоре два новеньких настоящих новозеландских паспорта на имя Питера и Хелен Крогеров были у них на руках. Можно было смело выезжать в Англию. Мы вернулись в Москву для завершения дел и подготовки супругов к отъезду.

3 декабря 1954 года мы тепло проводили «супругов Крогеров» к новому месту работы. Миновав несколько европейских государств, они спокойно въехали в Англию».

Во время подготовки Коэнам пришлось изучить тайнопись, шифры и научиться пользоваться ими. На заключительной стадии подготовки Коэны должны были освоить свою основную работу за кордоном — работу на радиопередатчике.

Перед отъездом Коэнов за границу с ними была проведена заключительная инструктивная беседа. В целях легализации в стране пребывания и организации прикрытия для ведения разведывательной работы в соответствии с утвержденным руководством внешней разведки планом им было еще раз рекомендовано: купить дом в пригороде Лондона, в котором оборудовать радиоквартиру; арендовать помещение для книготорговли; открыть счета в швейцарском и лондонском банках; вести скромный образ жизни, проявлять осмотрительность в расходовании денежных средств; приобрести полноценные связи среди книготорговцев, установить с ними и с соседями по месту жительства дружественные отношения; до встречи с руководителем нелегальной резидентуры[6] связь с Центром поддерживать путем почтовой переписки с использованием тайнописи, в случае крайней необходимости можно вызвать на связь сотрудника посольской резидентуры, поставив соответствующий сигнал в обусловленном месте, явка должна состояться там же, но на следующий день в 17.00.

Условия встречи формулировались так: Питер должен прогуливаться вместе с Хелен около концертного зала «Квинс-холл» и курить трубку. В левом кармане его пальто — свернутая газета «Фигаро». Разведчик, который придет на явку, должен держать в руке журнал «Лайф» и первым назвать слова пароля: «По-моему, мы с вами встречались в Париже в мае минувшего года!» Ответ: «Нет, друг мой, в Париже мы не встречались, я в то время находился в Риме».

Коэны прибыли в Англию, сняли временное жилье и начали обустраиваться в британской столице.

Из воспоминаний Леонтины Коэн:

«Перед тем как отправиться в Лондон, мы несколько недель жили под видом новозеландских туристов в Швейцарии. В этой стране нам необходимо было познакомиться с организацией банковского дела и наладить контакты с влиятельными людьми, чтобы заручиться их рекомендациями для открытия собственного текущего счета. С этой целью мы завели несколько полезных контактов и договорились в дальнейшем поддерживать почтовую связь.

В Лондон мы прилетели под новый, 1955-й год, устроились в гостинице на Пиккадилли и в тот же вечер заказали в ресторане «Лайонс» новогодний ужин…

Сразу после рождественских праздников началось изучение города, а потом пошли серые будни выполнения задания — поиски помещения для организации бизнеса и квартиры для жилья. На быстрый успех мы, конечно, не рассчитывали, так как

знали, что англичане редко идут на сближение с иностранцами. От общения с лондонцами мы с первых дней испытывали какое-то двойственное чувство: что-то нам нравилось, другое вызывало недоумение и даже раздражение. Лондонцы страшно замкнуты и хладнокровны. Дальше слов «здравствуй» и «прощай», «хорошая погода сегодня» дело никак не шло. Уж казалось бы, на что просты и ясны слова «да» и «нет», однако у англичан они почти неопределенные обтекаемые выражения — «по-видимому», «пожалуй», «мне кажется». В праздничные дни в Лондоне улицы словно вымирают, каждый англичанин веселится в кругу семьи, по принципу: мой дом — моя крепость. Если говорят, что чужая душа — потемки, то душа британца — сплошной мрак. Оставалось только набраться терпения и уповать на «его величество случай», который нам пришлось заранее готовить и ждать…

Несколько месяцев поисков оказались не напрасными: в конце концов нам удалось найти очень удобное помещение для развертывания нашего дела. Причем в самом центре города, близ знаменитой Трафальгарской площади. Речь идет о Стрэнде. Именно на этой улице, по соседству с Лондонской школой экономики и старинным зданием Лоу Корте, в котором располагались гражданский суд и адвокатура, мы взяли в аренду помещение под букинистический магазин. Что и говорить, лучшего места и желать было не надо!»

В конце марта 1955 года разведчики-нелегалы Крогеры получили из Центра указание выехать из Лондона в Париж для встречи с прибывающим из Москвы связником. Историк отечественных спецслужб Николай Шварев в своей книге «Разведчики-нелегалы СССР и России» так рассказывает об этой встрече:

«Встреча со связником из Центра должна была состояться 10 апреля в Париже у станции метро «Пирамид». В словах пароля, который связник должен был назвать первым, вместо ключевого слова «Париж» должно быть слово «Варшава».

Прибыв в Париж 9 апреля, Крогеры остановились в гостинице на Опера де Пари. На другой день в назначенное время они были у станции метро «Пирамид». Ровно в пять, как предписывалось условиями связи, Питер начал раскуривать трубку, ожидая подхода курьера из Центра. Минуло пять, шесть, семь минут, однако никто к ним не подходил. В последний раз осмотревшись по сторонам, Питер заметил фигуру знакомого человека. Он ничем не выделялся из окружающих его людей и шел прямо на них, размахивая журналом «Лайф» в левой руке. Это был Арни. Тут же он, широко улыбаясь, заключил в объятия маленькую,

хрупкую Хелен.

— Господи! Арни! Ты ли это? Вот уж никогда бы не подумала, что увижу тебя здесь! — удивилась она.

— Да, я! Я, конечно!

Повернувшись к Питеру, Арни, виновато улыбаясь и крепко пожав ему руку, обронил:

— Прости меня, Пит, я опоздал почти на десять минут.

Питер Крогер развел руками — мол, что с тобой поделаешь.

— Ты тоже меня извини, Арни, но порядок есть порядок: назови, пожалуйста, пароль.

А про себя опять невольно подумал: «Теперь-то я окончательно тебя проверю», поскольку в содержание пароля незадолго до этой встречи были внесены коррективы. Вместо ключевого слова «Париж» он должен мне назвать «Варшаву».

Хелен с укором посмотрела на мужа: зачем, мол, пароль!

— Все правильно, Пит. Личная безопасность превыше всего, — с подкупающим добродушием проговорил Арни. — Ну что ж… Пароль так пароль: «По-моему, мы встречались с вами в Варшаве в мае минувшего года?»

— Нет, мой друг, в Варшаве мы не встречались, я в это время находился в Риме, — ответил довольный Питер.

— А где же, Пит, твоя курительная трубка? — засмеялся Арни. — По условиям встречи, насколько я помню, она должна дымиться…

— Пока я ждал твоего прихода, она успела уже погаснуть. А ровно в пять она дымилась, как вулкан.

— Прекрасно! Я думаю, теперь мы с тобой квиты. А сейчас, если не возражаете, мы пройдем на бульвар Сен-Мишель и посидим в знакомом мне кафе «Бульмиш».

— С удовольствием! — воскликнула Хелен и, взяв Арни под руку, спросила: — Скажи нам Арни, с кем мы теперь будем работать?

На его лице появилась лукавая улыбка:

— С одним канадцем. В кавычках, конечно. Я думаю, вы с ним сработаетесь.

— А как его зовут? Может, мы знаем его?

— Гордон Лонсдейл! Известен вам такой?

— Нет.

«Бен» имел разрешение сообщить Крогерам о своем назначении на работу в Англию в качестве руководителя нелегальной резидентуры, но решил до поры до времени об этом не говорить».

После завершения дел в Париже Крогеры возвратились в Лондон. В конце апреля 1956 года у них окончательно решился

вопрос с жильем. Им наконец удалось найти отдельный кирпичный домик с садом, стоявший вдали от автомобильной трассы. Крогеры выбирали его тщательно, обошли окрестности, поговорили с местными жителями и возможными будущими соседями.

Вскоре разведчики информировали Центр:

«На окраине Лондона приобретен приличный кирпичный коттедж, отвечающий требованиям конспирации[7]. Расположен он в двух-трех милях от военного аэродрома Норхолт. Его радиостанции работают круглосуточно, и поэтому запеленговать кратковременный выход в эфир постороннего быстродействующего передатчика в нашем доме будет практически невозможно.

Перед тем как дать нам ссуду на покупку собственного дома, представители ипотечного банка проверили нашу платежеспособность и пришли к выводу, что мы вполне можем погасить кредит, не закладывая нашу недвижимость.

Наш адрес: 45, Крейнли Драйв, Руислип, графство Мидлсекс, Лондон».

Здесь следует отметить, что район Руислип всегда считался намного демократичнее других районов и предместий английской столицы. В нем проживали и проживают сейчас в основном выходцы из других стран, и новичков здесь принимают намного лучше, чем в каком-либо другом районе Лондона.

Правда, на первых порах Крогерам пришлось затрачивать довольно много времени на дорогу от места жительства до своего офиса на Стрэнде. Но после приобретения автомашины эта проблема была решена.

Помня о том, что самое лучшее прикрытие для нелегала — это соседи и знакомые, Крогеры постарались наладить хорошие отношения с жильцами соседних коттеджей. Особенно в этом преуспела Хелен, которая завязала со всеми соседями дружеские отношения.

Таким образом, Крогеры создали надежное прикрытие для пункта связи. Вскоре была налажена устойчивая связь с Центром, у супругов появились перспективные кандидаты для последующего использования в качестве источников информации.

В начале мая 1956 года Крогеры получили из Центра сообщение, в котором содержались условия встречи с назначенным на должность руководителя лондонской нелегальной резидентуры Гордоном Лонсдейлом. К их неописуемой радости, этим человеком оказался хорошо знакомый им Арни.

Лондонская нелегальная резидентура начала регулярно

передавать в Центр сведения особой важности.

Однако 7 января 1961 года в результате предательства высокопоставленного сотрудника польской внешней разведки полковника Михаила Голеневского, который бежал в США и сообщил американским спецслужбам известные ему сведения относительно деятельности советской разведки в Великобритании, а те, в свою очередь, информировали об этом английские спецслужбы, Крогеры были арестованы и приговорены к двадцати годам тюремного заключения.

Во время ареста, следствия и судебного процесса Питер и Хелен Крогеры вели себя стойко и мужественно и не выдали никаких секретов.

Для Крогеров последовали девять долгих лет мотаний по английским тюрьмам, частая их смена обусловливалась опасениями побега. Питер и Хелен должны были отбывать свой срок заключения, находясь в разных тюрьмах Англии: Питер, естественно, в мужской, Хелен — в женской. Им было разрешено встречаться раз в месяц, и с этой целью их привозили в тюрьму, находившуюся где-нибудь на полпути от мест их заключения. Они виделись в тюремной комнате в присутствии надзирателя, им разрешалось пить чай с печеньем и беседовать. Эти встречи, которые продолжались ровно один час, были для них каждый раз важным событием, так как разлука, несомненно, была самым тяжелым испытанием в их тюремной жизни.

Письма из тюрем Ее Величества

Как и всем заключенным, им было разрешено писать одно письмо в неделю. Эти письма должны были быть написаны на тюремном бланке небольшого формата из четырех страниц и вложены в открытый конверт, чтобы тюремный цензор мог их прочитать. Содержание этих писем Служба внешней разведки России обнародовала в начале 2001 года, а московский Центр общественных прикладных проблем Александра Жилина включил их в изданный двухтомник под общим названием «Письма из тюрем Ее Величества».

Из письма Питера Крогера Хелен Крогер от 11 января 1961 года, Брикстон, тюрьма Ее Величества:

«Моя дорогая Хелен!

Надеюсь, что когда мое письмо дойдет до тебя, ты будешь в полном здравии и в хорошем настроении.

Сегодня мне удалось лишь мельком просмотреть «Экспресс»,

вышедший во вторник. А среди вчерашних газет я прочел еще один, в котором были соответствующие информационные статьи и фотография нашего дома.

Этим утром через офицера, принимающего заказы от заключенных, я попросил оформить требование на получение ежедневной газеты «Таймс», а также сигарет.

Сегодня у нас сняли отпечатки пальцев и выдали полосатую одежду.

Надеюсь, завтра будут какие-либо новости от адвоката. Первый адвокат был у меня сегодня, и полагаю, что он навестит и тебя. А потом мы вместе подумаем, как быть с домом, с нашим делом и всем остальным. Когда ты встретишься с ним, тебе следует договориться о дополнительном комплекте одежды, теплых носках и чулках, обуви и прочем…

Нам удается немного размяться. Сегодня 30 минут гулял по внутреннему дворику. Свежий воздух очень хорошо действует, да и для косточек прогулка полезна.

В тюрьме есть книги — современные романы, об авторах которых я ничего не слышал. Но это очень посредственное чтиво. Возможно, мне удастся найти что-нибудь интересное завтра, например Голсуорси, Харди или более новых авторов — Джо Олденбурга или Эрика Линклатера.

Надеюсь, что девчатам удается поддержать живую искорку в твоих глазах.

Люблю тебя и нежно обнимаю. Твой Питер».

Безусловно, жизнь в тюрьме оказалась для Хелен более трудной, чем для Питера. Но ей помогали большая сила воли и врожденная стойкость к возникающим трудностям.

Из письма Питера Крогера Хелен Крогер от 22 декабря 1963 года, тюрьма Ее Величества, Саутхолл-стрит, Манчестер, 3:

«Моя самая дорогая!

Вообще я испытываю огромное наслаждение, когда пишу тебе, но на этот раз я испытываю боль…

Поместить в одну комнату четырех женщин разного возраста и темперамента, у которых общее лишь их пол и длительный срок приговора, и ожидать при этом, что они не будут время от времени раздражать друг друга, живя бок о бок 24 часа в сутки и 365 дней в году, лишенные какой-либо другой компании, — это значит ожидать от них больше, чем даже от монахинь или от святых.

Тем не менее я беспокоюсь о тебе. Я все думаю о твоем здоровье. Я чувствую, что для тебя самое важное — сохранить

здоровье и по возможности избегать элементов спора и конфликта. Держись».

Следует подчеркнуть, что Питеру и Хелен было присуще такое важное качество, как беспредельная верность делу, которому они посвятили свою жизнь. МИ-5 (английская службы безопасности — контрразведка) неоднократно предлагала, особенно в первое время их заключения, предоставить им свободу, а также возможность вести спокойную и обеспеченную жизнь в одной из стран Британского Содружества в обмен на согласие сотрудничать и сообщать информацию о своей работе и работе других лиц на советскую разведку. И каждый раз Питер и Хелен решительно отвергали подобные предложения и даже вообще отказывались встречаться с представителями МИ-5. Такое поведение тем более восхищает, если подумать, что в то время их ожидали 20 долгих лет тюремного заключения и разлуки. Предложение со стороны МИ-5 кому-то могло показаться весьма соблазнительным, но не Питеру и Хелен. Их всегда отличала вера в справедливость и окончательную победу дела, которому они служили.

Как уже отмечалось, Питер обладал исключительной способностью располагать к себе людей. В «Очерках истории российской внешней разведки» по данному поводу отмечается:

«Даже в условиях тюремного заключения, находясь в среде отпетых негодяев, Питер неизменно пользовался всеобщим уважением. Чтобы оградить Питера от грубости и издевательства надзирателей, заключенные установили над ним своего рода опекунство. Это серьезно облегчало положение разведчика.

Однажды, когда узники крыла самого строгого режима тюрьмы решили в ответ на ухудшение питания начать кампанию неповиновения (заключенные отказывались покидать свои камеры и объявили голодовку), они запретили Питеру присоединиться к ним и «официально» уведомили администрацию тюрьмы о том, что Питер Крогер не будет участвовать в предстоящих беспорядках. Это сделано было для того, чтобы не дать повода администрации подвергнуть Крогера очередному истязанию».

В октябре 1966 года другому советскому разведчику, Джорджу Блейку, арестованному в Англии в результате предательства в апреле 1961 года и приговоренному английским судом к 42 годам тюремного заключения, удалось бежать из тюрьмы, в которой он отбывал наказание, и добраться к концу года до Москвы. Как только стало известно о побеге Джорджа Блейка, Питер и Хелен были переведены в другие тюрьмы. Питера

поместили в тюрьму «максимально строгого режима» на острове Уайт, где содержались самые опасные преступники: убийцы и участники известного в то время ограбления почтового вагона в Англии (так называемого «ограбления века»).

Хелен была направлена в тюрьму строгого режима. Тюремные власти старались сломать ее морально и физически. У Хелен началось истощение нервной системы. Но она решительно отказывалась от каких-либо успокаивающих лекарств, которые ей усиленно навязывали тюремные врачи, опасаясь, что эти препараты могут содержать наркотики.

Питер предпринимал отчаянные попытки, чтобы хоть как-то поддержать Хелен.

Из письма Питера Крогера Хелен Крогер от 16 октября 1967 года, Паркхерст, Ньюпорт, остров Уайт, тюрьма Ее Величества:

«Я вынужден сказать тебе, что ты должна взять себя в руки. Нервный срыв ничего не решит и только принесет боль и горе тебе самой и мне. Я не пытаюсь уменьшить или представить в неверном свете условия, в которых ты вынуждена жить. Я осознаю все влияющие факторы: физические, психологические, эмоциональные и делаю что могу, чтобы облегчить положение, привнести в него чуточку легкости и радости. Ежедневно, ежечасно я чувствую твою ношу. И я бы чувствовал тяжелые угрызения совести, если бы не обратился к тебе сейчас с призывом собрать все твои внутренние резервы, чтобы избежать какого-либо срыва.

В предыдущем письме ты писала мне: «Все, что мы можем сделать, это стиснуть зубы и продолжать. Я знаю, что это трудно, но выбора у нас нет. Мы должны беречь наше здоровье и не поддаваться отчаянию. Когда мой мозг лихорадочно горит и мой ум сбит с толку и путается, я заставляю себя думать о других несчастных, которые тоже переживают подобные муки, и эти мысли дают мне силу встретить лицом к лицу собственное испытание». Эти слова сильного духа и характера вызвали у меня глубокое восхищение».

Из письма Питера Крогера Хелен Крогер от 26 декабря 1968 года, Паркхерст, Ньюпорт, остров Уайт, тюрьма Ее Величества:

«В газетах различные известные люди рассказывают, какие книги им больше всего понравились за 1968 год. Особо выделялось то, что количество биографий было больше, чем романов и других жанров литературы. Я тоже отметил эту тенденцию: когда у меня есть возможность почитать, я лично больше интересуюсь биографией, а не романом. Знаменательно,

что за последний год увеличилось количество мемуаров. Даже такие писатели, как Рассел, Пристли, Паустовский, Сартр, Симона де Бовуар, а также ряд историков, политиков, ученых и общественных деятелей стали писать свои мемуары или описывать текущие события в документальной манере. Возможно, важность событий, темп того, что происходит в мире, привлекают столь многих и заставляют их обратиться к этому литературному жанру».

В марте 1998 года в одной из своих работ Джордж Блейк отмечал:

«Я считаю, что мне очень повезло узнать таких людей, как Питер и Хелен, обладавших мужеством, силой характера, любовью к близким, честностью, терпимостью, редким даром дружбы. Для меня они были идеалистами и идеальными людьми. Мне кажется, что их переписка, относящаяся, видимо, к самому трудному периоду их жизни, свидетельствует об этом. Питер и Хелен были настоящими героями нашего времени».

Следует особо подчеркнуть, что, долгих девять лет находясь в тюрьме, одна только гнетущая атмосфера которой способна убить в человеке всякое стремление бороться, имея возможность видеть друг друга лишь во время редких и коротких свиданий, Крогеры сумели сохранить любовь друг к другу, всегда находили слова поддержки и ободрения. Несомненно, эта взаимность чувств также помогла им не пасть духом и дождаться счастливого дня освобождения, в который они всегда верили.

Так, 29 января 1968 года в письме из тюрьмы Ее Величества Паркхерст, находившейся на острове Уайт, Питер Крогер писал Хелен: «У меня нет сомнений, что если они (сотрудники советской внешней разведки. — *В. А.)* не передвигают небо и землю ради нас, то они колотят и руками, и ногами в дверь Господа Бога».

Обмен

Действительно, в Москве уже давно активно прорабатывали возможность обмена Крогеров, в частности — на осужденного в 1965 году в СССР агента английских спецслужб Джеральда Брука. Первым поставил перед советским Министерством иностранных дел вопрос о возможности освобождения Брука министр иностранных дел Великобритании Майкл Стюарт.

В ответном письме министр иностранных дел СССР А. А. Громыко сообщил своему английскому коллеге, что

советская сторона будет готова рассмотреть этот вопрос в ответ на освобождение супругов Крогер.

Однако Великобритания не соглашалась вести переговоры на таких условиях. Чувствовалось, что в этой ситуации на англичан оказывают сильное давление спецслужбы США, которые до самого последнего момента не оставляли надежды заполучить Крогеров в свои руки.

Еще дважды обсуждался этот вопрос: в 1966 году — с премьер-министром Англии Гарольдом Вильсоном во время его официального визита в СССР и в 1967 году — с новым министром иностранных дел Великобритании Джорджем Брауном, также находившимся с визитом в Советском Союзе. Англичане и на этот раз согласия на обмен не дали.

Четыре года велись бесплодные попытки побудить англичан обменять Брука на Крогеров. Помог делу сам Брук. Находясь в заключении, он повел себя настолько легкомысленно и безответственно (принял участие в инициированной спецслужбами подготовке «побега»), что появились основания предъявить ему новые обвинения и увеличить срок наказания. Тут уж англичане всерьез забеспокоились. После того как МИД Великобритании получил информацию советского посольства о предстоящем увеличении срока наказания Джеральду Бруку за его негативное поведение в советской тюрьме, англичане снова пошли на переговоры об обмене.

Наконец в августе 1969 года британские власти согласились обменять Крогеров на Джеральда Брука и двух его соотечественников, отбывавших наказание в СССР за контрабанду наркотиков.

В этой связи весьма характерен факт, о котором рассказывается в «Очерках истории российской внешней разведки»:

«Когда заключенные крыла строгого режима тюрьмы Паркхерст, где содержался Питер, только узнали о предстоящем его освобождении, они обратились к администрации тюрьмы с беспрецедентной просьбой: разрешить им устроить для Питера Крогера прощальный ужин. Разрешение было дано, и все 16 узников крыла целый месяц экономили на своем скудном тюремном пайке, чтобы собрать немного продуктов.

В день прощального ужина — это было в одно из воскресений — заключенные сами накрыли столы, разложили на них то, что удалось приготовить из сэкономленных продуктов, и торжественно ввели в столовую Питера. Его усадили во главе стола, на стул, над которым был повешен самодельный красный флаг с серпом и молотом. Началась «торжественная часть» —

речи, тосты. После торжественной части началась самодеятельность.

Целую неделю после вечеринки вся тюрьма с упоением обсуждала это событие. Даже лондонские газеты опубликовали пространные отчеты о «торжественном ужине».

23 сентября 1969 года ее величество королева Великобритании Елизавета II подписала указ, в котором, в частности, говорилось:

«В отношении Питера Джона Крогера, который 22 дня марта месяца 1961 года Центральным Уголовным судом был признан виновным в тайной передаче сведений в нарушение Статьи 1 Закона о государственной тайне от 1911 года и был приговорен к двадцати годам тюремного заключения, всемилостивейше объявляем, что, принимая во внимание некоторые обстоятельства, представленные на высочайшее рассмотрение, мы соблаговоляем простереть наше милосердие и прощение на поименованного Питера Джона Крогера и даруем ему помилование и освобождение его от оставшегося по вышеизложенному приговору срока наказания на день 24 октября 1969 года: по нашему желанию и благоволению повелеваем освободить его из-под стражи, для чего настоящий указ будет достаточным основанием».

Указ такого же содержания был подписан Елизаветой II и в отношении Хелен Крогер.

На другой день после подписания указов, 24 октября 1969 года, супруги были освобождены из английских тюрем. Обмен наконец состоялся. Отлет Крогеров из лондонского международного аэропорта Хитроу в Варшаву собрал огромное количество репортеров газет, радио и телевидения. Лондонская «Таймс» на другой день писала: «Иностранец, прибывший в Англию в пятницу (24 октября 1969 года. — *В. Л.*), невольно подумал бы, что Крогеры являются национальными гостями, а не шпионами, нанесшими ущерб интересам безопасности Великобритании…» А лондонская «Дейли телеграф» сокрушалась: «Отправку Крогеров нужно было организовать иначе, а не так, чтобы она напоминала отъезд королевской четы».

В то же время шумихой вокруг досрочного освобождения и проводов Крогеров из Лондона английские средства массовой информации создали прекрасную рекламу советской разведке, убедив еще раз западную общественность в том, что она никогда не бросает в беде верных ей агентов и кадровых сотрудников.

Уже 25 октября 1969 года Крогеры-Коэны прибыли в Москву. В начале 1970 года они получили советское гражданство.

Условия конспирации до сих пор не позволяют рассказать о

многих операциях, в которых участвовали Моррис и Леонтина Коэн, находясь на разведывательной работе в США и Англии. Однако о качестве их работы свидетельствует такой факт: за конкретные результаты каждый из них был награжден орденами Красного Знамени и Дружбы народов, медалями, а также нагрудным знаком «За службу в разведке». А позже последовали и указы о присвоении им звания Героев России, с чего мы начали рассказ об этих замечательных и исключительно скромных людях.

В декабре 1978 года Моррис Коэн писал в своих воспоминаниях:

«За последние десять лет Лона и я много ездили по СССР и регулярно участвовали в подготовке молодых чекистов, и поэтому мы чувствуем себя очень счастливыми.

Посмотрите, как изменилось соотношение сил в мире. В 1950 году, когда США чувствовали себя настолько уверенными, что империалистам казалось, что они могут весь мир проглотить, как устрицу, в журнале «Лайф» появилась статья. Ее автор предсказывал, что скоро американские вооруженные силы оккупируют Советский Союз, а известный в ту пору мюзикл под названием «Парни и куколки» будет якобы исполняться не на Бродвее, а где-нибудь в театре на улице Горького. А пройдет 27 лет, и президент Джимми Картер начнет жаловаться на то, что Советский Союз стал настолько сильным, что «представляет уже угрозу» странам Запада, то есть США и его союзникам.

Действительно, времена меняются».

До последних дней жизни Коэны продолжали трудиться в нелегальной разведке. Они выполняли специальные задания, выезжали в различные европейские страны для организации встреч с разведчиками-нелегалами, принимали участие в подготовке молодых сотрудников. Они с радостью встречались с молодежью и неизменно повторяли, что не напрасно прожили жизнь и несмотря на тяжелые испытания, которые выпали на их долю, считают себя счастливыми людьми, поскольку верно служили Родине и делу мира на земле.

И это были не пустые слова. В материалах Службы внешней разведки указывается:

«Коэны всегда питали теплые чувства к Советскому Союзу, а после Испании, когда Моррис близко столкнулся с советскими людьми, участвуя вместе в боях против фашистов и где он сделал окончательный выбор, на чьей стороне ему быть, советское государство стало для него родным. То же самое происходило и с Лоной, после того как она заменила Морриса, призванного в американскую армию в 1942 году. На протяжении почти всей Второй мировой войны она бок о бок с советскими разведчиками

вела опасную работу по добыванию и транспортировке разведывательной информации и так же, как и Моррис, по своей собственной воле определила свою судьбу и свое отношение к Советскому Союзу.

Что касается их вклада в сохранение мира, то они демонстрировали это не раз. Взять хотя бы их работу по атомной проблематике в США. Неизвестно, что бы случилось в мире, если бы не была ликвидирована атомная монополия США. Сейчас многие признают, что мир не скатился к третьей мировой войне только благодаря тому, что у СССР своевременно появилось ядерное оружие. А Коэны внесли в это значительный вклад».

Незадолго до своей смерти Леонтина Коэн подчеркнула на одной из встреч с коллегами: «За двадцать лет сотрудничества с советской разведкой мы, я считаю, не допустили ни одной ошибки, которая могла бы навлечь на нас подозрения. Мы ни разу не были по своей вине на грани провала».

23 декабря 1992 года Леонтины Коэн не стало. Моррис Коэн скончался 23 июня 1995 года. Похоронены супруги на Новокунцевском кладбище, в московской земле, ставшей для них родной навечно.

В день похорон Морриса одна из российских центральных газет писала: «Он любил Россию страстно и оптимистично». Эти же слова с полным основанием можно отнести и к Леонтине — его боевой подруге и соратнице.

Буквально накануне своей смерти Моррис Коэн ответил на письменные вопросы американских публицистов Джозефа Олбрайта и Марши Курстель, которые впоследствии издали интересную книгу о жизненном пути разведчиков-нелегалов. Обращаясь к Моррису Коэну, они писали:

«В наши дни, когда люди руководствуются мотивами личной выгоды скорее, чем принципами, мы уверены, что жизнь, прожитая Вами и Вашей женой, представляет собой редкое и интригующее повествование, которое следует рассказать».

Приведем некоторые из ответов Морриса Коэна.

«Вопрос. Что заставило вас принять решение о сотрудничестве с советской разведкой?

Ответ. Я родился в США в начале века. Мое формирование как личности пришлось на то время, когда в среде пролетариев, к которым относились не только мои родители, но и все мое окружение, были очень сильны чувство солидарности с российскими рабочими и чувство гордости за своих братьев по классу, совершивших революцию. Именно эти чувства впоследствии сыграли огромную роль при формировании моего мировоззрения. Одним из ярчайших воспоминаний моего детства

является митинг солидарности с народами России, на котором выступал Джон Рид по приезде из Москвы, на который меня взяли родители.

Это чувство любви к России как к родине всех пролетариев, где уничтожено угнетение человека человеком и решены многие противоречия капиталистического общества, я пронес через всю свою жизнь. Именно поэтому, когда встал вопрос об оказании посильной помощи России, я ни минуты не колебался и сделал все возможное, чтобы оправдать доверие.

В атмосфере того времени я принял сторону страны, в политическую правоту которой верил и верю.

Вопрос. Каким образом, родившись в США, вы решились работать против своей страны?

Ответ. Парадокс состоит в том, что я никогда не работал против интересов США, которые понимал и понимаю как обеспечение возможности для простых людей жить в мире с народами других стран. Мир, как это подтверждается всем ходом истории, зависит от доверия и паритета сил, а доверие, в свою очередь, — от информации, зачастую секретной, о планах и намерениях. Получение информации о планах и намерениях политического руководства, а также о научно-технических достижениях, способных повлиять на сложившийся паритет сил, — задача под силу только разведке.

В каких бы странах я ни жил, я всегда с уважением и большой любовью относился к своей родине — США».

Глава пятая
НА БОЕВОЙ РАБОТЕ

Шпион — тот, кто взломал сейф и добыл документ, а разведчик тот, кто вошел в доверие к владельцу этого документа и убедил его показать ему этот документ, а то и сделать копию. То есть дело в методах, в технологии: от грубых, бесцеремонных до тонких, бархатных. Аллен Даллес, директор ЦРУ США

Не надо забывать, на чем строится любая разведка: на везении и риске. Надо уметь рисковать, а там, глядишь, и повезет…

Конон Молодый

Итак, в конце февраля 1955 года все приготовления были завершены и Конон Трофимович Молодый выехал из Канады в Нью-Йорк.

Позже разведчик вспоминал:

«Я решил ехать пароходом через Нью-Йорк, так как надеялся завести в пути полезные связи. С другой стороны, было полезно вновь побывать в США с целью пополнения своих знаний об этой стране. В Нью-Йорке я пробыл около недели и отплыл в Саутгемптон на лайнере «Америка». В пути мне действительно удалось приобрести полезные знакомства и даже получить рекомендательные письма к нескольким лицам в Англии. С одним из моих попутчиков, немцем Гансом Кохом, который работал в туристском бюро в Нью-Йорке и по нескольку раз в год приезжал в Европу, я поддерживал дружеские связи до моего ареста в январе 1961 года».

Через некоторое время руководитель советской нелегальной резидентуры с документами на имя канадского бизнесмена Гордона Лонсдейла (оперативный псевдоним «Бен») благополучно прибыл в Лондон…

Здесь следует отметить, что «Бен» не сразу установил связь с Крогерами. Ведь ему предстояло создать надежное прикрытие для

разведывательной деятельности, завести устойчивые нейтральные связи, решить квартирный вопрос и массу других проблем. На это ушло около года. Эти же проблемы активно решали и Крогеры, для встречи с которыми «Бен» выезжал в Париж.

Один из руководящих сотрудников центрального аппарата нелегальной разведки, принимавший участие в создании резидентуры «Бена», позже вспоминал:

«Резидентура начала создаваться в 1954 году. Но основные ее компоненты стали функционировать только в 1955 году, после того как в Лондоне обосновался сам резидент и начал действовать пункт связи, организованный разведчиками-нелегалами Крогерами.

Потребовалось немало времени, чтобы создать прочные прикрытия, наладить каналы связи и развернуть в полную силу деятельность резидентуры».

Лишь в апреле 1956 года супруги Крогеры получили из Центра сообщение, что в последний вторник мая в пятнадцать часов тридцать минут на третьем этаже Корнер-хауза в ресторане «Лайонс» они должны встретиться с назначенным на должность руководителя лондонской нелегальной резидентуры Гордоном Лонсдейлом.

Крогеры готовились к этой встрече, ждали ее. Они проделали большую работу по обустройству в Лондоне, по созданию «крыши», которая сможет надежно прикрыть их разведывательную деятельность, и могли с гордостью доложить об этом своему руководителю.

Резидентура начинает действовать

Предоставим вновь слово историку отечественных спецслужб Николаю Шварeву:

«Около трех часов дня Питер и Хелен прибыли к Корнер-хаузу. Как всегда, тщательно проверившись, они вошли в холл ресторана «Лайонс».

Опасаясь, что в зале ресторана может оказаться кто-то из знакомых бизнесменов, Питер у входа придержал шедшую впереди супругу и внимательно оглядел сидевших за столиками клиентов. Их было всего шесть человек. Вдруг Хелен, резко повернувшись к нему, обрадованно воскликнула:

— Ты смотри, кого я вижу в дальнем левом углу! Это же наш знакомый Арни!

Питер крепко сжал ее локоть и полушепотом сердито процедил:

— Лона, ты что, с ума сошла? Мы же не на книжном аукционе! Кто знает, может, он прибыл сюда для того, чтобы проконтролировать нашу встречу с Лонсдейлом. Пойдем в конец зала, — тихо добавил он, — и будем ждать от него сигнала. Не подаст — значит, так и надо. А пока пройдем в уголок, займем столик и будем ждать прихода нашего Лонсдейла.

Не успели они дойти до середины зала, как «Бен» вскинул голову, бросил на стол газету и, вскочив, громко воскликнул:

— Кого я вижу! Сколько лет, сколько зим!

Он обнял Хелен, пожал руку Питеру.

— Вот уж, действительно, пути Господни неисповедимы. Прошу к моему столу.

Сев за стол, Питер закурил. Скрывая волнение, он произнес:

— Может, я ошибаюсь, Арни, но мне кажется, Центр не совсем доверяет нам…

— С чего это ты взял? — воскликнул «Бен».

— Видимо, ты в курсе, что мы получили указание встретиться с неким Гордоном Лонсдейлом. А приехал ты опять почему-то…

«Бен» расхохотался. Успокоившись, наклонился к столу и тихо произнес:

— Перед вами и есть тот самый Гордон Лонсдейл! Да, да. Не гляди на меня так, словно видишь в первый раз. Чтобы вы убедились в этом, сообщаю мой пароль: «Извините, мы не встречались с вами в Мексико-сити?» Ваш ответ должен быть таким: «Нет, в Мексико-сити мы никогда не были, а встретить нас вы могли только в Оттаве». Ну как?..

— Подведем некоторый итог, — улыбнулся «Бен», выдержав паузу и с улыбкой наблюдая за изумленными коллегами. — Поскольку теперь мы будем работать вместе, прошу называть меня впредь Гордоном, а не Арни. Под фамилией Лонсдейл мне предстоит теперь легализоваться в Англии».

В ходе беседы Питер поинтересовался, не располагают ли в Центре какими-нибудь сведениями о его отце, оставленном в США в связи с внезапным отъездом, и попросил узнать, нет ли возможности передать ему письмо. «Бен» пообещал согласовать этот вопрос с Центром. Но, не желая волновать Питера, он умолчал о том, что сотрудники ФБР давно и активно пытаются через родственников узнать, где находятся супруги. Прибегая к различным уловкам и ухищрениям, они не дают покоя и его отцу.

Итак, можно считать, что с этого момента в Лондоне начала действовать полноценная нелегальная резидентура советской внешней разведки, которая приступила к выполнению заданий Центра.

Питеру было необходимо освоить профессию книготорговца-

букиниста и открыть собственное дело. Поскольку в Англии Крогерам предстояло выполнять роль не только радистов, но и курьеров нелегальной резидентуры, связников резидента, подобное прикрытие было для них весьма удобным. В поисках клиентов и для закупки для них заказной литературы у супругов появлялась оправданная необходимость встречаться с различными людьми и активно разъезжать не только по Англии, но и выезжать в другие европейские страны.

Владимир Чиков по этому поводу писал:

«Сразу же по возвращении из Франции Питер и Хелен по рекомендации «Бена» активизировали свою работу по созданию прикрытия: они чаще стали посещать аукционы. Почти ни один аукцион не проходил без них. Там они завязывали нужные знакомства, устанавливали полезные контакты с известными в Лондоне книготорговцами. Питеру со свойственным ему упорством и терпением удалось сломать ледок недоверия и преодолеть характерную для англичан сдержанность по отношению к новым знакомым.

Способствовали этому и необыкновенные природные данные Питера вызывать к себе чувство уважения и симпатии. Он всегда строго следил за своим внешним видом: носил светлый клетчатый пиджак и дорогие сорочки с пуговками на воротничке, золотой перстень и часы с золотым браслетом. И почти никогда не расставался с толстой курительной трубкой, как у Уинстона Черчилля.

Стройный, сухопарый, как настоящий англичанин, и моложавый, несмотря на солидный возраст, Питер своими благовоспитанными манерами и независимостью суждений производил самое благоприятное впечатление на окружающих. Умея прятать личные амбиции, он всегда довольствовался своей скромной ролью в тени крупных лондонских бизнесменов. Те, в свою очередь, проникаясь к нему доверием и уважением, начали приглашать его на книжные аукционы Ходсона и Ченсери-Лейна, а затем и на Сотби».

Вскоре Питер стал членом Международной торговой ассоциации букинистов и Ассоциации букинистов Великобритании, пользующейся всемирной известностью.

Таким образом, хотя коммерческие успехи у разведчиков развивались медленнее, чем хотелось бы, но и здесь наметился определенный прогресс: появились постоянные клиенты, удалось вписаться в среду книготорговцев. Дело постепенно налаживалось, установились контакты с партнерами во Франции, Бельгии, Голландии и других странах, что давало возможность выезжать туда по делам. Эти поездки использовались для

передачи по назначению получаемых от «Бена» материалов.

Через некоторое время «Бен» докладывал в Центр: «Организация прикрытия «Дачников»[8] завершена. Приступили к выполнению второго этапа легализации. Книготорговая фирма «Эдип и Медея» выглядит вполне солидно. Для транспортировки книг им нужна машина».

Основной же задачей супружеской пары являлось обеспечение надежной радиосвязи нелегальной резидентуры с Центром. И здесь в первое время приходилось трудно. Но постепенно дело пошло на лад. Как мы уже знаем, Крогеры арендовали загородный дом недалеко от Лондона и оборудовали в нем радиоквартиру.

Лонсдейл принимал самое непосредственное участие в оборудовании радиоквартиры, вернее — радиобункера. Обнаружив, что в доме под кухней имеется свободное пространство, они с Питером сделали в полу люк с крышкой, а затем подкопали помещение еще на метр, забетонировали его, чтобы вода не затекала, и утеплили. Крышку люка накрыли куском линолеума и поставили на это место холодильник на колесиках. Во время работы передатчика потайная антенна выводилась на чердак, а затем сматывалась по принципу спиннинга на катушку. Над оборудованием погреба Лонсдейл и Питер работали по ночам. Землю ведрами выносили в сад и сделали там цветочную клумбу. Благо знаменитые лондонские туманы даже летом плотно окутывали улицы городка и скрывали все вокруг.

Радиобункер получился очень удачным. Подошло, скажем, время работы на передатчике, откатывался в сторону холодильник, включался свет под полом, и радист нырял вниз. И никто из посторонних не догадывался, что под холодильником расположен люк.

Через некоторое время Питер выехал в Брюссель, где встретился с представителем Центра и получил от него новый радиопередатчик и деньги на покупку автомобиля.

Итак, в сентябре 1957 года радиоцентр, полностью оборудованный всем необходимым и оснащенный присланной из Центра «Астрой» — скоростным радиоприемником, вышел в эфир. Хелен приняла первую радиограмму, в которой Центр ставил перед «Беном» конкретные задачи по организации работы с агентурой, а также по проникновению на объекты, представлявшие первостепенный разведывательный интерес.

После завершения всех работ по оборудованию радиобункера Лонсдейл посоветовал Питеру отказаться от аренды официального помещения его фирмы на Стрэнде и перевести

офис в одну из комнат своего коттеджа. По его мнению, это позволило бы Питеру не только существенно сократить расходы на аренду, но и экономить время. «К тому же, — подчеркнул Лонсдейл, — именно здесь, в Руисли-пе, не будет, как в центре Лондона, бросаться в глаза посторонних ваше частое отсутствие, связанное с поездками на континент для встреч с курьерами Центра». Предложение резидента было принято и вскоре реализовано.

Что касается Лонсдейла, то, прибыв в Лондон, он, как ему и советовал секретарь Ванкуверского отделения Королевской заморской лиги, первым делом посетил правление местного отделения организации. Оно помещалось в центре Лондона, рядом с парком, прилегающим к Букингемскому дворцу.

Нелегал вписал свое имя в книгу «иностранных гостей» и получил на первое время место в отеле лиги. Вскоре его принял генеральный секретарь отделения, который в свою очередь представил новичка его активу.

О знакомстве с активистами местного отделения лиги и о том, какие выводы для себя он сделал в результате этой встречи, Лонсдейл рассказывал следующее:

«Не успел я еще как следует расположиться в номере отеля, как зазвонил телефон. Приятный женский голос сообщил, что генеральный секретарь отделения лиги хотел бы видеть меня.

— Буду готов через полчаса, — ответил я.

Быстро приведя себя в порядок, ровно через 30 минут я вошел в кабинет секретаря.

— Мое имя Филипп Кроушоу, — представился мне владелец кабинета, пожилой седовласый англичанин. — Я хотел бы познакомить вас с нашими деятелями. Давайте пойдем в бар.

В баре мое появление приветствовали поднятием бокалов, в которых было налито традиционное виски с содовой, при этом мы представились друг другу. Видя, что я тороплюсь и собираюсь попрощаться, Кроушоу, как оказалось, кавалер ордена Британской империи, взял меня под руку и подвел к широкому окну.

— Посмотрите, — показал он рукой на Букингем, — над дворцом развевается королевский флаг.

— Да, вижу, — подтвердил я, не очень понимая его намерения.

— Ее королевское величество пребывает на месте. — Тон его заявления был чрезвычайно торжественным. — Я предлагаю тост за ее здоровье.

— С превеликим удовольствием. Здоровье королевы. — Я заказал виски для всех.

Допивая свой бокал, я пришел к выводу, что мой патриотизм

не проявлялся до сих пор с достаточным энтузиазмом, и решил в будущем исправить эту ошибку».

Следует отметить, что в отеле лиги Лонсдейлу удалось завести много знакомых. С некоторыми из них он поддерживал отношения в течение всего пребывания в Англии. Благодаря постоянному общению с активом организации Лонсдейл был в курсе многих политических событий большой важности, присутствовал на некоторых заседаниях парламента, познакомился с рядом парламентариев, установил контакты среди политиков и бизнесменов.

«Первые недели в Лондоне, — рассказывал позже «Бен», — я жил в гостинице лиги, питался там, посещал фильмы и концерты, регулярно заходил в бар и вскоре примелькался всему обслуживающему персоналу. При входе у меня уже не спрашивали пропуск, а вежливо улыбались и приветствовали по имени.

Я оставался членом лиги в течение всего времени пребывания в Англии (не считая, разумеется, тех лет, которые провел в тюрьмах Ее Величества), часто посещал различные мероприятия, получал на адрес лиги корреспонденцию. Главное же заключалось в том, что лига являлась моим клубом, куда я мог пригласить знакомых, чтобы опрокинуть по стопке. Дело в том, что в Англии все пивные и бары закрыты днем, то есть как раз тогда, когда бизнесмены и другие солидные люди встречаются по делам. Именно в такие моменты очень важно иметь возможность сказать: «Пойдемте посидим в моем клубе», поскольку бары клубов открыты как раз тогда, когда закрыты общедоступные питейные заведения.

В лиге я познакомился с Элизабет Пауэлл, сотрудницей, специально выделенной для оказания помощи «заморским» посетителям.

Элизабет часто выручала меня, оказывая, в частности, всевозможные услуги.

Естественно, что я никогда не забывал «заслуг» мисс Пауэлл и часто, возвращаясь из поездок «на континент», привозил ей всяческие подарки, начиная от французских духов и кончая модными и весьма дорогими безделушками.

Мисс Пауэлл тоже не оставалась в долгу и снабжала меня время от времени билетами в театры, в студию телевидения и на другие зрелища. Более того, она обеспечивала меня пропуском на торжественный парад лейб-гвардии в годовщину коронации королевы, попасть на который среднему англичанину было практически невозможно.

Элизабет также регулярно поставляла мне пригласительные

билеты в королевскую ложу Альберт-холла — самого большого концертного зала Лондона. Нужно было видеть выражение лиц моих английских знакомых, когда я будто бы невзначай приглашал их на концерт в ложу Ее Величества. На большинство людей это производило неизгладимое впечатление. После концерта я дарил своему гостю на память пригласительный билет в королевскую ложу, на котором каллиграфическим почерком была выведена его фамилия. Трудно передать, какое глубочайшее уважение к моей скромной персоне вызывала эта несложная комбинация, соавтором которой была Элизабет.

Во время событий вокруг Суэцкого канала осенью 1956 года мне нужно было послушать в парламенте дебаты по внешней политике и особенно выступление тогдашнего премьер-министра Англии Антони Идена. Одно дело прочитать сжатый отчет в газете и совсем другое самому присутствовать в палате общин в момент, когда разгорелись страсти.

Как всегда, на помощь пришла Элизабет. Она тут же при мне позвонила активному деятелю лиги, члену парламента сэру Джоселину Люкасу и попросила устроить пригласительный билет на «скамью почетных посетителей» для одного очень симпатичного канадца по фамилии Лонсдейл на дебаты по внешней политике. Сэр Джоселин не подвел. В здании парламента меня встретил его секретарь и вручил пригласительный билет. Меня не без некоторой торжественности провели на галерею палаты общин и усадили в одной из лож».

Когда пришло время обзавестись своим жильем в городе, именно через лигу Лонсдейлу удалось снять хорошую и недорогую квартиру в районе Риджентс-парка в известном всему Лондону так называемом Белом доме. Для того чтобы поселиться в этом районе, простому смертному необходимо было иметь пять рекомендаций: с прежнего места жительства, с места работы, от банка и от двух уважаемых крупных собственников. Естественно, таких рекомендаций Лонсдейл в то время представить еще не мог. Однако по просьбе лиги квартира ему была сдана без представления других рекомендаций.

Позже по этому поводу «Бен» отмечал: «Благодаря лиге у меня в Лондоне была не только теплая квартира, но и интересные знакомые».

Кстати, недели через две после того, как верховный судья Англии приговорил Гордона Лонсдейла к 25 годам заключения, он получил от генерального секретаря лиги следующее письмо:

«Господину Гордону Лонсдейлу,

634, Белый дом, Олбэни-стрит, Лондон.

Дорогой сэр!

Мне поручено известить вас о том, что Центральный Совет Королевской Заморской Лиги не может больше считать вас членом Лиги. В соответствии со статьей 8 Королевского устава ваше членство в Лиге прекращено. Возвращаем вам ваш членский взнос за 1961 год».

К письму был приложен чек на семь гиней (примерно 20 рублей по тогдашнему курсу). Оно было напечатано на официальном бланке лиги, на котором указано, что патронессой лиги является королева Елизавета II.

Студент университета

По первоначальной легенде разведчик прибыл в Англию для учебы в Лондонском университете. Он успешно сдал экзамены и был зачислен на восточный факультет университета. В Лондонском университете «Бен» вновь взялся за изучение китайского языка. Ему пришлось нелегко: ведь надо было делать вид, что он, начинающий бизнесмен, совсем не знает китайского. Зато занятия помогли Молодому выявить целый ряд офицеров британской и американской разведок, которые учили язык для работы в Китае.

В Центре было известно, что на этом факультете функционировала группа «перероcтков», в которой негласно проходили обучение редким языкам сотрудники МИДа, офицеры английской и американской разведок, которым предстояло работать в странах Востока. А в задачу разведчика входило выявление из числа студентов сотрудников западных спецслужб, сбор на них анкетных данных, изучение их личных качеств. Надо подчеркнуть, что «Бен» блестяще справился с поставленной перед ним задачей.

Сам «Бен» по этому поводу рассказывал: «Я сразу заметил, что одна из академических групп университета резко отличается от остального контингента студентов. Средний возраст студентов «перероcтковой» группы был, по крайней мере, лет на 10 старше, чем в других группах». Разведчик поставил перед собой задачу попасть на учебу именно в эту группу.

«Зачислению в эту группу, — продолжал далее «Бен», — способствовала секретарь приемной комиссии Джин, с которой я познакомился при поступлении в университет. Мне удалось легко убедить ее в том, что мне будет неудобно заниматься в одной группе с молодыми ребятами — вчерашними школьниками. Она тут же перенесла меня в список «перероcтков». Возможно, ее

сговорчивости поспособствовало то, что я запомнил ее имя, а также и то, что преподнес ей флакончик французских духов, приобретенных накануне в Париже. Скорее всего, и то и другое».

Хорошо известно, что англичане редко идут на сближение с людьми из непривычного для них круга, особенно с иностранцами. Студенты группы считали себя людьми солидными, сделавшими уже определенную карьеру. К тому же почти все они были семейными. Свободное время большинство из них проводили в «своих», как говорят в Англии, клубах по интересам.

«Надо сказать, — рассказывал «Бен», — в Англии, особенно в Лондоне, невероятное количество пивных. Часто встречаются две, три, а то и четыре пивные на одном перекрестке. Ну а в США, скажем, или в Канаде их ничтожное количество по сравнению с Англией. Почти у каждого англичанина есть пивная, которую он считает «своей», причем зачастую эта пивная может быть совсем не рядом с домом. В «своей» пивной англичанин знает большинство завсегдатаев и чувствует себя почти как дома.

В процессе еженедельного посещения пивной я многое узнал о своих однокурсниках и сумел завязать неплохие отношения почти со всеми. Однокурсники знали, что фотографирование является моим хобби, и никто на наших встречах не удивлялся, увидев у меня фотоаппарат и электронную вспышку. Так, за один далеко не последний вечер я сделал несколько десятков снимков и пообещал всем прислать фотографии. Ну а поскольку это было в последний день семестра, я записал адреса всех присутствующих!

В конце учебы мы устроили прощальный вечер в одном из китайских ресторанов. Вечер прошел весьма интересно, особенно для меня, так как на прощанье мои бывшие однокурсники рассказали друг другу, кого куда направили на работу, и все мы обменялись адресами.

Несколько человек направлялись в Пекин, многие ехали в Гонконг и так далее. Наш единственный американец Клейтон Бредт возвращался к себе на родину в США.

О нем я вспомнил много лет спустя. На занятиях он обычно сидел рядом со мной у самой стены. Бредт знал, что его как американца недолюбливали в группе, поэтому он общался главным образом со мной. Ведь канадцы всегда были как бы двоюродными братьями и англичанам, и американцам. Бредт в конце концов тоже разобрался в наших «однокашниках». И вот как-то на очень скучной лекции по китайской философии он толкнул меня локтем и сказал: «Знаешь, Гордон, из всей нашей группы только ты и я — не разведчики». Он стал приводить мне

различные доводы, но я продолжал настаивать, что это не так.

— Повторяю, Гордон, что, кроме нас с тобой, здесь все из разных секретных служб.

Бредт, разумеется, ошибался, однако я не мог ему сказать, в чем заключалась его ошибка (он сам узнал об этом много лет спустя из газет после моего ареста). Тем не менее я не мог не быть довольным тем, что этот, как казалось, весьма наблюдательный человек, который сумел расшифровать подлинное лицо наших «однокашников», не заподозрил меня в принадлежности к спецслужбам. И если уж американец, который сталкивается с канадцами, принимал меня за канадского коммерсанта, проживавшего много лет в США, то англичан мне можно было не бояться».

Прошло всего полгода, как разведчик-нелегал «Бен» прибыл в Лондон. А резидентура за это короткое время сумела сделать очень много. За успешную работу «Бену» была объявлена благодарность, он был повышен в должности и звании.

Бизнесмен Лонсдейл

Одновременно Центр рекомендовал «Бену» не ограничиваться в качестве прикрытия только учебой в университете, а присмотреться и к другим возможностям.

«Бен» решил, что ему необходимо начать какое-либо коммерческое дело, не прерывая учебу в университете. Он справедливо полагал, что занятие бизнесом укрепит его положение в обществе и даст возможность после окончания учебы в университете остаться в Англии.

Разведчик приобрел в кредит десяток музыкальных автоматов и установил их в кафе и барах в нескольких районах города. Это стало удачным прикрытием для разведывательной деятельности и легализации средств, получаемых из Центра.

В дальнейшем его пригласили стать одним из директоров фирмы, которая занималась эксплуатацией более трехсот автоматов по продаже жевательной резинки, чипсов, орешков и сигарет, расположенных по всему городу.

Как-то в разговоре с Питером и Хелен «Бен» заявил:

— Я буду трудиться в поте лица, не зная ни сна, ни отдыха, но обязательно стану миллионером!

— Зачем вам это нужно? — невольно перешел на «вы» Питер. — Вы же сами не раз предупреждали нас, что коммерческая деятельность не самоцель, а лишь средство для обеспечения условий ведения разведработы. Или перед вами

поставлена теперь другая задача — заработать валюту для страны?

— Нет, Пит, основная цель моего приезда сюда — тоже разведывательная. Хотя мои миллионы действительно пригодятся моему народу. Что же касается моих будущих миллионов, то я исхожу из реалий нынешнего дня. Автоматы по продаже мелких товаров очень нужны Англии, задыхающейся от нехватки рабочих рук. И еще учтите: я очень удачливый человек. А удачливым всегда везет!

Действительно, «Бен» оказался талантливым предпринимателем и уже через пару лет стал состоятельным человеком. В целом можно было считать, что новое прикрытие давало ему возможность успешно заниматься разведывательной деятельностью. В частности, он мог практически в любое время суток разъезжать по разным районам города и решать различные разведывательные задачи, не привлекая к себе внимания местных властей и окружения.

Одновременно положение «Бена» позволяло ему завязывать полезные знакомства. В то же время ему не надо было дожидаться денежных переводов из Центра. Зарабатываемых денег ему вполне хватало на то, чтобы обеспечивать свое безбедное существование и расходовать средства на оперативные нужды, в частности — на агентуру.

Однако «Бен» думал о дальнейшем развитии коммерческой деятельности. Удача пришла неожиданно. Один из коммивояжеров фирмы, занимавшийся изобретательством, создал некое электронное устройство против воров. Оно подключалось, например, к автомобильному замку и блокировало его. В случае вскрытия замка посторонним человеком срабатывал сигнал или начинали мигать фары.

Идея «Бену» показалась заманчивой, и он сумел убедить четырех знакомых коммерсантов вложить в это дело определенную сумму. Устройство было запатентовано и запущено в производство. Вскоре первые образцы поступили на рынок и были с интересом встречены автосалонами.

«Бен» как директор фирмы по сбыту даже повез это устройство на Международную выставку в Брюссель. И неожиданно для всех изобретение получило Большую золотую медаль как «лучший британский экспонат». Лично ее величество королева пожаловала ему титул «сэр» за то, что он «прославил Великобританию на Международной выставке в Брюсселе». Это была победа. Дорога к коммерческому успеху была открыта. Дела у фирмы пошли отлично. Дошло дело до того, что одна крупная автомобильная компания захотела купить фирму «Бена» за

довольно приличные деньги. Его компаньоны были склонны принять это предложение, но он отговорил их, рисуя прекрасные перспективы в самом недалеком будущем. На самом деле он просто не хотел заново начинать коммерческое дело, даже имея солидную сумму денег, ибо работа по прикрытию отнимала много времени.

«Шах» и «Ася»

Итак, разведчикам-нелегалам потребовалось немало времени и усилий, чтобы создать надежные прикрытия, наладить каналы связи и развернуть в полную силу деятельность резидентуры.

На начальном этапе из резидентуры поступала в основном политическая информация. Затем, с передачей в ее состав источника, имевшего выходы на научно-техническую проблематику, появилась возможность направлять в Центр важные сведения по разработкам в области современной техники и новейших технологий.

В «Очерках истории российской внешней разведки» отмечается: «Центр стал получать материалы по технологии производства прокатных высокопрочных алюминиевых и других сплавов, пайке титана и нержавеющей стали по новому способу, другие важные промышленные и научные разработки, которые удостаивались самой высокой оценки со стороны заинтересованных ведомств».

Новым эффективным направлением работы резидентуры стала «морская» линия. Активизация работы по данной линии произошла после того, как резидентура приняла на связь ценного источника Гарри Хаутона (оперативный псевдоним «Шах»).

Из официальной справки:

«Гарри Фредерик Хаутон родился в 1906 году. Англичанин.

С 1937 года служил на военно-морском флоте Великобритании. Во время Второй мировой войны ходил с конвоями на Мальту и в Мурманск. Демобилизовался в звании старшины.

В 1950 году был направлен в Польшу в качестве секретаря-шифровальщика британского военно-морского атташе в Варшаве.

Автор книги «Операция «Портленд». Автобиография шпиона», написанной им после выхода из тюрьмы в 1970 году.

Скончался в 1985 году».

Предприимчивый по натуре, Хаутон с целью наживы стал поставлять на черный рынок дефицитные продукты, сигареты и лекарства. На спекуляциях он сколотил неплохой капитал, но

попал в поле зрения польской контрразведки и советской разведки.

В сентябре 1951 года Хаутон по личной инициативе предложил свои услуги органам Министерства общественной безопасности Польши. Проведя предварительное изучение Хаутона, польская контрразведка в январе 1952 года установила с ним оперативный контакт. Хаутон передавал полякам военную информацию, в том числе — шифровальные книги военно-морского атташе. Поляки, в свою очередь, сообщали информацию Хаутона советским коллегам. В сентябре 1952 года Хаутон был окончательно передан на связь советской внешней разведке, сотрудники которой выступали перед агентом как польские разведчики.

Возвратившись в Англию, Хаутон был назначен заведующим отделом гражданских служащих военно-морской базы в Портленде, где располагался особо секретный Королевский научно-исследовательский центр ВМС Великобритании, который занимался военно-морской проблематикой.

С Хаутоном поддерживал связь сотрудник «легальной» резидентуры в Лондоне, выступавший от имени польской разведки.

Позже Хаутон был передан на связь «Бену». Нелегал связался с Хаутоном по телефону, передал ему привет от общего знакомого по Варшаве — сотрудника американского военного атгашата в польской столице — и назначил встречу в Лондоне.

При этом следует подчеркнуть, что «Бен» вступил в контакт с «Шахом» под именем Алека Джонсона — капитана 2-го ранга Военно-морского флота США. На первой встрече разведчик показал ему «свою» визитную карточку, на которой было напечатано: «Коммандер[9] Алек Джонсон, помощник американского военно-морского атташе, Лондон», и подчеркнул, что является куратором совместных с англичанами военно-морских проектов.

В дальнейшем работа с агентами строилась под предлогом того, что у американского командования, которое якобы представлял «Бен», есть веские основания подозревать своих британских союзников в недобросовестности при выполнении договорных обязательств по обмену военно-технической информацией. «Бен» попросил Хаутона за приличное вознаграждение знакомить его с документами и материалами базы, которыми он располагает по долгу службы. Хаутон согласился, подчеркнув, в свою очередь, что не видит ничего криминального в том, что союзники по НАТО будут знакомиться с соответствующими бумагами.

В «Очерках истории российской внешней разведки» указывается, что «нелегальная резидентура получила от Хаутона большое количество секретных материалов: приказы Адмиралтейства, сведения об организации ВМС Англии, о военно-морской технике, подводном флоте, оружии, методах использования боевых средств флота, состоянии обороны английских портов и военно-морских сооружений».

В начале 1959 года с помощью Хаутона нелегальной резидентурой «Бена» был приобретен новый источник информации по «морской» линии — Этель Элизабет Джи (оперативный псевдоним «Ася»).

Джи с 1940 года находилась на государственной службе в Портлендском центре. Занимая должность старшего клерка бюро учета и размножения секретных и совершенно секретных документов, она имела доступ практически ко всем секретным документам, имевшимся в ее учреждении, и могла свободно снимать с них копии.

Джи происходила из довольно респектабельной английской семьи, была не замужем и произвела на «Бена» исключительно благоприятное впечатление. Нельзя сказать, что она отличалась привлекательностью, но в ней чувствовалась сильная, быть может, даже незаурядная натура. По мнению разведчика, как человек она была значительно порядочнее и лучше Хаутона…

Тем не менее, являясь близкой приятельницей Хаутона с 1955 года, она не собиралась пока выходить за него замуж, так как надеялась получить наследство от матери и родного дяди, с которыми проживала вместе и которые были очень состоятельными людьми.

«Бен» проинструктировал Хаутона обязательно объяснить Джи, что она будет сотрудничать не с ЦРУ, а с американской военной фирмой, которая занимается разработкой аналогичных с Портлендским центром проблем подводного флота.

Как оказалось, Джи давно догадывалась, что ее любовник тайно работает на какое-то другое государство, и когда узнала, что на Соединенные Штаты, то охотно согласилась сотрудничать с «американской фирмой» при условии хорошей оплаты. Она стала активно передавать «Бену» интересующую его информацию. Однако следует отметить, что у нее, видимо, никогда не возникало никаких сомнений в том, что она помогает именно офицеру американского военно-морского флота.

Таким образом, резидентура «Бена» успешно добывала в большом количестве весьма ценную секретную документальную информацию Адмиралтейства Великобритании и военно-морских сил НАТО, касающуюся, в частности, английских программ

разработки вооружений, в том числе — ракетного оружия, получившую высокую оценку советских специалистов.

Ветеран внешней разведки генерал-майор Василий Дождалев, который лично поддерживал периодический контакт с «Беном» и работал с одним из его источников в Англии, в интервью газете «Московский комсомолец» отмечал:

«Думаю, Москва знала о подводном флоте Великобритании не меньше, чем сама королева Елизавета.

Помимо того, что мы полностью владели ситуацией, брали на вооружение и какие-то новые разработки. Полученные данные направляли в институты, в конструкторские бюро, активно внедряли в жизнь. Скажем, целая серия наших эхолотов была сделана на основе английских. Интерес к этим материалам был огромен».

А в архивных документах Службы внешней разведки России по этому поводу указывается:

«Это было одно из наиболее эффективных звеньев внешней разведки, которое успешно добывало секретную политическую, научно-техническую и военно-стратегическую информацию в важнейших учреждениях Англии и военных базах США, расположенных на ее территории».

Архивным документам СВР вторил и бывший длительное время (с 1948 по 1963 год) бессменным начальником отдела научно-технической разведки Леонид Романович Квасников, который подчеркивал, что нелегальная резидентура «Бена» внесла в 1950-е годы существенный вклад в получение материалов по линии НТР.

«За время сотрудничества «Шаха» и «Аси» с советской внешней разведкой, — подчеркивается в официальных материалах СВР, — от них было получено несколько тысяч наименований совершенно секретных, секретных и конфиденциальных документальных материалов английского Адмиралтейства и его научных центров общим объемом свыше 17 000 листов. Полученные материалы давали полную картину состояния британского военно-морского флота, его боевых возможностей, перспектив развития плавсредств и вооружений.

Как писала потом одна английская газета со ссылкой на высказывание крупного английского военного деятеля, в британском военно-морском ведомстве не осталось секретов, которые не были бы известны советской разведке».

К этому можно добавить, что от «Шаха» и «Аси» было также получено большое число документов по новейшим научным и техническим разработкам в области производства вооружения и технических средств для армии и флота. В их числе материалы по

атомной подводной лодке «Дредноут», гидроакустическим станциям и гидролокаторам, гидроакустическим средствам противолодочной обороны.

Здесь необходимо подчеркнуть, что обработка материалов, поступавших от «Шаха» и «Аси», требовала от «Бена» и Крогеров исключительного напряжения.

«Бен» встречался с «Шахом» или «Асей» каждый месяц. На встречи они привозили из Портленда много совершенно секретных документов Адмиралтейства: шифры морской разведки и инструкции к ним, отчеты, доклады, разведывательные задания по Советскому Союзу и странам Восточной Европы. К утру оригиналы этих документов должны были снова лежать на своем месте в сейфе. Как правило, получив материалы и даже не знакомясь с их содержанием, «Бен» оставлял агента в городе (в каком-нибудь ресторане), а сам сразу же отвозил документы Крогерам, которые их фотографировали. Затем подлинники возвращались агенту. А Крогеры тем временем проявляли пленки. Затем они печатались и переводились в десятки микроточек, каждая из которых старательно подклеивалась в книги или журналы, а то и под марки на конвертах для отправки в Центр.

В такие дни дом Крогеров на несколько суток превращался в неприступную крепость. Питер, считавший, что необходимо как можно быстрее обработать и переслать материалы в Центр, мог работать по 20 часов в сутки. Главным образом по ночам.

Безусловно, такой способ получения и обработки секретных материалов был сложен и небезопасен. «Бен» пытался уговорить «Шаха», чтобы тот сам фотографировал документы на рабочем месте или дома и передавал информацию в непроявленных пленках. Он даже подарил ему удобный для этих целей миниатюрный высококлассный фотоаппарат «Минокс». Но «Шах» не умел и боялся этим заниматься.

Другие направления деятельности

В конце 1958 года на связь «Бену» был передан важный источник «К», имевший доступ к ценной научно-технической информации. Центр очень высоко оценивал получаемые от него материалы. Они позволяли более рационально планировать наши военные и военно-морские программы, экономя большие средства, осуществлять упреждающие меры против угрозы безопасности государства.

Помимо военно-морской проблематики нелегальная резидентура «Бена» вела активную работу по объектам в городе

Портоне, где находился Центр по изучению биологических методов ведения войны.

В радиограмме, поступившей из Москвы, подчеркивалось:

«Наибольший интерес для нас представляет расположенный в Портоне известный вам Центр. По имеющимся данным, там нашли пристанище гитлеровские ученые и специалисты, которые перебрались туда в 1945 году.

При успешном внедрении в Портонскую лабораторию просим обратить особое внимание на получение информации о создании ими особо смертоносного вещества, двухсот граммов которого достаточно для того, чтобы умертвить население земного шара».

Научный парк «Портон Даун», или химико-биологическая лаборатория, расположенный к северо-востоку от города, всегда являлся одним из самых закрытых и засекреченных объектов Великобритании.

Еще в годы Первой мировой войны здесь разрабатывали химическое оружие, которым англичане снабжали немецкую армию. В 1950-е годы на базе проводились разработки и испытание биологического оружия.

Москва посоветовала «Бену» поручить изучение Портонского центра Крогерам. И разведчики блестяще справились с поставленной перед ними задачей. Вскоре резидентуре удалось собрать подробные досье на многих сотрудников Портонского центра и даже получить штаммы смертоносных бактерий.

Помимо справок о научной квалификации и практической работе сотрудников центра в досье содержались компрометирующие сведения, касающиеся их личной жизни. Особый интерес московский Центр проявил к группе бывших нацистских ученых, нашедших в Портоне надежное убежище. Как удалось установить, все они занимались экспериментами, связанными с бактериологическим и химическим оружием. Кроме того, резидентура получила подробную информацию, относившуюся к разработкам газа «Си-Эс», который американцы использовали во время войны во Вьетнаме, закачивая его в подземные убежища вьетнамских партизан, а также к смертоносным микроорганизмам, которыми отравлялись поля и водные источники Вьетнама, и к ядовитым веществам, которыми американцы опыляли вьетнамские джунгли.

Историк отечественных спецслужб Николай Шварев по этому поводу рассказывал в одной из своих работ:

«Как-то Лонсдейл прибыл к Крогерам. Он достал из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и передал его Хелен:

— Об этом надо радировать как можно быстрее.

— Что здесь?

— Почитай.

Хелен развернула листок и начала читать про себя: «Ваше задание по Портону выполнено В ближайшее время контейнер с результатами микробиологических исследований будет направлен вам через курьера. В контейнере несколько десятков, а может быть, и сотен бактерий. При обращении с ними необходимо соблюдать особую осторожность и иметь в виду, что один микроб страшнее взрыва термоядерной бомбы. 18 августа 1958 года. Бен». Закончив чтение, Хелен тревожно посмотрела на Лонсдейла.

— Ну что? — спросил он.

— Душу сжало.

— Отчего?

— От страха… Это все правда?

— Что правда?

— Что один микроб страшнее атомной бомбы?

— Да, в десятки раз опаснее того, за чем вы когда-то охотились в Лос-Аламосе. Как видишь, наука идет вперед.

— Но кому нужна такая наука, если она направлена на разрушение, умерщвление всего живого на Земле. Это же все делается для войны. А мы сидим здесь и молчим…

— Нет, не молчим и не сидим просто так. Мыс вами работаем здесь во имя того, чтобы не было войны. Наша главная задача — добывать информацию, не просмотреть возможной подготовки Запада к ядерной или какой-либо другой войне.

В ходе очередного радиосеанса была получена радиограмма для Лонсдейла. В ней сообщалось:

«Контейнеры с продукцией Портонской лаборатории получены. Просим информировать о результатах дальнейшей работы по ней, обратив особое внимание на сбор сведений об ученых-бактериологах».

Однажды резидентура «Бена» получила сведения, что английская разведка при активном участии ЦРУ США разработала вопросники по сбору информации практически по всем странам мира. Хотя источник данной информации был, что называется, проверяемым, «Бен» включил эти сведения в очередное донесение в Центр. Спустя некоторое время из Москвы пришло срочное указание, в котором, в частности, говорилось:

«Нами получены подтверждающие вашу информацию сведения о том, что СИС совместно с ЦРУ разработаны специальные вопросники по сбору разведывательной информации в разных странах мира.

Просим приложить максимум усилий по добыванию копий вопросника по социалистическим странам, в том числе по СССР».

Вскоре резидентуре удалось добыть и направить в Центр подлинники разведывательных вопросников не только по социалистическим странам и СССР, но и по всем остальным государствам, включая союзников Англии и США. Интересно, что вопросник по СССР, состоявший из трех разделов, достаточно полно раскрывал истинные разведывательные устремления руководителей английской разведки и их американских партнеров по нашей стране.

Первый раздел, озаглавленный «Сведения особой важности», нацеливал агентуру противника на сбор следующей информации:

«План экономического развития СССР, в частности сведения о военной промышленности и мероприятиях по координации экономики стран социалистического блока в рамках СЭВ или вне его.

Развитие авиации, строительная программа, размеры производства и ресурсы; ввод в эксплуатацию новых боевых самолетов и авиационного оборудования.

Воздушная оборона советского блока и увязывание системы управления и оповещения с ПВО и другими авиационными соединениями. Места нахождения радиолокационных установок.

Состав советских вооруженных сил: дислокация, нумерация, адреса, включая номера почтовых ящиков всех частей; наличие специальных частей, имеющих на вооружении атомное, бактериологическое и химическое оружие, а также ракеты; переброска и смена частей; оснащение, организация и тактика воздушно-десантных частей; сведения о призыве в армию и увольнении из нее; боевая подготовка и тактика частей.

Аэродромы. Местонахождение и строительство новых аэродромов, сооружения (уделять в первую очередь внимание сооружениям для хранения ядерного оружия). Аэродромы с длинными взлетно-посадочными дорожками (более 3 тысяч ярдов) представляют особый интерес.

Вооружение и снаряжение Советской Армии.

Местонахождение и расположение стартовых площадок для ракет класса «земля — воздух» и сведения о самих ракетах.

Сведения о подводных лодках.

Организация и деятельность советской разведки.

Атомная энергия, научные исследования и новые усовершенствования в этой области для мирных и военных целей.

Ракеты (для целей обороны и наступления), усовершенствования; тактико-технические данные, характерные особенности, местонахождение (особенно боевых стартовых площадок), организация, численность и дислокация войск, имеющих на вооружении ракеты.

Усовершенствования и исследования в области электронной техники: все типы радиолокационных установок (наземные, корабельные, авиационные, по управлению огнем истребителей, по наведению ракет), гражданские средства связи, телесвязь, радионавигационные средства, радиовзрыватели, средства, мешающие работе радиоустановок, приборы для ведения подводной войны (обнаружение погруженных подлодок, наведение боевых подводных средств, ультразвуковое обнаружение).

Металлургия. Данные о новых материалах и новых методах использования существующих материалов в промышленности СССР; детали и оборудование оружия и транспортных средств (например, составные части особо важных деталей ракетных двигателей и фюзеляжных самолетов), сплавов, например титана».

Согласно содержанию второго раздела, озаглавленного просто «Важные сведения», МИ-6 интересовали следующие сведения: возможное возникновение экономических трудностей и текущее положение в промышленности и сельском хозяйстве, продажа золота и поставки иностранной валюты, любые признаки изменения внутренней организации и политики советского правительства. Интересовали английскую разведку и конкретные данные на крупных ученых всех отраслей науки, включая подробную характеристику их подготовки и квалификации, а также перечень проблем, разработкой которых они занимаются, и оплата их научного труда.

Самый короткий третий раздел был озаглавлен «Выяснить по возможности» и требовал добывать информацию об именах, фамилиях, должностях и личных качествах офицеров всех родов войск в звании от майора и выше. Подобная задача включалась в вопросники по всем странам социалистического содружества…

Думается, не надо говорить о важности для того времени получения подобных документов противника.

Безусловно, заслуги в создании уникальных разведывательных возможностей в одной из ключевых стран НАТО следует отнести на счет не только разведчика-нелегала «Бена», но и лондонской «легальной» резидентуры, которая активно содействовала его работе. Вместе с тем роль нелегалов в этом деле была исключительно велика.

Здесь хотелось бы еще раз подчеркнуть, что бблыиая часть информации, поступавшей из Лондона в Москву, имела первостепенное значение для Министерства обороны, а также для союзных НИИ и конструкторских бюро судостроения и Министерства среднего машиностроения.

В августе 1958 года «Бен» писал в оперативном письме в Центр:

«С помощниками-радистами мне повезло. Мы быстро сработались — а это очень важно. Они прекрасные люди и, главное, настоящие мастера своего дела.

Большую помощь они оказывают в выполнении своей частички одного общего задания, связанного с получением информации по Портону и Портленду. Каждый из них выполняет в этом задании свой необходимый для дела маневр…

Можно только поражаться неуемной энергии и необычайной разносторонности Питера Крогера… В Лондоне он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, хотя ему очень нелегко здесь раздваиваться — вести коммерческое дело, а по линии нелегальной разведки заниматься подбором и разработкой кандидатов на вербовку, не говоря уже о поддержании радиостанции в рабочем состоянии, проведении тайниковых операций и изготовлении микроточек. Словом, на него можно положиться во всем. Он честен, надежен и конспиративен…

По характеру Питер Крогер спокоен, о своей личной жизни говорить не любит. Ему присущи манеры человека, давно привыкшего к цивилизованному обращению. Хорошо умеет владеть собой. За счет личных качеств и большого умения выжать для своей коммерческой карьеры все до капли он достиг достаточно высокого положения и в мире книготоргового бизнеса. И не только в Англии, но и в Европе.

В лице Хелен Крогер советская разведка имеет высококвалифицированную радистку со своим почерком работы. Большая заинтересованность в нашем деле, высокая ответственность, способность все схватывать на лету и необыкновенная сообразительность позволяют ей не только успешно осуществлять радиосвязь, но и выполнять тайниковые операции, обрабатывать поступающую от агентуры информацию и составлять тайнописные документы для отправки в Центр. Она — мастер на все руки.

По своей изобретательности, дарованию, смелости и блестящим актерским способностям — это просто уникум, подарок самой судьбы для нашей разведки…

За время работы в Англии Крогеры не допустили ни одной ошибки, не сорвали ни одного оперативного мероприятия. Профессионально использовали технические средства разведки, надежно обеспечивали сохранность секретных материалов, предназначенных для пересылки в Центр.

С учетом вышеизложенного полагал бы возможным представить Питера и Хелен Крогеров к правительственным

наградам».

Начальник ПГУ КГБ при Совете министров СССР А. М. Сахаровский наложил на письмо «Бена» резолюцию: «За успешное выполнение специальных заданий за рубежом и за особые заслуги перед Советским государством прошу до 05.09.58 подготовить необходимые материалы для награждения «Дачников» орденом Красного Знамени».

Осенью 1960 года на одной из встреч Крогеры высказали пожелание стать гражданами СССР. «Бен» заверил их, что это для них возможно и что он сообщит об этом в Центр.

Центр исключительно доброжелательно отреагировал на просьбу разведчиков:

«Сов. секретно

Председателю КГБ при СМ СССР

тов. Шелепину А. Н.

РАПОРТ

В нелегальной резидентуре «Бена» в Англии с 1955 года работают в качестве связников-радистов разведчики-интернационалисты, граждане США, нелегалы Леонтина и Моррис Коэны.

Помимо выполнения основной своей роли они оказывают постоянную помощь «Бену» в вербовочных акциях и в проведении различных разведывательных операций, связанных с получением и обработкой секретной информации.

В 1950 году в связи с возникшей угрозой провала они были выведены из США в СССР, оставив все свое имущество в Нью-Йорке.

Коэны давно уже посвятили свою жизнь работе на советскую разведку. Недавно они обратились в КГБ с ходатайством о приеме их в советское гражданство.

Принимая во внимание, что у них сейчас нет сбережений, считали бы целесообразным установить им зарплату в размере 800 руб. в месяц и выйти в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством о принятии их в советское гражданство.

Просим рассмотреть.

23 октября 1960 г.

Начальник ПГУ КГБ при СМ СССР

генерал-лейтенант А. М. Сахаровский».

На рапорте синим карандашом наложена резолюция: «Согласен. Прошу подготовить проект записки в инстанцию с ходатайством о приеме Коэнов в советское гражданство. 25.10.60 г. А. Шелепин».

Такой документ вскоре был подготовлен и направлен в ЦК КПСС. В Комитет государственной безопасности он возвратился с резолюцией секретаря ЦК Суслова: «Вопрос о Коэнах поставлен преждевременно. Они могут еще предать нас. Вот когда они вернутся в Советский Союз, тогда и будем рассматривать их ходатайство. 02.11.60 г. М. Суслов».

В данной главе хотелось бы также обратить внимание читателя на один момент, наглядно характеризующий «Бена» с чисто человеческой стороны как заботливого и внимательного руководителя необычного во всех отношениях коллектива единомышленников. На это указывают, в частности, «неслужебные» фрагменты, которые порой присутствовали в его оперативных письмах в Центр. Так, давая характеристику супругам Крогер, он писал: «Это люди, безусловно преданные нам, идейно и морально устойчивые во всех отношениях. Опыт разведывательной работы у них большой, они могут самостоятельно работать». А далее следует: «Сотрудники Центра безусловно понимают, что в идейном и духовном отношениях разведчики-нелегалы, несмотря на наличие сотен знакомых и на то, что они живут в больших городах, где жизнь бьет ключом, чувствуют себя одинокими и, конечно, тоскуют, скучают. Лично мне было бы гораздо труднее переносить все эти трудности, если бы мы с Крогерами не оказывали друг другу такой моральной, дружеской поддержки, если бы не было рядом со мной людей, с которыми можно обсудить, скажем, новости из Советского Союза, политические и экономические перемены в стране, мире и поговорить о семье, своих близких, доме».

Провал

В конце 1960 года «Бену» показалось, что он попал в поле зрения местной контрразведки. Основания для этого имелись, и заключались они в следующем: вернувшись в Лондон после двухмесячной командировки на континент, он забрал в отделении Мидлендского банка на Грейт-Портленд-стрит свой портфель с деловыми бумагами, которые регулярно оставлял там на хранение.

Как только «Бен» открыл портфель, то сразу понял, что в него кто-то заглядывал. Сработала «ловушка», установленная разведчиком.

Некоторое время спустя обыску подверглась и квартира «Бена» в «Белом доме». Обыск был инсценирован под кражу, хотя

проведен довольно небрежно. Сработало несколько «ловушек», установленных в укромных уголках квартиры. В то же время незваные гости «украли» только несколько малоценных предметов, оставив на месте, например, дорогостоящую фотоаппаратуру.

Естественно, «Бен» немедленно сообщил о своих подозрениях в Центр. Хотя пока не было каких-либо серьезных причин повышенного интереса к оперработнику со стороны либо контрразведки, либо каких-то частных сыскных агентств, которых к тому времени в Англии появилось достаточно много, Центр дал ему указание немедленно приступить к свертыванию своей работы и предпринять меры по обеспечению безопасности своих помощников.

Началась напряженная работа по выполнению указаний Центра. Одновременно «Бен» продолжал активно трудиться по прикрытию. Ведь английская контрразведка, если на самом деле это была она, должна была считать, что разведчик ничего не подозревает. «Бен» продолжал регулярно ходить в свою контору, вести переговоры с клиентами, встречаться с друзьями и знакомыми.

Среди последних операций, которые «Бену» предстояло провести, была назначенная на 7 января 1961 года встреча с Хаутоном. На ней «Бен» должен был известить агента о том, что уезжает на некоторое время из страны, и обговорить условия встречи на будущее.

Встреча с Хаутоном была назначена на 16 часов 30 минут на Ватерлоо-роуд, неподалеку от известного лондонского театра «Олд Вик». В этом районе мало жилых домов, а во второй половине дня по субботам там и вовсе безлюдно.

По дороге к месту встречи «Бен» тщательно проверился. Все было спокойно, слежки не было.

Здесь следует отметить, что работа английской контрразведки в отношении «Бена» строилась таким образом, чтобы исключить возможность хоть малейших подозрений. В этих целях контрразведка не стремилась постоянно вести за разведчиком слежку на всех маршрутах его передвижения. Она фиксировала его по месту жительства, месту работы, в других местах, где он регулярно бывал, а также во время встреч с Хаутоном и Джи, ведя наблюдение за последними. Обнаружить такую слежку практически невозможно.

Оставив автомашину в нескольких кварталах, «Бен» пошел к перекрестку, где должен был пересечься с Хаутоном. Вскоре разведчик увидел не только его, но и, к своему удивлению, Джи, которую он не ждал. Они переходили дорогу прямо перед ним.

Поздоровавшись с помощниками как со старыми друзьями, «Бен» сразу же сообщил им, что уезжает и известит Хаутона по почте о дате и форме следующей встречи. Пройдясь с Джи под руку, «Бен» на ходу взял у нее хозяйственную сумку, в которой, как оказалось позже, находились документы Адмиралтейства с грифом «Совершенно секретно» и «Секретно», содержавшие сведения о военных кораблях и чертежи конструкций узлов атомной подводной лодки. В этот момент и был подан сигнал о захвате разведчика и его источников.

Гордон Лонсдейл, Гарри Хаутон и Этель Джи были схвачены, их посадили в разные полицейские автомобили. Один из людей в штатском надел на руки Лонсдейла наручники, предварительно вырвав у него хозяйственную сумку, которую передала ему Джи…

Впоследствии сам «Бен» так описывал случившееся:

«Я спросил Джи, могу ли я временно забрать ее хозяйственную сумку, в которой находились материалы, и она ответила: «Пожалуйста». Не успел я взяться за сумку, как услышал шум тормозов. Оглянувшись, я увидел три небольшие автомашины темного цвета устаревших моделей и выскакивающих из них людей, человек десять-двенадцать.

Дальнейшее произошло, как в третьеразрядном фильме: все они бегом ринулись на нас (тротуар был метра четыре шириной); на меня навалились человека четыре, двое схватили за кисти рук и затащили в первую машину. Никто из них не сказал ни слова. Водитель автомашины доложил по радио: «Все в порядке. Едем домой через Вестминстерский мост» и включил повышенную скорость. Державший меня за кисть правой руки полицейский инспектор, как потом оказалось, по имени Смит, попытался было сосчитать мой пульс. Но я повернул руку таким образом, чтобы помешать ему, и спросил: «Вы что, доктор?» Он ответил: «Нет. Вы едете в Скотланд-Ярд[10]». Кстати, мой пульс был почти нормальным. Трудно это объяснить, но особого возбуждения не чувствовалось. Паники тоже».

«После ареста и доставки в Скотланд-Ярд, — рассказывал далее «Бен», — состоялся первый допрос, который проводил суперинтендант Смит. Он настойчиво добивался, чтобы я сделал добровольное заявление и признался в шпионской деятельности. «Мы знаем всё, — говорил он, — что вы делали здесь за все шесть месяцев, что вы были в Англии». На что я ответил, что это очень хорошо, так как в данном случае нет необходимости делать заявление, и добавил, что вообще-то я был в Англии шесть лет. Это его буквально потрясло, и он ушел, не сказав ни слова».

Двумя часами позже была проведена операция по аресту супругов Крогер.

2 января 1961 года Питер и Хелен были на новогоднем приеме, устроенном книготорговой ассоциацией. Вернувшись домой и открывая дверь, Питер заметил на замке царапины. Тщательно обследовав свой рабочий кабинет, в котором он использовал невидимые для постороннего глаза «ловушки», Питер понял, что все ящики стола кто-то аккуратно просмотрел.

Буквально накануне Нового года «Бен» предупредил Крогеров, что за ними, очевидно, ведется слежка, и дал указание временно свернуть всю разведывательную работу и постараться надежно спрятать или уничтожить имеющиеся у них компрометирующие материалы.

7 января 1961 года в 19 часов 15 минут в доме Крогеров резко зазвенел звонок — длительный и непрерывный. Питер открыл дверь. Перед ним стояли около десятка детективов в традиционных для них английских макинтошах. Арест Крогеров был обставлен в духе голливудских боевиков: с мощными прожекторами, толпой корреспондентов и телеоператоров.

«Свой арест 7 января 1961 года, — вспоминала позже Леонтина Коэн, — мы восприняли без паники, потому что были в какой-то мере уже готовы к этому. Помню, жалко было оставлять книги и спрятанные в них честно заработанные нами несколько тысяч долларов и английских фунтов. Остались мы без единого пенса. Затем начались ежедневные допросы. Мы вели себя так, чтобы сотрудники МИ-5 и Скотланд-Ярда сами раскрывали свои карты перед нами, а мы, уже в зависимости от этого, вырабатывали для себя линию поведения».

Об аресте «Бена» и членов его резидентуры Центр узнал уже на следующий день. Резидент «легальной» резидентуры сообщил, что во всех утренних газетах напечатано сообщение об аресте «Бена», «Дачников», «Шаха» и «Аси».

Правда, с арестом и «Бена», и его помощников произошла серьезная накладка. По английским законам полиция может держать под арестом кого-либо не более суток, после чего задержанный представал перед судом, а в нем должны были быть даны обоснования его ареста.

Кроме того, по тем же законам привозить арестованных в Скотланд-Ярд и предъявлять там обвинения нельзя. Арестованные должны содержаться только в камерах предварительного заключения в полицейском участке. А в Скотланд-Ярд люди могут являться только добровольно, по собственной инициативе. Когда адвокат «Бена» по телефону указал «забывчивым» контрразведчикам на эти нарушения, последние вынуждены были немедленно перевезти арестованных в полицейский участок на Боу-стрит.

Именно в полицейском участке «Бен» впервые после ареста увидел Крогеров, и ему представилась возможность перебросится с ними несколькими словами. Разведчик еще раз напомнил своим помощникам, чтобы они ни в чем не признавались.

Утром следующего дня в полицейский участок пришел адвокат Лонсдейла и, ознакомившись с текстом обвинения, заявил разведчику: «Вас обвиняют в шпионаже, но здесь нет никаких доказательств передачи государственных секретов потенциальному противнику. Поэтому по закону от 1911 года о сохранении государственной тайны ваше дело должно рассматриваться по статье о незаконном сборе материалов, содержащих государственную тайну. Эта статья предусматривает от трех до пяти лет тюрьмы в отличие от четырнадцати лет за шпионаж».

В полицейском участке на Боу-стрит разведчик также впервые после ареста увидел Хаутона, который держал себя отнюдь не враждебно, как ожидалось. Прежде всего, Хаутон был крайне удивлен, увидев, что его шеф оказался в том же положении, что и он, ибо думал, что Лонсдейл обладает дипломатической неприкосновенностью и его наказание сведется к высылке из страны. По мнению Лонсдейла, на Хаутона, видимо, произвел впечатление тот факт, что его шеф шел на такой же риск, что и он сам, причем делал это по собственной воле. Во-вторых, Хаутон был уверен, что его готовность признаться во всем и сотрудничать с полицией обеспечит ему небольшое наказание. На прогулке он говорил другим заключенным, что рассчитывает получить не более трех лет…

Глава шестая
ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Может быть, лица, оказавшиеся предателями, кому-то и нравятся, но предательство ненавистно всем.

Мигель де Сервантес

У разведчика-нелегала может быть множество причин для провала: собственная небрежность, не замеченное вовремя наружное наблюдение спецслужб противника, оплошность «связного»… Но не так уж редко причиной провала одного разведчика становится предательство другого.

Так что же случилось в январе 1961 года?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам придется вернуться на несколько лет назад.

Смерть И. В. Сталина в марте 1953 года повлекла за собой существенные изменения во всех областях жизни в нашей стране. В частности, был переработан и накопленный к этому времени опыт в области сотрудничества с органами безопасности стран социалистического содружества и намечены совместные с ними новые направления взаимодействия.

Результаты этой работы были зафиксированы в решении ЦК КПСС «О мерах по усилению разведывательной и контрразведывательной работы за границей» от 30 июня 1954 года. В качестве главной задачи определялось обеспечение дальнейшего объединения усилий в борьбе против общего главного противника.

Важным мероприятием по реализации новых установок и планов в области взаимодействия стало состоявшееся в марте 1955 года в Москве совещание руководителей органов безопасности европейских государств народной демократии.

Решение ЦК КПСС от 30 июня 1954 года и итоги последовавших за ним совещаний руководителей разведок стран народной демократии значительно активизировали их совместную работу по главному противнику.

В полной мере это можно отнести к сотрудничеству и с польскими коллегами.

Сотрудникам польской разведки и ее руководству оказывалась консультативная и советническая помощь в организации и совершенствовании их разведывательной и

контрразведывательной деятельности. Достаточно интенсивно шел обмен оперативно-политическими данными.

Взаимодействие с польской разведкой имело еще одну особенность: в нем принимали непосредственное участие не только подразделения центрального аппарата КГБ (в первую очередь, конечно, ПГУ). В совместных операциях на прямые контакты с МВД Польши выходили комитеты госбезопасности наших союзных республик — Украины, Белоруссии и Литвы.

На одном из многосторонних совещаний руководителей разведок социалистических стран заместитель председателя КГБ, начальник ПГУ КГБ СССР подчеркивал: «Сотрудничество разведок братских стран в послевоенные годы прошло большой и сложный путь становления и развития, от простых форм обмена информацией до сложных форм взаимодействия по всем основным направлениям оперативной деятельности.

Оно стало более глубоким, целеустремленным и взаимополезным. Повысилась его оперативная результативность».

«Снайпер»

В 1958 году встал на путь предательства и измены ответственный сотрудник польской разведки, руководитель ее оперативно-технического подразделения полковник Михаил Голеневский, предложивший свои услуги ЦРУ США. Американская разведка присвоила ему оперативный псевдоним «Снайпер».

Из официальной справки:

«Михаил Голеневский родился 16 августа 1922 года в Несвиже Новогрудского воеводства Польской Республики в семье бухгалтера. Мать — домохозяйка. Поляк.

Окончил четыре класса гимназии, в дальнейшем занимался самообразованием.

В годы Второй мировой войны Голеневский поступил на службу в Красную Армию. В 1945 году был направлен на работу в польское Министерство общественной безопасности (аналог советского КГБ). Трудился в Зеленогурском отделе МОБ. В 1946 году стал членом Польской рабочей партии. По работе характеризовался положительно и вскоре был переведен в Варшаву, в центральный аппарат министерства.

В 1955 году в звании подполковника по личной инициативе вышел в запас и поступил на юридический факультет Познанского университета. Через год перевелся в Варшавский университет.

После получения степени магистра политологии Голеневскому поступило предложение стать сотрудником польской внешней разведки. В 1956 году возглавил 7-й отдел Первого (разведывательного) управления МВД Польши. В ходе выполнения своих служебных обязанностей и проведения ряда совместных оперативных мероприятий Голе-невский сотрудничал с представителями КГБ СССР, участвовал в совместных совещаниях сотрудников польской и советской разведок. Для выполнения разведывательных заданий выезжал в Западную Германию, ГДР и Швейцарию.

В апреле 1958 года, находясь в командировке в Женеве, Голеневский предложил свои услуги ЦРУ. После тщательной проверки заявителя американцы установили с ним оперативный контакт».

Один из руководящих сотрудников советской внешней разведки того периода, а позже — начальник нелегальной разведки, первый заместитель начальника ПГУ КГБ при СМ СССР генерал-лейтенант Виталий Павлов позже писал:

«В то время «Снайпер» занимал руководящий пост в оперативно-техническом подразделении польской спецслужбы и в силу своего служебного положения общался со всеми другими оперативными подразделениями этой службы. Благодаря этому ему становились известны многие конкретные оперативные дела и секреты.

После установления первичного контакта со «Снайпером» ЦРУ вручило ему почтовый адрес в Берне и средства тайнописи. По этому адресу предатель на регулярной основе направлял важные оперативные сведения. В частности, «Снайпер» активно снабжал своих новых хозяев совершенно секретной информацией о советских разведывательных спутниках».

Следует подчеркнуть, что информацией, которая касалась других западноевропейских стран, американцы активно делились с их спецслужбами. В этой связи предательство «Снайпера» нанесло советской внешней разведке серьезный ущерб, который привел к провалу нелегальной резидентуры «Бена» в Англии и потере исключительно важных для нас позиций в британской внешней разведке МИ-6, которые занимал советский разведчик Джордж Блейк, осужденный в Англии на 42 года тюремного заключения и сумевший бежать из тюрьмы, отсидев всего несколько лет.

Кроме того, сообщенные «Снайпером» сведения привели к аресту в ФРГ в 1961 году еще одного советского агента — Хайнца Фёльфе, начальника подразделения контрразведки по борьбе с советской разведкой западногерманского Федерального

разведывательного управления *(нем.* Bundesnachrichtendienst, BND). Благодаря Фёльфе на протяжении свыше десяти лет все секреты возглавляемой Рейнхардом Геленом разведки ФРГ становились известны Лубянке.

Арестованный в ноябре 1961 года, Хайнц Фёльфе в 1963 году был приговорен западногерманским судом к 14 годам тюремного заключения, а 17 февраля 1969 года обменен сразу на 21 агента разведок ФРГ и США. Для их доставки к месту обмена в районе КПП Херлесхаузен на государственной границе между двумя Германиями спецслужбам Германской Демократической Республики потребовался целый автобус. Среди них 18 человек являлись агентами западногерманской разведки, отбывавшими наказания в тюрьмах ГДР, а трое других западных немцев были пойманы с поличным в СССР и осуждены за шпионаж в пользу США.

Вспоминая о суде и вынесенном ему приговоре, Фёльфе позже подчеркивал:

«Понятие «предательство» всегда связано с позором человека и делает его гнусным. Этот ярлык хотели наклеить и на мое имя. Но я ничего не предал, наоборот, я остался верен своим взглядам, доставшимся мне так нелегко, а именно пониманию необходимости использовать все свои знания и все свое умение, свои старые связи, чтобы помочь СССР в его тяжелой борьбе против развязывания третьей (в этом случае атомной) мировой войны.

Я целенаправленно предпринял шаги для проникновения в БНД, будучи убежденным, что именно там я принесу больше пользы той стороне, которую выбрал, опять-таки в силу моих убеждений.

Когда я поступил в организацию Гелена, ставшую позже БНД, я уже давно был советским разведчиком и выполнял поставленную передо мной задачу. Так какое же это было предательство?»

Безусловно, жизненные и оперативные пути замечательных советских разведчиков — полковника Джорджа Блейка и скончавшегося 8 мая 2008 года Хайнца Фёльфе заслуживают отдельного рассказа, но в данной главе мы коснемся лишь последствий предательства «Снайпера», затронувших нелегальную резидентуру «Бена».

Что касается дальнейшей судьбы самого Голеневского, то 5 января 1961 года, находясь в командировке в Берлине и испугавшись назревавшего разоблачения, он бежал в США вместе со своей любовницей.

В ходе одного из интервью Голеневский признался, что на его

решение сбежать на Запад повлияли обстоятельства личного характера. Его жена страдала шизофренией. Болезнь являлась результатом пережитого ею в гитлеровских концлагерях. В семье был малолетний ребенок. Развестись с женой и бросить ребенка он не мог, так как боялся испортить карьеру. Во время командировки в ГДР среди его «служебных контактов» была молодая и симпатичная немка Инга Кампф. Через некоторое время их служебные контакты переросли в теплые личные отношения. К тому же молодая дама давно хотела перебраться на Запад.

Американцы предоставили перебежчику высокую должность в ЦРУ. Однако вскоре в поведении Голеневского появились определенные странности, заставившие его новых хозяев усомниться в его психической уравновешенности.

Во-первых, Михаил Голеневский заявил, что на самом деле является цесаревичем Алексеем, чудом спасшимся после расстрела семьи последнего российского императора. Во-вторых, он начал бездоказательно обвинять видных политиков Запада в том, что они являются «агентами влияния Кремля». В его список, в частности, были включены американский политический деятель и будущий государственный секретарь США Генри Киссинджер и первый заместитель руководителя британской спецслужбы СИС, начальник контрразведки и тайной полиции страны МИ-5 Майкл Хэнли.

Такое странное поведение нового сотрудника сильно озадачило руководство ЦРУ, и в 1964 году, «подальше от греха», Голеневского отправили в отставку. С этого момента новоявленный «цесаревич» полностью переключился на кампанию по самоутверждению в роли наследника российского престола.

Российский историк и писатель Олег Смыслов, касаясь проблем предательства, писал:

«Проблема предательства, мягко говоря, по своей сути весьма банальна. Семейные или служебные конфликты, завышенная самооценка, беспринципность, цинизм, низменные привычки, разрушение личности, шантаж — все это известные нам причины психологического характера. Например, известный психиатр из ЦРУ Ален Стаднер, досконально исследовавший психику перебежчиков, утверждает, что «никогда еще никто не совершал побег из-за того, что был счастлив… Для перебежчиков характерно также чувство самолюбования, а это нечто большее, чем просто себялюбие». Стаднер определяет это как «патологический эгоцентризм, поглощенность самим собой в ущерб всем прочим».

Это уже потом на Западе перебежчиков задним числом

начинают выставлять «борцами с режимом» или «выбравшими свободу». Но самое интересное заключается в другом. Когда тот или иной предатель попадает в чужую страну, он будто бы по какой-то уже отработанной схеме начинает говорить о давно зародившейся у него мысли о побеге. Может быть, он уже и сам начинает верить в это или ему требуется оправдание?

А ведь предательство начинается в семье. Предателями не рождаются, ими становятся!»

Российский журналист Леонид Лужков, посвятивший польскому перебежчику одно из своих исследований, отмечал:

«Некоторые эксперты полагали, что Голеневский просто страдал шизофренией и, как следствие, манией величия, которая вплоть до смерти, последовавшей в 1993 году, заставляла его считать себя наследником российского престола».

Скончался Голеневский в Нью-Йорке 12 июля 1993 года.

Рассказывая в своих мемуарах о предателе Голенев-ском, генерал-лейтенант Виталий Павлов подчеркивал:

«Пример изменнической деятельности этого «крота» показывает, как агент, находясь даже не на оперативном посту в спецслужбе, может наносить ей весьма серьезный ущерб.

Именно «Снайперу» стали известны многие детали взаимодействия польской разведки с советской внешней разведкой, позволившие на основе его информации западным контрразведкам выявить ряд таких ценных агентов и разведчиков, как Лонсдейл, Блейк и Фёльфе.

А сотрудники советской внешней разведки лишний раз убедились, как опасно отступать от строгих мер конспирации при осуществлении взаимодействия с союзными спецслужбами».

Здесь, как нам представляется, необходимо также отметить, что предательство «Снайпера» нанесло в те годы ощутимый ущерб всей разведывательной деятельности нашего государства за рубежом.

Так, в опубликованных недавно в России мемуарах бывшего начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР того периода генерала Ивана Александровича Серова указывается, что «дело Лонсдейла», о котором писали все газеты мира, несколько усложнило работу военных разведчиков. ГРУ вынуждено было отозвать из командировок нескольких своих сотрудников, которые могли быть известны некоторым арестованным.

Одновременно генерал Серов, который в 1954–1958 годах являлся первым председателем КГБ СССР и при котором Конон Молодый был выведен на разведывательную орбиту, констатирует: «Еще при мне его послали из КГБ за границу. Очень

толковый парень. Он ряд лет очень неплохо работал, а затем Центр допустил оплошность, и англичане его выследили. Вместе с ним схватили еще несколько человек. И главное — на конспиративной квартире взяли быстродействующую аппаратуру».

Под колпаком

В одном из своих донесений в ЦРУ Голеневский сообщил, что в начале 1950-х годов он участвовал в оперативных мероприятиях польской контрразведки по изучению технического сотрудника аппарата военно-морского атташе Великобритании в Варшаве. В дальнейшем этот человек (Голеневский по забывчивости исказил его имя и фамилию) был привлечен польской контрразведкой к сотрудничеству, а перед его отъездом из Варшавы в Англию — якобы передан на связь русским коллегам.

ЦРУ немедленно сообщило своим британским партнерам полученную от Голеневского информацию, которая легла на стол непосредственно генерального директора МИ-5 сэра Роджера Холлиса (руководил МИ-5 в 1956–1965 годах). Его сотрудники незамедлительно приступили к поиску этого человека. В тот же день он был установлен по картотеке английского министерства иностранных дел. Им оказался Гарри Фредерик Хаутон, работавший с 1952 года в посольстве Великобритании в Варшаве в качестве секретаря-шифровальщика военно-морского атташе.

Получив первые установочные данные на Хаутона, генеральный директор МИ-5 дал указание установить за Хаутоном плотное наружное наблюдение; по месту службы изучить все его связи и возможности по сбору информации; взять на контроль его телефонные разговоры; провести негласный обыск по месту работы и жительства.

Через некоторое время Роджеру Холлису поступило первое сообщение:

«Хаутон работает на Военно-морской базе в Портленде. Там расположен особо секретный, режимный научно-исследовательский центр по разработке электронной, магнитно-акустической и тепловой аппаратуры для обнаружения подводных лодок, морских мин, торпед и других видов противолодочного оружия.

Там же работает его любовница — Этель Элизабет Джи, занимающая техническую должность в бюро учета и размножения секретных и совершенно секретных документов».

Итак, к концу 1959 года Хаутон был взят в активную

разработку. Уже в начале 1960 года контрразведчики установили Лонсдейла, а затем и супругов Крогер. Проследим за тем, как это происходило.

В одном из донесений сотрудников наружного наблюдения генеральному директору МИ-5 сообщалось:

«Сотрудниками Скотланд-Ярда зафиксирована подозрительная встреча Хаутона на Ватерлоо-роуд с неизвестным лицом, которому он передал пакет в целлофановой сумке, а в обмен получил конверт размером 4х3 дюйма. Связь Хаутона была взята нами под наблюдение.

Впоследствии было установлено: неизвестным лицом является сэр Гордон Арнольд Лонсдейл — крупный бизнесмен, один из директоров фирмы «Мастер Свитч и компаньоны», владелец богатой загородной виллы и около десятка личных номеров в лучших отелях Лондона.

Лонсдейл — миллионер, пользуется услугами отделения «Мидлендбанка» на Грейт-Портленд-стрит с правом получения любых кредитов. Имеет персональную ложу в крупнейшем концертном зале Лондона Альберт-Холл.

Титул «сэр» ему пожалован лично Ее Величеством королевой за то, что он «прославил Великобританию на Международной выставке в Брюсселе»…»

Таким образом, помимо Гарри Хаутона и Этель Джи МИ-5 установила и Гордона Лонсдейла. Планом их дальнейшей разработки, в частности, предусматривалось: через возможности особого управления Скотланд-Ярда продолжить наблюдение за Хаутоном и Лонсдейлом; по местам работы и жительства Лонсдейла и Этель Джи провести неофициальные обыски; побудить Хаутона и Этель Джи признаться в проведении шпионской деятельности, напомнив им о том, что в случае добровольного признания они смогут рассчитывать на снисходительность суда при определении меры наказания; поставить перед Хаутоном задачу, чтобы на последнюю встречу с Лонсдейлом он пришел вместе с Этель Джи, что позволит суду доказать ее причастность к шпионскому заговору; совместно со Скотланд-Ярдом разработать детальный план мероприятий по Лонсдейлу. Особое внимание уделить выявлению его шпионских связей в Англии и сбору вещественных доказательств. Подготовить операцию по захвату Лонсдейла, Хаутона и Джи в момент обмена информацией.

Учитывая, что Лонсдейл являлся «человеком из высшего общества», а контрразведка пока не располагала на него какими-либо серьезными компрометирующими материалами, было принято решение всю информацию об иностранце докладывать

лично генеральному директору МИ-5.

Вскоре Роджеру Холлису была доложена подборка сводок наружного наблюдения за Лонсдейлом:

«Лонсдейл забрал в Мидлендском банке на Грейт-Портленд-стрит большой кожаный портфель[11], в котором находились деловые бумаги, пленки, дорогостоящая фотокамера и список с названием улиц;

Лонсдейл и Хаутон встретились у пивной на Дитон-роуд. В пивной они обменялись портфелями, после чего Лонсдейл уехал на своей машине. Однако на одной из улиц Лондона он был потерян службой наружного наблюдения. На другой день его машина была зафиксирована на Уил-лоу-гарден, в районе Руислипа;

Лонсдейл встретился с Хаутоном и Этель Джи у театра «Олд-Вик», где ему была передана толстая папка. После этой встречи он выехал в Руислип и длительное время находился в доме № 45 по Крэнли Драйв, в котором проживают супруги Крогер — Хелен и Питер».

Пазл сложился.

Позже генерал Василий Дождалев рассказывал:

«Англичане «пасли» резидентуру семь месяцев. Действовали они очень уверенно. Уже зная об истинном лице Лонсдейла, они выпустили его летом 1960 года в отпуск, на континент. Именно тогда контрразведчики залезли в его портфель. Они не сомневались, что Лонсдейл вернется обратно. Откуда такая уверенность? Ну, во-первых, операция контрразведки — это всегда игра, всегда некий риск. Во-вторых, они понимали, что ни с того ни с сего уходить Лонсдейл не станет. И в-третьих, брать его все равно было рано. Им нужно было выявить связи, собрать необходимые доказательства вины. Риск себя оправдал».

Отвечал за организацию оперативных мероприятий по Лонсдейлу сотрудник отдела контршпионажа в МИ-5 Питер Райт. Позже в своих мемуарах он писал, что его подчиненные — британские контрразведчики, которые следили за Лонсдейлом, прониклись к нему, неожиданно для себя, уважением и даже симпатией. В частности, в вышедшей в 1970-е годы книге, посвященной «делу Лонсдейла», он отмечал: «Лонсдейл, при всем его профессионализме, был какой-то «очень человечный шпион». Нет, он не был похож на этого морского офицера Хаутона, шпионившего ради денег. Он не был изменником, он делал свою работу, как мы».

Ознакомившись с последними сводками наружного наблюдения, генеральный директор МИ-5 пригласил к себе суперинтенданта Скотланд-Ярда Джорджа Смита и

поинтересовался его мнением в отношении дальнейшей разработки Лонсдейла. Мнение последнего было однозначным: как можно скорее пресечь последующую утечку секретной информации из Портленда и произвести аресты Лонсдейла, Хаутона и Джи.

— А чем мы располагаем сейчас на супругов Крогер? — спросил Холлис.

— Пока ничем. Улик против них у нас нет, — ответил Смит.

Холлис поручил Смиту установить за Крогерами подвижное и стационарное круглосуточное наблюдение. 2 января 1961 года супруги обнаружили, что у них в доме был проведен негласный досмотр.

Непосредственно накануне Нового года Лонсдейл сумел предупредить Крогеров об опасности, попросил избавиться от уличающих их материалов, а в случае их обнаружения при аресте — не принимать их на свой счет, а «валить все на него». Причем последнее имело форму указания, обязательного к исполнению.

К этому времени английская контрразведка уже сумела разобраться с Хаутоном и Джи. Припертые к стенке, они согласились сдать своего «хозяина» в обмен на смягчение приговора. Была достигнута договоренность, что на одну из очередных встреч с Лонсдейлом Хаутон прибудет вместе с Джи. В момент передачи Лонсдейлу секретных материалов контрразведка и проведет операцию по их захвату и аресту.

Первоначально не планировалось немедленно проводить операции по аресту Лонсдейла и Крогеров. Контрразведка надеялась расширить доказательную базу их вины. Но в ситуацию вновь вмешались непредвиденные обстоятельства.

5 января 1961 года, испугавшись разоблачения, Михаил Голеневский, который находился в то время в командировке в Берлине, бежал в США. Предупрежденные об этом англичане из опасения, что Москва сообщит об этом побеге своим разведчикам, поспешили с арестами Лонсдейла, Хаутона, Джи и Крогеров, произведя их через два дня — 7 января.

В то же время следует особо подчеркнуть, что все усилия контрразведки выявить других агентов «Бена» успехом не увенчались. Его разведывательное мастерство, мужество и стойкость обеспечили безопасность большей части резидентуры. Это позволило советской разведке в дальнейшем успешно и в кратчайшие сроки наладить работу нелегальной резидентуры и вновь приступить с позиций Англии к выполнению важных оперативных задач.

В «Очерках истории российской внешней разведки» констатируется: «Если бы не предательство, резидентура «Бена»

могла бы еще долго вести работу и обнаружить ее контрразведке обычными средствами было практически невозможно».

Глава седьмая
В ТЮРЬМАХ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Погибай сам, но убереги от беды своего агента, сделай все возможное и невозможное, чтобы обезопасить и сохранить его.

Неписаный закон разведки

Как и предполагал Лонсдейл, в ходе тщательного обыска в доме Крогеров были обнаружены существенные улики и предметы шпионской экипировки. Среди них, в частности, оказались: радиостанция «Мэрфи» с комплектом запасных батарей; устройство для высокоскоростной передачи магнитных записей; вшитые в кожаную папку паспорта на случай «внезапного ухода» на имя Джеймса Цилсона и Джейн Смит с фотографиями Питера и Хелен Крогер; фотокамеры «Минокс» и «Экзакта»; светильник и настольная зажигалка «Ронсон» с потайными полостями для вложений.

Однако Крогеры категорически отказались признавать, что эти предметы принадлежат им. По предварительной договоренности с Лонсдейлом они должны были «признаться» в том, что найденное у них шпионское оборудование принадлежит ему.

Следствие и суд

«На допросах, — подчеркивал в одном из своих произведений, посвященных деятельности Крогеров в Лондоне, Владимир Чиков, — Питер вел себя как опытный игрок: он говорил только то, чего нельзя было скрыть, на все другие острые вопросы старался закрывать перед дознавателями «двери» с помощью простого «я не знаю» или же уводил их далеко на «темные аллеи», когда казалось, что они слишком близко подходят к истине».

В ходе бесконечных допросов Крогеры не признали себя виновными, а также не признали шпионского характера связи с Лонсдейлом.

В конечном итоге англичанам удалось обвинить Крогеров лишь в «тайном сговоре с целью нарушить закон о сохранении

государственной тайны».

Когда же арестовывали Лонсдейла, он держался подчеркнуто невозмутимо. Во время ареста, следствия и судебного процесса он вел себя стойко и мужественно, не выдав никаких секретов. За исключением двух источников, о которых стало известно британской контрразведке, резидентура Лонсдейла так и осталась не раскрытой англичанами.

Согласно английским законам обвиняемый не может находиться под стражей без предварительного слушания дела более семи дней. Но сложное следствие за такой короткий срок провести практически невозможно. В этой связи в Великобритании нашли способ творить беззаконие вполне «законно»: в конце каждого седьмого дня магистрату или же судье подается просьба продлить содержание арестованного под стражей еще на неделю. И так можно продолжать без конца.

Так, Крогеров доставили под усиленной охраной на предварительное слушание в суд первой инстанции лишь 7 марта, то есть ровно через два месяца после ареста. В ходе следствия дознаватели пытались найти убедительные улики, касающиеся незаконной деятельности супругов, но столкнулись с серьезными трудностями.

Предварительное слушание по «делу Лонсдейла» началось 7 февраля 1961 года в суде первой инстанции на Боу-стрит. Это была генеральная репетиция того пышного спектакля, который предстояло разыграть несколько позже в уголовном суде высшей инстанции Олд Бейли. Впрочем, предварительное слушание с таким же правом можно сравнить с разведкой перед боем. И этот этап разведчик выиграл.

На судебном заседании решался лишь один вопрос: достаточно ли у обвинения доказательств, чтобы передать дело суду присяжных. А потому само предварительное слушание «дела Лонсдейла» представляло собой скучную и однообразную процедуру. Ее унылый ритм нарушали лишь некоторые нелепые эпизоды, которые случались время от времени на радость журналистам.

Расскажем об одном из них. Для усиления доказательной базы по делу «советского шпиона» английские спецслужбы доставили на заседание суда из Канады отца настоящего Лонсдейла.

По легенде, разработанной Центром для Молодого, Гордон Лонсдейл родился в Канаде и был сыном этого самого Лонсдейла. Отец являлся шотландцем с примесью индейской крови, а мать — финкой. Папаша бросил семью, когда сыну было меньше года. При этом следует отметить, что в те годы установить родственные

связи через систему анализов, в том числе — ДНК, было невозможно.

Лонсдейла-отца привезли на суд, чтобы свидетельствовать публично, что Конон не его сын. Но адвокат, которого нанял Молодый, быстро выяснил, что сын Лонсдейла переехал из Канады в Финляндию вместе с матерью, когда ему еще и года не исполнилось, и больше никогда с отцом не встречался.

Целой серией вопросов адвокат полностью поставил в тупик Лонсдейла-отца и под смех зала доказал, что тот физически не мог опознать человека, которого видел только младенцем. В результате канадец признался, что сам не понимает, зачем его вызвали на это судебное заседание. На следующий день английская пресса высмеяла глупый провал организаторов процесса, одновременно выразив недоумение по поводу целей обвинения, пригласившего этого никому не нужного свидетеля.

Судебный процесс над «портлендской пятеркой» начался в уголовном суде высшей инстанции Олд Бейли, расположенном в Сити, 13 марта 1961 года. Он продолжался восемь дней и широко освещался в английской прессе.

Этот процесс должен был стать для министерства юстиции Великобритании самым важным из всех уголовных дел последних десятилетий. Ведь в «пятерку» обвиняемых входили представители трех стран: двое американцев — Питер и Хелен Крогер (то, что они являются американцами Коэнами, было доказано по их отпечаткам пальцев, полученным из ФБР США; правда, Крогеры на процессе это опровергали), двое англичан — Гарри Хаутон и Этель Джи и канадец Гордон Лонсдейл, руководивший всеми операциями по проникновению в Адмиралтейство и Центр по изучению биологических методов ведения войны.

На важность для английских спецслужб данного процесса указывает и следующий факт: за два дня до начала основных слушаний председательствовать на суде было поручено самому верховному судье лорду Паркеру.

Предстоящие слушания в суде высшей инстанции вызвали огромный резонанс не только в Англии, но и во всем мире: газеты были заполнены сенсационными сообщениями об аресте в Лондоне канадского коммерсанта-миллионера, который оказался русским шпионом. На процессе было аккредитовано более двухсот журналистов из разных стран мира.

На суде Лонсдейл, как главный подсудимый, решил не давать никаких показаний. Ему было совершенно ясно, что они не принесут пользы и к тому же смогут привести к перекрестному допросу со стороны генерального прокурора и членов суда по

всем аспектам его деятельности в Англии в течение шести лет.

В первый же день суда, пытаясь освободить от обвинения в шпионаже супругов Крогер, Лонсдейл взял на себя всю вину. Он утверждал, что Крогеры ничего не знали о его разведывательной деятельности. Лондонская газета «Дейли мейл» по этому поводу писала: «Затем он обернулся к жюри, все члены которого были мужчины, и на безупречном английском языке с четко выраженным американским акцентом зачитал свое заранее заготовленное заявление».

Обращаясь к верховному судье лорду Паркеру, Лонсдейл сделал заявление, из которого следовало, что Крогеры не состояли с ним в тайном сговоре и что даже если суд сочтет обвинения против них доказанными, то виновным во всем должны считать только его, какими бы последствиями лично ему это ни грозило.

Логика Лонсдейла была достаточно проста: у него как у гражданина Советского Союза на любые случаи в жизни была опора, а у Крогеров такой опоры не было.

В этой связи Владимир Чиков, исследовавший судебный процесс по «портлендскому делу», констатировал:

«Конон Молодый твердо решил для себя еще до судебного процесса сделать все возможное, чтобы Крогеры и все те, кто продолжал в Англии и в других странах мира оказывать СССР тайную помощь, еще раз, как и после суда в Америке над Рудольфом Абелем, убедились бы в том, что на советских разведчиков всегда можно положиться.

В моральном кодексе разведчика есть неписаный закон: что бы ни происходило в его стране, что бы ни случилось с ним самим, он должен сделать все возможное и невозможное, чтобы не поставить под угрозу провала своего помощника, чтобы люди, вставшие на путь сотрудничества с нами, не пострадали впоследствии и не беспокоились за свое будущее».

Выступавшие на судебном процессе генеральный прокурор, а также свидетели и эксперты — главным образом сотрудники контрразведки — старались каждый факт трактовать в пользу обвинения. Дело порой доходило до курьезов. Вот один из таких забавных случаев:

«На предварительном слушании возник вопрос о карте военно-морской базы в Портленде, найденной на квартире у Хаутона. Защитник последнего задал вопрос свидетелю Саймонду, капитану первого ранга, начальнику отдела подводной войны Адмиралтейства относительно ценности данной карты для потенциального противника. Саймонд сказал, что она настолько секретная и важная, что он не может отвечать на вопросы о ней

на открытом заседании суда.

Защитник продолжал настаивать, и было решено провести закрытое заседание. Публику удалили. Суд продолжил работу. Защитник попросил Саймонда еще раз подтвердить, что данная карта была бы очень ценной для потенциального противника. Саймонд подтвердил это. Тогда защитник попросил суд передать карту ему. Взглянув на нее, защитник вернул ее через секретаря суда Саймонду и попросил последнего прочитать надпись в правом нижнем углу карты. Тот взглянул туда и буквально побагровел. По настоянию защитника он все-таки прочел: «Канцелярский отдел Ее Величества, цена 4 шиллинга 6 пенсов». После этого случая закрытых заседаний больше не было»[12].

После свидетелей и экспертов давали показания Хаутон и Джи. Они признались в ведении разведывательной работы. Так как Лонсдейл выступал перед Хаутоном и Джи от имени помощника американского военного атташе, последние были уверены, что работают на американцев, а следовательно, могли рассчитывать, по их мнению, на некоторое послабление приговора.

Лонсдейл и Крогеры от дачи показаний отказались.

Затем, в соответствии с английскими правилами судопроизводства, снова выступил суперинтендант Дж. Смит. Он подробно рассказал о каждом из обвиняемых, а о Лонсдейле сказал следующее: «Нам не удалось установить его подлинную личность. Но, по-моему, он русский, кадровый советский разведчик». В доказательство своего умозаключения Смит привел тот факт, что на допросе Лонсдейл не ответил ни на один вопрос.

Что касается Крогеров, то Дж. Смит обнародовал поступившие из ФБР сведения, что на самом деле они являются Коэнами и что у арестованного в Соединенных Штатах советского разведчика Рудольфа Абеля была обнаружена их фотография. Поэтому в приговоре были указаны и их подлинные имена, и биографические данные. Не было только одного — доказательств, что они были советскими разведчиками и работали на советскую разведку.

В ходе судебного процесса Лонсдейл отлично контролировал себя, не позволял себе расслабиться ни на минуту, следил за своими жестами, выражением лица, чувствовал, как за ним внимательно наблюдает зал.

Оценивая поведение Лонсдейла на судебном процессе, лондонская газета «Обсервер» писала: «В нем было что-то настолько профессиональное, что возникало лишь чувство восхищения. И если хоть один человек был патриотом и жил ради своего долга, то это — он».

В своей заключительной речи лорд Паркер всячески подчеркивал все, что свидетельствовало против обвиняемых, при этом искусно обходя очевидные слабости следствия.

После его выступления был объявлен перерыв. Присутствовавшие на суде журналисты и юристы стали гадать, сколько лет каждому из «портлендской пятерки» могут дать. Многие из них сходились на том, что Лонсдейл как руководитель шпионской сети получит 14 лет, Хаутон и Джи — по десять, а супруги Крогеры по всем канонам английского судопроизводства — три-четыре года каторжной тюрьмы.

Через полчаса подсудимых снова ввели в зал. Старший из присяжных зачитал протокол, согласно которому все члены «портлендской пятерки» признавались виновными в тайном сговоре с целью нарушить закон о сохранении государственной тайны.

Гордон Лонсдейл был приговорен к 25 годам тюремного заключения.

Газета «Ньюс оф зе уорлд» на другой день писала: «Гордон Лонсдейл спокойно вел себя в течение всего процесса, у него даже веко не дрогнуло, когда его приговорили к 25 годам». А публицисты Дж. Буллок и Г. Миллер в своей книге «Кольцо шпионов» отмечали: «Приговор (25 лет) заставил ахнуть публику, заполнившую битком помещение суда. Даже самые максимальные предсказания, которые делали вовсю в течение нескольких дней, не превышали 14 лет заключения.

Лонсдейл же воспринял приговор с полуулыбкой и быстро спустился по ступенькам к камерам, расположенным этажом ниже…»

Перед тем как покинуть зал суда, Лонсдейл обернулся к Питеру и на прощание достаточно громко сказал ему:

— Ничего не поделаешь, старина. Когда в Англии растут цены, то вполне естественно повышаются и сроки наказания. Так что крепись! Я думаю, Родина не забудет нас!

Питер и Хелен Крогер были приговорены к 20 годам тюремного заключения каждый.

Хаутон и Джи получили по 15 лет тюремного заключения. Для них это было серьезным ударом: ведь, давая согласие на сотрудничество с английской контрразведкой, они предполагали отделаться легким испугом.

«Портлендское дело» не прибавило лавров ни Скотланд-Ярду, ни верховному судье Великобритании, ни МИ-5, — подчеркивал в беседе с автором этой книги Владимир Чиков. — И не только потому, что никому из них не удалось добиться от Крогеров и Лонсдейла признания, на чью разведку они работали. Остались

без ответа и другие вопросы: какие конкретно секреты стали их достоянием и какой ущерб нанесли они безопасности и интересам Великобритании?

«Портлендское дело» со всей очевидностью свидетельствовало о немалых промахах в работе хваленых МИ-5 и Скотланд-Ярда. В частности, не украшал эти ведомства тот факт, что с 1950 года разыскиваемые по приметам и фотографиям Коэны — Моррис и Леонтина — смогли в 1954 году по документам на имя супругов Крогер беспрепятственно въехать в Англию и под самым носом у Скотланд-Ярда открыть на Стрэнде книготорговое дело. Никто из тайных агентов не смог опознать их и в последующие шесть лет!

После завершения судебного процесса руководство МИ-5 и Скотланд-Ярда опасалось, что такая негативная информация просочится на страницы печати, что могло подорвать доверие к этим ведомствам. Однако, как ни пытались британские спецслужбы избежать скандальных разоблачений, лидер парламентской оппозиции Гейтскелл в одной из газет потребовал начать официальное расследование: «Как могла неизвестная иностранная разведка с полной безнаказанностью действовать в Англии шесть лет и почему никто не может ответить на вопрос: какую информацию и в каком объеме она добывала?».

Только после этого британские спецслужбы поняли, что поторопились с арестом Лонсдейла и Крогеров и упустили возможность раскрыть действительный объем их разведывательной деятельности.

Как уже отмечалось, сразу после объявления приговора всех осужденных отвели в камеры, расположенные под залом суда. И только поздно вечером их привезли в тюрьму Уормвуд Скрабе. А через несколько минут Лонсдейл уже спал без сновидений. Видимо, сказались утомление и нервное напряжение последних дней.

В половине седьмого утра следующего дня его разбудил звон колокола. Подъем. Начинался обычный тюремный день, каких, согласно приговору, ему предстояло провести в тюремных застенках чуть больше девяти тысяч.

За тюремными стенами

Но то, что не удалось английским спецслужбам выведать у Крогеров и Лонсдейла на стадии расследования и в процессе судебного разбирательства, их сотрудники активно пытались узнать в период пребывания разведчиков в тюрьмах Ее

Величества.

О том, как английские спецслужбы «обрабатывали» супругов Крогер в период их заключения, уже рассказывалось. К сказанному можно лишь добавить, что, встретив серьезное сопротивление со стороны Питера и Хелен в ходе их внутрикамерной разработки, сотрудники МИ-5 попытались осуществить вербовку Питера. В ответ на выдачу сведений о разведывательной деятельности супругов на территории Великобритании и о стране, на которую Крогеры работали, Питеру и Хелен предложили помощь в организации побега из тюрьмы. Питер твердо отверг это предложение и попросил больше к этому вопросу не возвращаться.

Видя, что у англичан ничего не получается с «обработкой» супругов Крогер, сотрудники ФБР, специально прибывшие в Лондон, решили самостоятельно побеседовать с ними. Однако Крогеры категорически отказались встречаться с сотрудниками американского ведомства. Тогда американцы потребовали выдать им граждан США Морриса и Леонтину Коэн, которые находились в Англии под чужими именами. В ответ Крогеры сделали официальное заявление, что уже давно не являются гражданами США, поскольку в Лондон прибыли из Варшавы, где они приняли польское гражданство, и что после отбытия срока заключения обязательно вернутся только в Польшу. Кстати, то, что Крогеры отказались встречаться с сотрудниками ФБР и официально заявили о польском гражданстве, было на руку английской контрразведке, постоянно соперничавшей с ФБР, и сыграло решающую роль в отказе Великобритании выдать их Соединенным Штатам Америки.

Напомним, что 22 октября 1966 года Джордж Блейк осуществил побег из тюрьмы Уормвуд Скрабе. Питер, узнавший об этом из лондонских газет, был рад за него и очень сокрушался, что не может выразить ему свою поддержку, о чем и записал в своем дневнике. Это сразу же стало известно тюремным властям. Питер понял, что совершил ошибку: нельзя было терять бдительность и делать такие записи.

А через некоторое время пришло распоряжение о переводе Питера в манчестерскую тюрьму Стренджуэйс, что на самом севере Великобритании, а Хелен — в графство Чешир, в женскую тюрьму Стиал, одну из строжайших тюрем Англии. Эти тюрьмы пользовались у профессиональных преступников самой плохой репутацией: в камерах круглосуточно горел свет, в них всегда было холодно, заключенных отвратительно кормили, а тюремщики были вызывающе грубы. К тому же в этих тюрьмах содержались уголовники, совершившие самые тяжкие

преступления. Одновременно супругам сократили количество свиданий: теперь они могли видеться один раз в три месяца.

«Труднее приходилось в тюрьме Хелен. Ее содержали в крыле самого строгого режима, в одной из тюрем Англии, где отбывали наказание совершенно опустившиеся, самые опасные уголовные преступницы, убийцы, проститутки, лесбиянки, наркоманки. Это были потерявшие человеческий облик женщины, которые кроме своих низменных интересов и побуждений не признавали ничего на свете. Многие из них были психически ненормальными. Между заключенными происходили постоянные драки, они дополнялись грубостью и издевательством надсмотрщиц. Заключенные работали в мастерских, где труд был тяжелым и изнурительным.

Поместив Хелен в такие условия, английские власти ставили цель сломить ее морально и физически. Они рассчитывали, что она как женщина окажется более слабой, не выдержит издевательств и в конце концов даст нужные властям показания»[13].

Однако Крогеры, несмотря на тяжелейшие испытания, вели себя стойко и мужественно.

Лонсдейла сначала поместили в центральную лондонскую тюрьму Уормвуд Скрабе. В дальнейшем он некоторое время находился в тюремном каземате Манчестера, откуда позже был перевезен в Бирмингем, где содержался до момента освобождения.

Во всех тюрьмах Лонсдейл содержался в условиях особо строгого режима. МВД Великобритании с самого начала отбывания наказания ввело его в разряд лиц «исключительного риска», способных бежать из заключения. А после побега из английской тюрьмы Джорджа Блейка режим содержания Лонсдейла был ужесточен.

Позже разведчик рассказывал:

«Я был в тюрьме на особом положении, потому что, как считали судьи, не признался в том, кем являюсь в действительности. Поэтому они боялись, что я убегу. Обычная тюремная форма — куртка и брюки, очень сходные по покрою с английской военной формой. Мне выдали такую же форму, но с тремя большими «заплатами» — на левой стороне груди, на правом колене и под левым коленом. Содержали в одиночной специальной камере, оборудованной решеткой из специальной стали, которую якобы не берет ножовка. На ночь у меня отбирали всю одежду, и всю ночь в моей камере горел свет. Куда бы я ни шел, со мной следовал специально выделенный тюремщик с моей книжкой-формуляром, в которой он расписывался при передаче меня другому тюремщику».

Питание в тюрьме не отличалось разнообразием, зато надзиратели и администрация относились к разведчику хорошо, а спустя некоторое время даже с уважением. То же самое можно сказать и о заключенных, среди которых Лонсдейл имел непререкаемый авторитет из-за умения дать дельный совет или написать прошение.

Тем не менее во всех тюрьмах, в которых Лонсдейл побывал, с ним пыталась активно работать британская контрразведка. Уже будучи в Москве, разведчик подчеркивал:

«В период заключения британская контрразведка не только присутствовала в каждой тюрьме, в которой я побывал, но и давила на меня, пытаясь заставить сдаться.

Моя борьба с контрразведкой продолжалась и за тюремной решеткой, в условиях, значительно менее благоприятных для меня.

Уже во время суда контрразведчики в принципе поняли, что поторопились с моим арестом и упустили возможность раскрутить объем моей секретной работы если не полностью, то, во всяком случае, шире, чем это им удалось.

Осознав ошибку, они усердно пытались исправить ее. Им не давала покоя мысль о том, что человек, буквально начиненный секретными сведениями, находится в их руках, но ничего не говорит. Как хотелось им подобрать ко мне ключи или отмычки!

Британская контрразведка не давала мне расслабляться ни на минуту. Сначала это меня не слишком раздражало. Ведь тюремная жизнь скучна и однообразна, а неуклюжие телодвижения противника немного веселили и, конечно же, вносили элемент разнообразия в монотонность тюремных будней. Но со временем эти шпионские игры начали раздражать…»

Лонсдейл-Молодый всегда был оптимистом, любые невзгоды, любые неприятности, какими бы серьезными они ни были, встречал с легкой улыбкой и уверенностью, что все преодолеет. В тюрьме он занялся переводами английских книг на русский язык и перевел их около десятка — почти две тысячи страниц текста.

Об оптимизме Молодого, его убежденности в том, что на родине о нем помнят и делают все возможное, чтобы вызволить из неволи, свидетельствовал, в частности, и другой выдающийся разведчик — Джордж Блейк. Как уже говорилось, он тоже был арестован в результате предательства и приговорен к самому продолжительному сроку тюремного заключения в истории британского правосудия — 42 годам. Разведчики некоторое время отбывали наказание в одной тюрьме.

«Лонсдейла посадили на три месяца раньше меня, — вспоминал он впоследствии. — Мы, конечно, не были лично

знакомы, но я внимательно следил за судебным процессом над ним по публикациям в газетах. Потом и я получил свои 42 года заключения и оказался в той же тюрьме. Содержали нас в разных одиночных камерах, часто их меняли, чтобы мы не смогли установить постоянный контакт и сбежать. Но мы почти ежедневно встречались во время прогулок в тюремном дворе. Нас одели в серые робы с большими квадратами бурого цвета, пришитыми на спине и груди.

Все заключенные в тюремном дворе ходили по кругу, а мы — человек пять-шесть особо опасных арестантов — находились в центре. Вот здесь я и познакомился с Лонсдей-лом-Молодым. Конечно, наше настроение в ту пору нельзя было назвать радостным. Но мы старались подбадривать друг друга. Рассказывали русские и английские анекдоты, обсуждали ход судебных слушаний, говорили о политике.

Однажды он поразил меня тем (я запомнил это на всю жизнь), что совершенно уверенно заявил, будто полувековой юбилей Великой Октябрьской социалистической революции мы будем вместе отмечать… в Москве на Красной площади. Представьте себе картину: два зэка, осужденных за шпионаж и еще не отсидевших даже десятой части срока, разгуливают по тюремному двору и совершенно серьезно обсуждают вопрос: чем лучше согреваться во время военного парада и демонстрации трудящихся на Красной площади — русской водкой или шотландским виски?»

Самое удивительное, что оба разведчика действительно присутствовали на этом параде, находясь на трибуне для почетных гостей…

В ноябре 1962 года Молодый прочитал в одной из лондонских газет сообщение об аресте в СССР по обвинению в шпионаже английского коммерсанта Гревилла Винна. Это известие породило у него вполне обоснованные надежды на возможный обмен, который и последовал в 1964 году.

«Через три года Лонсдейла обменяли на англичанина Гревилла Винна, связника предателя Пеньковского, арестованного советской контрразведкой, — рассказывал далее Джордж Блейк. — А я сумел сбежать из тюрьмы и добраться до СССР. Это звучит как фантастика, но 7 ноября 1967 года мы действительно встретились на гостевых трибунах Красной площади во время празднования 50-летия Октября».

Хочется обратить внимание читателя еще на один момент, характеризующий героя книги как настоящего профессионала. Начав отбывать в тюрьме свой бесконечный срок, Лонсдейл как грамотный юрист (напомним, что в 1951 году Конон Молодый

окончил юридический факультет Московского института внешней торговли) тщательно изучил тюремный регламент и нашел в нем положение, по которому заключенный имел право получать газету, издаваемую в его родном городе, за счет тюрьмы.

Спустя некоторое время Лонсдейл записался на прием к начальнику тюрьмы и подал соответствующее заявление, в котором потребовал выписать для него газету из его родного города.

Начальник тюрьмы не сразу понял, о чем идет речь.

— А где же ваш дом и какую газету вы хотите получать? — поинтересовался он.

— Мой дом в Москве, — ответил Лонсдейл (к тому времени вопрос о том, что он является советским гражданином, уже был принят сторонами, которые начали обсуждать проблему возможного обмена). — И я желаю получать газету «Правду».

Просьба советского разведчика привела руководителя тюрьмы в замешательство. Он немедленно обратился с запросом в министерство внутренних дел. Подумав несколько дней, англичане ее удовлетворили, справедливо признав, что в любом случае закон нужно соблюдать.

«Лонсдейл всегда знал, как себя вести, кто бы перед ним ни был», — подчеркивал в 1970-е годы Моррис Коэн.

В то же время, будучи уже в Москве, сам разведчик отмечал:

«Должен признаться, что в тюрьме я неожиданно остро ощутил одиночество. При мысли о своих родных и близких, живущих за тысячи миль, мне становилось очень грустно. Но я всегда находил утешение в мыслях, что моя работа полезна, в сущности, всем людям, включая и моих близких…»

Напомним, что, отбывая наказание в тюрьмах Ее Величества, Крогеры вели активную переписку между собой. Одновременно они переписывались и с Гордоном Лонсдейлом. Эта переписка скрашивала последнему одиночество, помогала переносить тяготы тюремного бытия.

Кроме того, из писем можно было узнать о том, что происходило с заключенными в тюрьме, как они проводили время, чем занимались, что их интересовало, что волновало. Эти письма — наглядное свидетельство того, чем жили наши герои, оторванные от общества и заточенные в тюремные казематы.

Приведем некоторые отрывки из этой интересной переписки, свидетельствующей в первую очередь о высоком моральном духе советских разведчиков.

Из письма Хелен Крогер Гордону Лонсдейлу от 11 сентября 1961 года, тюрьма Уинсон Грин роуд, Бирмингем, 18, тюрьма Ее Величества:

«Дорогой Гордон!

…Сегодня видела Питера, он выглядит лучше, чем в прошлом месяце. Может быть, он раскраснелся от волнения при встрече со мной и поэтому выглядел намного моложе. Он напишет тебе и сообщит все последние новости. Некоторые книги были проданы на аукционе с прибылью более чем в тысячу фунтов — часть книг пока не продана. Он сказал мне, что дом продан.

Может быть, ты читал статью в «Санди тайме» о продаже дома. Бог мой, какое богатое воображение по поводу твоих визитов к нам. Постарайся достать газету: статья доставит тебе удовольствие. Сделать из мухи такого слона! Там говорится, что ты перелезал через стену в том месте, где росла ива. Помнишь, я жаловалась, что она затеняет угол и губит все мои цветы. Я хотела срубить ее, но Питер сказал, что я не справлюсь. Поскольку в углу ничего не росло, они посчитали, что ты пробирался там, чтобы тебя не заметили соседи.

Смех, да и только! Для меня все наше дело — всего лишь фарс. Его омрачало только пребывание в этой норе и отсутствие возможности видеть моего Пупса. Правда однажды станет известна, и люди из МИ-5 будут краснеть от стыда за свою глупость. Они знают, что Питер и я невиновны, но наше освобождение выставило бы их в дурацком свете. Они состряпали дело против нас, не имея ни крупицы доказательств о том, что мы совершили или намеревались какое-либо преступление…

Всю свою жизнь я боролась против несправедливости, дорогой мой, и любила тех, кто поступал так же. Как-нибудь я расскажу тебе об одной суфражистке из Англии, которая в молодости прошла через ад, добиваясь того, чтобы женщины имели больше свободы. Я никогда ее не забуду — ее дух живет в моем сердце. Она учила меня и нескольких других девушек социализму, когда мы были еще подростками. Во время нашего процесса в Олд Бейли ее дух жил во мне. Я так явственно вспоминала ее рассказы о судебном процессе в Олд Бейли и тюремном заключении, что это отразилось на моем физическом состоянии. Если бы она была жива сегодня, она гордилась бы своей ученицей. Я часто задумываюсь о том, будут ли мои ученицы помнить меня так, как я помню ее.

Плохо, Арни, что мы никогда не говорили о нашем прошлом. Я слишком мало знаю о тебе кроме того, что твоя юность в Канаде была трудной. Питер и я очень любим тебя, но как жаль, что мы не узнали о тебе больше до судебного процесса. Были ли твои друзья так же верны тебе, как наши остались верны нам? Мы с Питером навсегда останемся твоими друзьями. И этому ничто и никто никогда не помешает, никому не удастся это сделать. Ты

всегда можешь быть уверен в нашей дружбе, пока мы живы.

С приветом, Хелен».

Из письма Питера Крогера Гордону Лонсдейлу от 13 сентября 1961 года. Уинсон Грин роуд, Бирмингем, 18, тюрьма Ее Величества:

«Дорогой Арни!

Все мои задолженности по торговым вопросам улажены. Что касается наших личных вещей, одежды и т. д., то они уже находятся на хранении в компании «Гудзон лимитед».

Хелен стала регулярно получать газеты и журналы. В понедельник мне удалось с ней повидаться во время нашей ежемесячной встречи. И, несмотря на ее «тюремные» шуточки, туфли без каблука и грубые чулки, она выглядела прекрасной как никогда прежде. Она находится в хорошем расположении духа и шлет тебе сердечный поцелуй.

Я уже почти заканчиваю книгу Томаса «Гражданская война в Испании», которая дала мне много пищи для размышлений, особенно по вопросам, касающимся тех сил, которые помогают Франко сегодня, или тех, которые поддерживали его или просто терпели в 1936–1940 гг.

С наилучшими пожеланиями,

Питер».

Из письма Питера Крогера Гордону Лонсдейлу от 8 января 1962 года, Манчестер, тюрьма Ее Величества:

«Дорогой Арни!

Надеюсь, что ты получил мою рождественскую открытку.

Мне была переслана копия окончательного счета, согласно которой остаток с двух счетов был переведен на мой счет, находящийся у «Стэнли и компаньоны». Я ожидаю еще несколько сумм от двух моих клиентов. Сейчас мне предстоит заняться вопросом объединения банковских счетов — моего и Хелен.

На днях я напишу в «Стэнли и компаньоны» письмо, в котором укажу, что Хелен, ты и я имеем доступ ко всем средствам, которые они хранят у себя на мое имя.

Мне удалось увидеться с Хелен дважды с момента моего перевода в Манчестер. Из-за кишечного расстройства и какой-то болезни желудка она угодила в госпиталь. Но сейчас дела пошли на поправку и звучит она бодро — тебе посылает тысячу поцелуев.

У меня все в порядке, читаю дни напролет. К Рождеству тюрьму весело приукрасили, а еда на празднике была не сравнима с тем, что мы обычно здесь едим.

До и после праздников ко мне приходило много открыток, подписанных со вкусом. Не унывай и не забывай чистить зубы. Прими поздравления с Новым годом.

С приветом,

Питер».

Из письма Питера Крогера Гордону Лонсдейлу от 10 июня 1962 года, Манчестер, тюрьма Ее Величества:

«Дорогой Арни!

Я был искренне рад получить твое письмо и узнать, что морально и физически ты чувствуешь себя лучше.

Что касается наших финансовых и имущественных вопросов, то я согласен с тем, чтобы все наши деньги и собственность находились в распоряжении компании «Стэнли и компаньоны» таким образом, чтобы они были доступны тебе, Хелен и мне при первой необходимости.

Остается еще вопрос, как вызволить твое имущество, все еще находящееся в полиции. Для этого ты просишь разрешения воспользоваться деньгами с моего счета. Разумеется, ты можешь взять столько, сколько потребуется.

Судя по тому, как Хелен выглядела и звучала во время нашей последней встречи, она хорошо себя чувствует. У меня тоже все в порядке, и любое печатное слово, равно как и высказанное вслух, вызывает у меня самый живой интерес.

Мы оба шлем тебе нашу любовь и самые теплые пожелания.

С приветом,

Питер».

Из письма Питера Крогера Гордону Лонсдейлу от 12 сентября 1962 года, Манчестер, тюрьма Ее Величества:

«Дорогой Арни!

…Так как Хелен и я уже получили 2-ю категорию в нашем тюремном статусе, у тебя тоже есть такая возможность. Дело в том, что ты сам должен попросить об этом, подав заявку на перевод тебя на должность помощника по столовой.

Согласно последним правилам, срок начинается с момента взятия под стражу. Для нас это началось в первую неделю марта, когда Королевский суд распахнул свои двери. С этого дня и по сентябрь 1962 года «набежал» 18-месячный срок, благодаря чему нам и была присуждена 2-я категория.

На прошлой неделе я виделся с Хелен. Все ее лицо лучилось от улыбок, но ногу одолел радикулит. Она шлет тебе поцелуй и желает всего наилучшего.

Я купил еще несколько книг, которые недоступны в местной

библиотеке. Я слежу за новинками литературы посредством книг и журналов. Я заметил, что у издателей тоже непростые времена и они стали печатать книги в мягких обложках. Это может быть хорошим способом капиталовложения. При сокращении рабочей недели благодаря внедрению автоматизированных линий возможно широкое распространение чтения. Любая книга в твердой обложке, которая относится к разряду бестселлеров и по которой был снят фильм, издается вторично в мягкой обложке. Автоматизация начинает влиять на книжную торговлю. Издатели заключают контракты с телевидением. Исторически сложилось так, что образовательный процесс может идти только вперед, а не назад. И большая часть этого процесса основана на чтении. Таким образом, капиталовложение в книги и книжные магазины должно быть стоящим делом во всех отношениях.

Удачных тебе свершений и всех благ,

Питер».

Из письма Хелен Крогер Гордону Лонсдейлу от 20 ноября 1961 года, Уинсон Грин роуд, Бирмингем, 18, тюрьма Ее Величества:

«Дорогой Гордон!

Прошло два месяца с тех пор, как ты мне писал, и я беспокоюсь, все ли у тебя в порядке. У нас с Питером все хорошо. Я видела Питера пару недель назад: он, как всегда, бодр, но, должно быть, серая тюремная одежда его старит…

Ты наверняка знаешь из газет, что женское отделение Бирмингемской тюрьмы в конце месяца закрывается. Поэтому я надеюсь, что настанет день, когда семейным парам разрешат находиться в одной камере. Я просто безумно скучаю по Питеру, но привыкаю к мысли об одинокой жизни в тесной камере.

Что произошло с твоим бизнесом? Ты его продал? Питер выручил от проданных лотов книг на последнем аукционе в октябре более 2300 фунтов.

Ты посещаешь занятия или занимаешься заочно? Для меня сейчас нет ничего интересного. После переезда в Стрейнджвейз я бы хотела заняться языком.

Пока, Арни, до встречи».

Из письма Гордона Лонсдейла Хелен Крогер от 18 декабря 1961 года, Уормвуд Скрабе, тюрьма Ее Величества:

«Дорогая Сардж!

Я никогда не волновался и сейчас не волнуюсь за твой дух, так же как и ты можешь быть уверена в моем, но ты должна следить за своим здоровьем, если хочешь быть счастливой в

будущем. И когда я говорю о будущем, я абсолютно в нем уверен».

Из письма Гордона Лонсдейла Хелен Крогер от 29 ноября 1963 года, Уинсон Грин роуд, Бирмингем, 18, тюрьма Ее Величества:

«Дорогая Сардж!

Получил два твоих «воскресных» письма в соответствующие среды. Очень рад так часто иметь от тебя известия…

Должен тебе сказать, что я вообще-то не знаю, почему нас обвинили в «заговоре». Без этого вас с Питером нельзя было бы привлечь к суду. Янки называют это словом «гиммик», то есть трюк. А для 1951 года максимальный срок за заговор был 2 года…

Как прошло твое свидание? И сколько оно продолжалось? Грустно, что ты нашла Питера постаревшим, но не забывай, что мы все стареем.

С интересом прочитал слова Питера о Китае. Ты знаешь, я интересуюсь Китаем давно, и незадолго до нашего ареста мы обсуждали с ним китайские дела. Забавно, что три года спустя это стало «новостями».

Можно объяснить их необычное поведение, но никак не оправдать его. Я согласен, что рано или поздно они преодолеют то, что Ленин называл «детскою болезнью левизны или ультрареволюционностью». Но, возможно, на это уйдет немало времени.

Без сомнения, ты читала, что в этом году в СССР (и на Западе) очень плохой урожай. Была самая холодная зима за последние 100 лет и самая жестокая засуха за последние 75 лет. Тогда миллионы умерли от голода. Но мы справимся, даже не прибегая к карточной системе…

Обратила ли ты внимание на утверждение Джорджа Мини, что автоматизация становится проклятием для этого общества, и он прав. Но при социализме это прежде всего — счастье. Читай все про автоматику. Она становится проблемой № 1, и не только в США, но и в Западной Европе. Пусть они трепещут!»

Следует особо подчеркнуть, что по-настоящему заботясь о попавшей в беду коллеге по разведывательной работе, Лонсдейл в своих письмах постоянно давал Хелен советы, как сохранить свое психическое и физическое здоровье, обращаясь зачастую к опыту политических заключенных из прошлого.

Из письма Гордона Лонсдейла Хелен Крогер от 4 августа 1963

года, Манчестер, тюрьма Ее Величества:

«В данных обстоятельствах твое лучшее оружие — это чувство отстраненности и полное презрение к тому, кого ты имеешь в виду. Ты общаешься с людьми, обладающими детским менталитетом (и при этом с очень низким уровнем IQ!). Не следует испытывать раздражение по отношению к «детям», их можно игнорировать. Ты должна заставить себя меньше думать о всех этих тривиальностях тюремной жизни и занять себя более интересными вещами. Похоже, такое отношение помогает мне и Питеру, почему бы не попробовать и тебе».

Безусловно, Лонсдейл в этом письме дает Хелен прекрасный совет, который может помочь ей переносить все лишения и неудобства тюремной жизни. Но при этом забывает об одном очень важном обстоятельстве — разнице между теми условиями, в которых содержали его, и теми, в которых находилась Хелен.

Позже Джордж Блейк пояснял:

«Как заключенный с длительным сроком Лонсдейл отбывал его в мужской «закрытой» тюрьме. Это означало, что у него была своя собственная камера, где он мог уединиться, когда хотел, после окончания работы в 16 часов 30 минут.

В принципе, эта система была установлена в Англии в XIX веке под влиянием квакеров, протестантской секты с мистическим уклоном. Основная идея состояла в том, что человек, находящийся целый день в уединении, имеет полную возможность обдумать свои грехи и поразмышлять о своей прежней жизни. И таким образом прийти к раскаянию.

Хелен же содержалась в женской, так называемой открытой тюрьме. Такие «открытые» тюрьмы существуют также для мужчин, преступления которых не представляют опасности для общества. Эти тюрьмы, скорее, похожи на военный лагерь. Они окружены простым забором. Заключенные живут вместе в бараках, группами по двадцать человек. В свободное время они могут беспрепятственно передвигаться по территории лагеря.

Преимущество этой системы в том, что кроме более свободного режима человек может наслаждаться свежим воздухом и природой. Платить за это он должен отсутствием возможности уединения. Он должен постоянно жить в компании других людей, многие из которых ему не по душе.

Что касается меня лично, то я предпочел бы быть запертым в своей собственной камере, чем жить в постоянном присутствии других людей. Из писем Питера и Лонсдейла ясно, что они разделяли эту точку зрения.

На самом деле для Хелен жизнь в компании двадцати других

женщин оказалась тяжелым испытанием, не считая, конечно, ее разлуки с Питером».

Однако наставления Лонсдейла мало действовали на Хелен. Несколько месяцев спустя ее решительный и бесстрашный характер взял верх, и она оказалась замеченной в драке с одной женщиной, которая рылась в ее вещах, за что обе в наказание были переведены в изолятор, или, как говорят в английских тюрьмах, на несколько суток посажены на «хлеб и воду».

Об этом инциденте рассказала сама Хелен в очередном письме Гордону Лонсдейлу от 29 декабря 1963 года (Стиал, Уилмслоу, Чешир, тюрьма Ее Величества):

«Здравствуй, дорогой!

Твое письмо пришло как раз в тот момент, когда я была в «черном доме» — в изоляторе. В общем, должна тебе признаться, что меня спровоцировали и мне пришлось ударить по лицу одну из моих сокамерниц. Я сделала это специально, чтобы проучить ее. Теперь она не будет трогать мои вещи. Она грозилась расправиться со мной за то, что я пожаловалась начальнице тюрьмы на ее поведение, в красках расписывала свою месть сокамерницам.

Нет необходимости рассказывать тебе, кто она по «профессии». И вот, когда я ударила ее, мерзкая трусиха завопила о помощи. Естественно, дежурный офицер наказал нас обеих. Это существо возомнило о себе, что она может напугать меня только потому, что я тихоня и хорошо воспитанна. Плохо она меня знает, не так ли? Я способна постоять за себя. Не родилась еще такая женщина, которую я испугалась бы. Теперь эта женщина тише воды, ниже травы. А остальные хорошенько подумают, прежде чем дотронуться до того, что принадлежит мне. Только, прошу тебя, не читай мне нотаций по поводу поведения цивилизованного человека. Ты должен понять, что я вынуждена жить среди таких женщин, и поэтому, если я опустилась до драки, то только потому, что это было необходимо».

В связи с этим инцидентом Джордж Блейк, который, уже будучи в Москве, близко познакомился и подружился с Крогерами-Коэнами, позже подчеркивал:

«Нет сомнения в том, что Хелен была женщиной энергичной и решительной, не боявшейся высказывать свое мнение, и имела сильно развитое чувство справедливости. Она больше страдала от отсутствия свободы. И жизнь в тюрьме оказалась для нее труднее, чем для Питера и Лонсдейла, обладавших более философским отношением к жизни и людям…

Не случайно Питер и Лонсдейл называли Хелен в своих письмах Сардж (в английской армии это — ласкательное слово по отношению к сержанту). Более всего все ее существо протестовало против всякого рода проявлений несправедливости и дискриминации — расовой, национальной или половой. Именно поэтому с раннего возраста она отдала себя целиком делу коммунизма. Она смотрела на коммунистическое движение как на самый практичный способ построить общество, в котором больше не будет существовать несправедливости, неравенства и дискриминации».

Из письма Гордона Лонсдейла Хелен Крогер от 30 января 1964 года, Уинсон Грин роуд, Бирмингем, 18, тюрьма Ее Величества:

«Дорогая Сардж!

Я уже стал серьезно волноваться из-за твоего молчания, когда получил твое письмо. Признаюсь, я был несколько шокирован, когда узнал об одиночке, но не беспокойся: ты не услышишь от меня нравоучений. Ты же знаешь, как я всегда говорил: «С волками жить…» — и т. д. Насколько понимаю, другого выхода не было. И, конечно, никогда не сомневался в твоей способности постоять за себя. Я понимаю: коммунальное существование создает свои проблемы…

Я продолжаю настаивать на переводе в Центральную тюрьму. Во-первых, потому что считаю трехлетнее пребывание в местной тюрьме дискриминацией, во-вторых, по той простой причине, что условия там несколько получше. В июле г-жа Пайк, заместитель министра внутренних дел, написала моему депутату, что «дело находится на рассмотрении». В этом месяце ответ был следующим: «Министр лично и очень внимательно рассматривал возможность перевода данного заключенного (т. е. меня) в Центральную тюрьму, но решил, что в данный момент ему следует находиться там, где он находится. Его положение, разумеется, будет пересматриваться время от времени». Мне особенно понравилось выражение «лично». Интересно, можно ли что-нибудь делать «безлично». Пошлю-ка я петицию королеве. Посмотрим, что она имеет сказать «лично». Я обратил внимание на то, что ты пишешь о своей начальнице тюрьмы, в особенности о ее «прогрессивных идеях». Полагаю, всегда есть исключения, которые доказывают правила. Я побывал уже в 4-х тюрьмах и пока не встретил кого-либо с какими-либо идеями относительно чего-либо.

Теперь главная новость: после двух лет отказов министерство внезапно нашло возможным разрешить мне встретиться с моим

адвокатом. Только в ноябре прошлого года г-жа Пайк писала моему депутату, что мне «не разрешается видеться с адвокатом, и на этом все»…

Похоже на то, что 1964 год будет весьма оживленным, судя по Панаме, Занзибару, Восточной Африке. Кроме того, выборы в США, Англии и Западной Германии. Только что узнал, что во Вьетнаме новый генерал. Думаю, имеется немало генералов, готовых выпихнуть нового и т. д. Кстати, три четверти территории Вьетнама находится под контролем партизан. В этом году исполняется 10-я годовщина Дьен Бьен Фу — очень хорошая дата, чтобы выкинуть янки из Южного Вьетнама.

С любовью к тебе и П.,

ваш Арни».

И еще хотелось обратить внимание читателя на следующее обстоятельство, которое неизменно выделял Джордж Блейк, рассказывая о своих друзьях — супругах Крогер-Коэн и Лонсдейле-Молодом:

«Питер и Хелен обладали удивительным даром внушать окружающим дружеское расположение и симпатию, свойство, о котором свидетельствует лояльность по отношению к ним со стороны их друзей — обыкновенных английских людей, их соседей и коллег по работе — во время судебного процесса над супругами Крогер и в период их тюремного заключения. Многие вначале не хотели верить обвинениям в адрес Питера и Хелен. Но даже позже, когда Питер и Хелен были осуждены, их знакомые продолжали писать им и по возможности посещать их в тюрьме.

Тот факт, что Питер и Хелен действовали, исходя из глубокого убеждения в справедливости дела, которому они служили, а не из корыстных побуждений, сыграл большую роль в продолжении отношений однажды подружившихся людей.

Друзья смотрели на Питера и Хелен как на мужественных людей, достойных дружбы и уважения. Эти привязанность и любовь были для Питера и Хелен большим утешением в безрадостной тюремной жизни. Хелен выразила это чувство в письме Лонсдейлу (январь 1962 года):

«Я должна сказать: нам повезло, что у нас так много друзей, которые сделали все возможное, чтобы нам помочь. Были ли твои друзья так же верны тебе, как наши остались нам? Мы с Питером навсегда останемся твоими друзьями, ты всегда можешь быть уверен в нашей дружбе».

При этом следует подчеркнуть, что Питера и Хелен с Лонсдейлом связывали крепкие узы дружбы и солидарности. Они считали все деньги и собственность, которые остались у них в

Англии, общими. Каждый из них мог взять любую сумму для собственных нужд. Это было немаловажно, если принять во внимание определенные правила английской тюремной системы.

Заключенный не имел права получать посылки с продовольствием от близких или друзей или заказывать продукты за свой счет. Раз в неделю заключенный мог покупать продукты в тюремной лавке на заработанные им деньги. Поскольку максимальный заработок заключенного составлял полфунта в неделю, а большинство заключенных зарабатывали меньше, возможность покупать дополнительные продукты была весьма ограниченной. Тем более что курящие должны были на деньги из этой суммы покупать себе и табак. Заключенному, однако, было разрешено подписываться на газеты и журналы или заказывать книги за свой счет или за счет близких и друзей. А так как все трое, и в особенности Питер и Лонсдейл, очень любили читать и следили за международной обстановкой, для них было важно иметь деньги, чтобы заказывать журналы, газеты и книги.

Что касается Лонсдейла, то он получил разрешение тюремных властей на перевод книг, которые, по его мнению, представляли интерес для русских читателей. Поэтому он имел еще и возможность покупать бумагу, ручки и словари.

Из письма Хелен Крогер Гордону Лонсдейлу от 24 января 1964 года, Стиал, Уилмслоу, Чешир, тюрьма Ее Величества:

«Дорогой Арни!

Твое любезное предложение переслать наши личные вещи вместе с твоими принимается мною с благодарностью. Я согласна с тобой. Зачем напрасно тратить деньги?

В среду я напишу письмо Питеру и дам ему знать о нашем решении относительно перевозки вещей Галине. Уверена, что он согласится…

Причины, по которым я так часто пишу тебе, заключаются в следующем: 1) ты мне дорог, 2) мы товарищи по несчастью, 3) твои письма меня особенно поддерживают. Когда я пишу тебе, у меня такое чувство, как будто бы я навестила тебя…

В журнале «Ньюсуик» на стр. 21 прочти решение Голдуотера по целому ряду проблем. В Южном Вьетнаме, например, он намеревается сбросить атомную бомбу. Для этого будет использоваться Седьмой флот. Там, где есть такие сумасшедшие, всегда есть притяжение войны. Поэтому нельзя винить местное население за их недоверие и ненависть.

С любовью,

Сардж».

О том, насколько тесной была дружба Лонсдейла, Питера и Хелен, свидетельствует их переписка. Так, 13 октября 1962 года Лонсдейл, например, пишет Хелен: «Должен сказать, что если бы я мог видеть тебя и Питера раз в неделю, то мне не страшны были бы никакие болячки».

Глава восьмая
И СНОВА НА РОДИНЕ

Разведчик должен любить своих товарищей, свой народ, дело, которому он служит, больше, чем самого себя, свою собственную персону. Иными словами, чтобы свое личное счастье он видел в служении людям.

Иосиф Григулевич,
разведчик-нелегал

Уже отмечалось, что, находясь в английских тюрьмах, Лонсдейл с первого дня верил, что руководство советской внешней разведки примет меры к его досрочному освобождению. Эта вера позволяла сохранять спокойствие и стойко переносить тяжелые испытания.

Действительно, работа по вызволению нелегала из тюрьмы была начата Центром сразу после суда над ним. Сам по себе этот процесс представляется довольно кропотливым и сложным делом. Главным в нем является поиск подходящей кандидатуры на обмен. Не всегда это удается обеспечить в короткие сроки.

В «Очерках истории российской внешней разведки» по этому поводу говорится: «В данном случае такая возможность представилась в ноябре 1962 года. В Будапеште был арестован английский бизнесмен Гревилл Мейнерд Винн. Он неоднократно бывал в СССР. Перед очередной поездкой в Москву один из сотрудников английской секретной службы якобы попросил его выполнить ряд разведывательных поручений. Эта деятельность была зафиксирована органами КГБ. После ареста он был доставлен в Москву и над ним состоялся суд.

Винн признал себя виновным по большинству пунктов обвинения и был приговорен к восьми годам лишения свободы».

Возвращение

Осуждение Винна давало возможность добиваться обмена на него Лонсдейла. В течение нескольких месяцев продолжались осторожные шаги с обеих сторон, направленные на достижение

соглашения об обмене.

Гревилл Мейнерд Винн — британский бизнесмен, агент МИ-6, поддерживавший связь с полковником Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных сил СССР предателем Олегом Пеньковским. Подданный Великобритании.

Родился 19 марта 1919 года в семье шахтера. Окончил Ноттингемский университет по специальности «инженер-электрик». В годы Второй мировой войны работал в британской службе военной разведки. После окончания войны занялся бизнесом. Основал две коммерческих фирмы, являвшиеся посредниками в деятельности ряда крупных английских компаний, что позволяло свободно разъезжать по всему миру. Неоднократно бывал в СССР.

С 1955 года возобновил сотрудничество с английской внешней разведкой МИ-6. Пройдя специальную подготовку по ведению разведывательной и диверсионной деятельности, стал профессионалом высокого класса.

В декабре 1960 года на Винна в Москве вышел сотрудник ГРУ Пеньковский, предложивший услуги британской разведке за вознаграждение. Винн передал письмо Пеньковского руководству английской разведки и получил согласие на контакт с ним. Более двух лет он поддерживал постоянную связь с Пеньковским, получая от него важную информацию.

Арестованный в 1962 году Пеньковский выдал своего связного. В ноябре 1962 года Винн, находившийся по делам бизнеса в Будапеште, был арестован спецслужбами ВНР и на основании договора с СССР передан советским спецслужбам.

11 мая 1963 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Гревилла Винна к восьми годам лишения свободы с отбыванием первых трех лет в тюрьме, а последующих пяти — в колонии строгого режима.

Под грузом неопровержимых улик Винн сознался в шпионской деятельности и попросил снисхождения к нему как к иностранному гражданину.

В соответствии с частным определением Верховного суда СССР 12 сотрудников британского посольства, замеченных в связях с Пеньковским и Винном, были объявлены персонами нон грата и высланы в Великобританию.

После обмена Гревилл Винн выпустил в Великобритании книгу «Человек из Москвы». Скончался Винн 28 февраля 1990 года.

Несмотря на то что переговоры велись тайно, некоторые сведения об обмене просочились в прессу. Намечаемые мероприятия подверглись резкой критике. Одна из газет писала:

«Англия, в отличие от США, никогда не обменивалась шпионами с Россией. Если бы дело Винна создало прецедент, русские одержали бы победу в тайной холодной войне. Какая это была бы победа для русских, если бы акула Лонсдейл был обменен на мелюзгу Винна!» Обстоятельства такого рода серьезно осложняли дело.

Но тем не менее соглашение было достигнуто 7 апреля 1964 года. Через две с небольшим недели был произведен обмен, и Конон Трофимович Молодый снова оказался на родине.

«Утром 21 апреля 1964 года, — вспоминал позже разведчик, — я, заключенный № 5399 тюрьмы Ее Величества Уинсон Грин роуд, что в Бирмингеме, находился в бане и как раз разделся, когда за мной прибежал один из старших надзирателей. Это было само по себе необычно. Он сказал, чтобы я быстро оделся, так как я «нужен»…

Часов в 10 утра меня отвели в кабинет начальника тюрьмы, в котором помимо его самого находились секретарь министра внутренних дел и какой-то старший чин местной полиции.

Поздоровавшись со мной, начальник тюрьмы серьезно произнес: «Господин Лонсдейл (услышав «господин», я понял, что еду домой), я хочу представить вас секретарю министра внутренних дел». Затем мне предложили сесть и объяснили, что у секретаря министра имеется пакет, который он должен вскрыть в моем присутствии и зачитать мне текст документа…

Закончив чтение документа, начальник тюрьмы показал его мне. Все трое присутствовавших подошли ко мне и пожали мне руку.

В приемной меня ждала одежда, в которой я был арестован: темный плащ, серый с зеленым отливом костюм, черные ботинки, белая сорочка, галстук…

Во дворе тюрьмы меня посадили на заднее сиденье машины, которая покатила прямо к ожидавшему ее самолету военно-транспортной авиации. Мы приземлились на авиабазе Готов в английском секторе Западного Берлина».

Сам обмен состоялся в Берлине 22 апреля в 5 часов 30 минут на КПП Штаакен, расположенном на внешнем обводе Западного Берлина по дороге № 5. В условленное время машина с Винном была выдвинута на пограничную линию, то же самое сделали и англичане. После опознания (с нашей стороны эту миссию выполнял прибывший специально из Центра начальник отдела и боевой товарищ разведчика Н. А. Корзников) произошла процедура обмена. Молодый сел в нашу машину, а Винн — в английскую. Машины быстро набрали скорость и поехали по своим маршрутам.

Обмен прошел без происшествий и без посторонних зрителей, так как дорога была перекрыта. На чрезвычайный случай несколько машин как с одной, так и с другой стороны находились поблизости и выполняли роль прикрытия. Конон Трофимович сразу же попал в объятия друзей, которые от всего сердца поздравили его с возвращением на родину.

Об обмене супругов Крогер на агента английских спецслужб Джеральда Брука и двух его соотечественников-уголовников, отбывавших наказание в СССР за контрабанду наркотиков, уже рассказывалось, можно лишь добавить, что проблемы обмена Крогеров решались с участием польских спецслужб. 24 октября 1969 года Крогеры вылетели на самолете из Лондона в Варшаву, а уже 25 октября обычным рейсом прибыли в Москву.

В аэропорту Шереметьево их встречали как всех разведчиков, возвращавшихся из-за рубежа. Было много цветов, были теплые объятия. Леонтина внимательно всматривалась в лица встречавших, надеясь увидеть особенно дорогих ей людей. Но их не было. Да и не могло быть, не положено им было появляться в общественных местах в компании других разведчиков.

Морриса и Леонтину посадили в служебную «чайку», и машина понеслась к Москве.

Вскоре Коэны прибыли на секретный объект нелегальной разведки, где их уже ждали ближайшие соратники по работе в США и Великобритании, которых не было в аэропорту Шереметьево: Фишер (Абель), Молодый, Дождалев, Семенов, Квасников.

А через некоторое время последовал закрытый указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении разведчиков орденами Красного Знамени «за успешное выполнение заданий по линии Комитета государственной безопасности в сложных условиях капиталистических стран и проявленные при этом мужество и стойкость».

После издания этого указа в ЦК КПСС было вторично направлено ходатайство КГБ о приеме Коэнов в советское гражданство. Однако секретарь ЦК Михаил Суслов не пожелал наложить на документ свою резолюцию. Считая супругов «провалившимися разведчиками», он решил обсудить этот вопрос лично с Юрием Андроповым.

На встрече Андропов заметил, что Михаил Андреевич напрасно не доверяет Коэнам. Давая характеристику супругам, председатель КГБ подчеркнул, что они являются интернационалистами, принимавшими активное участие в выполнении многих опасных операций советской разведки в Соединенных Штатах и Великобритании.

— Мне тем более непонятны ваши сомнения и колебания, — сказал Андропов, — после того, как вы недавно поставили свою подпись на представлении о награждении их орденами Красного Знамени.

— Вы забываете, Юрий Владимирович, что тот указ о награждении был закрытым, — тихо возразил Суслов. — О нем никогда никто не узнает, кроме ваших подчиненных. А вот решение о принятии американцев Коэнов в советское гражданство может сразу стать достоянием прессы.

— Я не вижу в этом ничего предосудительного, — возразил Андропов. — Почему вы считаете, что американцы не могут стать советскими гражданами?

Андропов еще раз подчеркнул, что Коэны заслуживают от нашей Родины гораздо большей благодарности за сложную и опасную работу в разведке. Они достойны самого высокого уважения нашего общества за мужество и умение работать. Андропов напомнил секретарю ЦК, что во время допросов, суда и девяти лет тюремного заключения Коэны не выдали англичанам секретов и, несмотря на провокации, угрозы и многочисленные обещания лучшего будущего, не предали нас, вернулись в нашу страну, избрав ее своей второй Родиной.

Михаил Суслов молча взял документ и рядом с подписью министра иностранных дел СССР Андрея Громыко поставил свою.

Что касается Гарри Хаутона и Этель Джи, то в 1970 году они были освобождены и вскоре поженились. В 1972 году Хаутон написал книгу «Операция «Портленд»: автобиография шпиона».

Теплой была встреча Конона Трофимовича Молодого с друзьями и товарищами по работе в Москве. Его поздравили с возвращением председатель КГБ при СМ СССР и начальник советской внешней разведки.

Молодому было присвоено очередное воинское звание полковника. За мужество и стойкость, проявленные при выполнении особых заданий, он был награжден орденом Красного Знамени, а также высшей ведомственной наградой — нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Немного позже Конон Трофимович был награжден и орденом Трудового Красного Знамени. Так была отмечена его работа с молодыми сотрудниками внешней разведки, которой он отдавал много сил и в которой находил большое удовлетворение.

Первое, за что взялся Молодый, прибыв в 1964 году в Москву, — за изыскание любых возможностей для скорейшего вызволения из тюремных застенков своих соратников — супругов Крогер. И уже в следующем, 1965 году англичанам был

предложен возможный вариант обмена. Кроме того, возможности Молодого были задействованы и по другим направлениям. «Глубокие знания и богатый опыт разведывательной работы за границей предопределили направление дальнейшего использования Конона Трофимовича Молодого в системе внешней разведки. Ему была поручена работа по подготовке и воспитанию молодежи. Молодого часто приглашали в коллективы местных органов госбезопасности, где он выступал с воспоминаниями о работе за рубежом»[14].

О разведке и разведчиках

Конон Трофимович был чрезвычайно интересным человеком, умным, остро мыслящим рассказчиком и собеседником. Поэтому сотрудники — и не только молодые — различных подразделений внешней разведки с большим удовольствием приходили на встречи с ним. В ходе этих встреч можно было узнать много интересного и полезного. Это подтверждают и беседы Молодого с писателем Валерием Абрамовичем Аграновским, содержание которых было опубликовано через много лет после смерти разведчика. Обратимся к некоторым отрывкам из этой публикации.

«На основании собственного опыта и опыта моих коллег я давно пришел к выводу, что наилучшим прикрытием для разведчика может быть профессия журналиста. Во-первых, журналист — странствующий рыцарь, «свободное копье»: его передвижения в пространстве не поддаются контролю и не вызывают подозрений, так как органичны профессии.

Во-вторых, трудно, если вообще возможно, учитывать его доходы и их источники.

В-третьих, журналист раскован: может обращаться к кому угодно и когда угодно, он «и с угольщиками, и с королями», бывает в трущобах и в высшем обществе, при этом способен принимать любую окраску — надевать, как говорится, «мундир» солдата, бизнесмена, шофера такси, чтобы иметь дело с военными, бизнесменами, дипломатами и рабочим классом.

И уходить в случае неприятностей тоже легко: журналист просто растворяется в воздухе, не оставляя после себя следов (уехал в Абиссинию, в действующую армию во Вьетнам, на велосипедные соревнования «Тур де Франс», на корриду в Испанию, в путешествие по Средиземному морю в обществе знакомого миллионера на его же яхте), ищи ветра в поле!

<…>

Моей «крышей» в прямом и переносном смысле слова были четыре фирмы «по продаже автоматов по продаже» — такое у них длинное название. Мои автоматы торговали тетрадями, водой, вином, фломастерами, бутербродами, аспирином — что только не помещалось в их прожорливом чреве!..

Мои фирмы были рентабельны и давали прибыль, между прочим, задолго до нашего знаменитого правительственного постановления, которым акцентировалось внимание хозяйственников на необходимости добиваться рентабельности.

Скажу вам прямо: «акцентировать» мое внимание нужды не было, я бы просто вылетел в трубу, не будь мои фирмы рентабельны. Разумеется, мне в них не принадлежала ни одна гинея[15]: капитал был ровно настолько моим, насколько и вашим, советским.

Я трудился в поте лица, потому что знал: доходы идут не гнусному капиталисту (мне, например), а моему народу!

Сказал я эти слова с патетикой, но вы уж простите: когда речь идет о миллионах фунтов стерлингов, можно и подбавить восклицательных знаков: хуже, когда их ставят, а вся, извините, задница голая.

Сначала я в одной из фирм был директором по сбыту готовой продукции, то есть бизнесменом «средней руки»: как и все, получал зарплату раз в неделю, по пятницам.

Письма писал размером не больше страницы, в Англии длиннее не пишут; если кто-то и пишет, он либо бездарь, либо ему делать нечего.

Уже здесь, в Союзе, на одной из встреч с общественностью меня спросили: почему я был директором по сбыту, а не генеральным или, на худой конец, по производству? Я ответил: сделать каждый дурак сумеет, а чтобы продать, нужна голова.

Дальше я стал совладельцем фирмы, потом двух, а потом и полным хозяином, да сразу всех четырех фирм, они делились, исходя из четырех типов товаров. Тем не менее я придерживался общей и очень строгой дисциплины: приходил вместе со всеми, уходил в пять часов. Если нужно было уйти днем, как-то объяснялся с секретаршей: «У меня встреча с клиентом!» — она должна была знать, где хозяин и когда будет.

<…>

С детства я был приучен: если что-то делать, то «по-большому», как озаглавила статью одна московская газета в пору моей комсомольской юности.

Бизнес так бизнес. Халтурить я не умел, тем более была мысль: чем больше я разбогатею, тем лучше будет Центру. И я богател. Мои автоматы не были примитивными. В кафе «Литл

фиш» («Рыбка»), куда я иногда заходил, чтобы посмотреть автоматы моего конкурента, вы бросили монету в щель и понятия не имели, какая заиграет пластинка. А мои музыкальные автоматы (я и такими торговал) после нажатия соответствующей кнопки давали вам то, за что вы платили. И я, ощутив превосходство над конкурентом, испытывал истинно «акулье» капиталистическое удовлетворение.

Кстати, пусть вас не пугает то обстоятельство, что я употребляю местоимение «мои», говоря о фирмах, автоматах и миллионах фунтов стерлингов. Они такие же «мои», как и «ваши»: советские.

Правда, иногда, входя в роль, я ловил себя на том, что фирмы, на которые мне, собственно говоря, было поначалу наплевать, со временем становились мне дороги, и я по-настоящему спорил, торговался, тратил силы, добиваясь их благополучия. Эта двойная жизнь «по системе Станиславского» меня самого часто пугала…

<…>

Такая вот мелочь: англичане пьют пиво, как у нас пьют квас. Я лично пиво не терплю, но отказаться от него никак не возможно: если у нас в Союзе кто-то упорно отказывается от кваса, можете не сомневаться: шпион!

Я тоже пил пиво — а что делать? Причем пил по классическому «английскому» образцу, мешая сорта пива, чаще всего черное со светлым. И, представьте, привык.

У меня теперь довольно много чужих привычек. Например, здороваясь, я, как и все англичане, слова приветствия произношу, но руки не протягивая и не жму протянутую мне: кто в Англии протянул, тот чужой. А если приходится считать на пальцах, то не загибаю их, как дома, а наоборот, разгибаю, как делают во всей Европе.

<…>

Кто я в чужой стране, как вы думаете? Враг? Ни в коем случае! Тот смысл, который вкладывается в обычное понятие «шпион», ко мне не относится. Я разведчик! Я не выискиваю в чужой стране слабые места с точки зрения экономики, военного дела или политики, чтобы направить против них удар.

Я собираю информацию, исходя из совершенно иных замыслов, поскольку вся моя деятельность направлена на то, чтобы предотвратить возможность конфронтации между моей родиной и страной, в которой я действую. Именно в этом смысле инструктирует нас Центр, и мы придерживаемся этого принципиального указания.

Кстати, вам не приходилось где-нибудь читать, что написано

на могиле Рихарда Зорге? В Токио на кладбище Тама лежит гранитная плита с такими высеченными на ней словами: «Здесь покоится тот, кто всю свою жизнь отдал борьбе за мир». Теперь вам понятно, что я хочу сказать.

<…>

Когда идет сложная операция, хирурги, говорят, теряют килограммы. И хоккеисты теряют, и бегуны на длинные дистанции, и актеры за спектакль…

У нас тоже потери, но не в килограммах, а чаще душевные, психологические. Делаешь дело и внутренним взором видишь тонко очерченный меловой круг, переступать который по чисто нравственным причинам нельзя и не переступать тоже нельзя.

После войны я больше ни разу не стрелял, не бил ножом, не бегал ни от кого и ни за кем, не скрежетали тормоза моей машины на крутых виражах, не приходилось мне ходить по карнизу на высоте тринадцатого этажа или прыгать на полном ходу с поезда…

Я ни разу не приклеивал усы или бороду, не надевал парик, не наряжался в военную форму, или женщиной, или в одежду чистильщика сапог. Все это совершеннейшая глупость.

Я полностью согласен с моим коллегой полковником Абелем, который сказал, что разведка — это не приключения, не какое-то трюкачество, не увеселительные поездки за границу, а прежде всего кропотливый и тяжелый труд, требующий больших усилий, напряжения, упорства, воли и выдержки, серьезных знаний и большого мастерства.

Истинная драматургия нашей работы заключается не в таинственной атрибутике, а в чрезвычайно опасной сути всей нашей деятельности за границей, поскольку все мы знаем, что если провал, пощады нам не будет.

<…>

Разведчик должен быть «растворимым» в толпе, незаметным. Одеваться надо прилично, но не броско. Моя родная жена, глядя на меня, когда я бывал дома в Москве, удивлялась: на тебе вроде бы все заграничное, но не похоже, что «иномарка». Я же знал: если в пивной тридцать человек, из которых можно запомнить пятерых, я должен быть не среди этой пятерки, а среди тех двадцати пяти, которые «незаметны» для посторонней памяти.

В Англии некий бизнесмен покупал костюмы, и к локтям ему сразу пришивали кожу. Другой, называемый «джентльменом-фермером», был чрезвычайно богатым человеком, но одевался так скромно, что я мог бы сказать: броская скромность.

Для разведчика и это плохо: ему следует одеваться так, чтобы в глаза «не бросалось».

<…>

Разведчик должен быть элементарно сообразительным.

В раннем детстве меня хотели отдать в школу для особо одаренных детей. Привели к директору, он стал проверять, тестируя: что лежит на столе? Я, как и было предложено, поглядел ровно три секунды, потом отвернулся и добросовестно перечислил: журнал, чернильница, очки, лейкопластырь, настольная лампа, еще что-то.

Директор меня спрашивает: а шапка лежит? Мне нужно было время для соображения, и я уточнил: вы спрашиваете про головной убор или что? Он, наверное, улыбнулся: да, именно так, шапка или кепка? Я уверенно отвечаю: кепка! И меня приняли как вундеркинда.

Я же был просто сообразителен: если директор спрашивает про головной убор, которого я за три секунды на столе не заметил, то, значит, он там лежит. А если лежит, то, разумеется, кепка, потому что на дворе осень, дело в сентябре, кто же осенью носит зимние шапки?..

<…>

Идеальный разведчик — тот, кто умеет уходить от соблазнов. Вот мне, считайте, повезло с «крышей»: миллионер! А мой коллега, который ничуть не хуже меня, десять лет прожил за границей, работая консьержем: каждый сочельник обходил жильцов, «поздравлял с праздником», и получал свои чаевые…

Я старался держать себя в руках, не поддаваться страстям и понимал, что умение носить маску, оставаясь при этом самим собой, и делает в конечном итоге разведчика профессионалом. Маска миллионера давала мне, казалось бы, право на роскошную жизнь, но я правом этим пользовался сдержанно и ровно настолько, чтобы не быть среди миллионеров белой вороной.

Трезвость ума, выдержанность, самоконтроль — три наших кита.

<…>

Настоящий разведчик носит в себе постоянное, нормальное, всепоглощающее и воистину острое желание: домой! На родину! К семье! Если это и есть патриотизм, пусть будет так. Я знаю определенно, что без этого желания мы рискуем впасть в хандру и меланхолию, попасть под чужое влияние».

Жизнь в Москве

После обмена Молодого и возвращения его в Москву за границей и в СССР появились публикации, связанные с работой

резидентуры Лонсдейла. В Англии был даже снят кинофильм. Интерес общественности к этому событию был велик. Но зарубежные средства массовой информации нередко искажали факты. Поэтому выступления Конона Трофимовича, в том числе и в прессе, давали объективную картину и способствовали правильному восприятию советской и зарубежной общественностью как деятельности советской внешней разведки, так и фактов, связанных с работой резидентуры Молодого и арестом ее сотрудников.

В одном из своих интервью советским журналистам Конон Молодый подчеркивал: «Я не воровал английские секреты, а методами и средствами, которые оказались в моем распоряжении, пытался бороться против военной угрозы моей стране. Я не понаслышке знаю, что такое война. Я ведь прошел Великую Отечественную войну от начала до конца».

Когда Молодый находился в тюрьмах Ее Величества и после его возвращения в Москву, крупнейшие мировые издательства боролись за право опубликовать его воспоминания, но получали отказ.

В виде исключения Молодому разрешили написать мемуары, которые вышли в Англии и США. Ему это предложение сделали англичане, еще когда он сидел в тюрьме. А отразить некоторые моменты в «мемуарах» Центру было очень выгодно. Позже В. Е. Семичастный (в ту пору председатель КГБ при Совмине СССР) вынес этот вопрос на Политбюро. Говорят, что М. А. Суслов высказался категорически против. И тут В. Е. Семичастный заявил, что разведка на этом может заработать большие деньги, на которые можно купить 75 автомашин «Волга». Услышав это, большой любитель автомобилей Л. И. Брежнев произнес: «Семьдесят пять «Волг» — это хорошо! Пусть пишет».

Правда, в СССР эти мемуары появились только в 1990 году, спустя 20 лет после смерти автора, да и содержание их имело определенную специфику.

Работа разведчика-нелегала Молодого была положена в основу вышедшего на экраны страны в конце 1960-х годов художественного фильма «Мертвый сезон». Конон Трофимович стал прототипом разведчика Ладейникова. Он консультировал Донатаса Баниониса, сыгравшего главную роль в этой картине, и даже считал, что они внешне похожи.

По сюжету советский разведчик Ладейников, он же владелец фирмы по продаже музыкальных автоматов мистер Лонсфилд, проникает в Центр по разработке химического оружия и добывает документацию на разработку газа «Эр-Эйч». Однако вскоре его арестовывают и приговаривают к длительному сроку тюремного

заключения. Через некоторое время следует обмен советского разведчика на его западного коллегу на мосту, разделяющем ГДР и Западный Берлин. Как видим, сюжет фильма включает в себя реальные эпизоды из деятельности Гордона Лонсдейла, или разведчика-нелегала Молодого.

Интересный момент: в первых кадрах художественный фильм «Мертвый сезон» представляет зрителям Рудольф Иванович Абель (Вильям Генрихович Фишер), впервые появившийся на «широкой публике». Видимо, для того, чтобы его не узнали, на Абеля надели парик.

«Молодого встретили в КГБ как героя, — свидетельствовал Джордж Блейк. — Тем не менее после столь долгого отсутствия ему было непросто снова привыкать к жизни в Советском Союзе. Дело в том, что Молодый был не только первоклассным разведчиком, но и крайне удачливым бизнесменом. Будучи одним из руководителей канадской фирмы по производству и эксплуатации автоматов по продаже различных товаров (такова была его «крыша»), он заработал миллионы, которые конечно же не положил в свой карман, а полностью перевел Советскому государству. Теперь ему очень нелегко давалась полная ограничений жизнь сотрудника КГБ, некоторые же аспекты советской действительности его просто возмущали. Особенно он критиковал неэффективность и некомпетентность управления советскими промышленными предприятиями и ведения внешней торговли. В то время любая критика, в чем бы она ни выражалась, отнюдь не приветствовалась».

Об интересном случае, который произошел с Молодым, рассказал писатель Валерий Аграновский:

«Конону Трофимовичу очень многие в Комитете симпатизировали, ценя его профессиональный и человеческий талант. Какое-то время его, как и Рудольфа Ивановича Абеля, возили на встречи с разными коллективами, например в ЦК ВЛКСМ или на ЗИЛ. Потом эти встречи прекратились, так что его «пенсионный покой» уже ничто не нарушало, он мог отдыхать, живя на даче и собирая, положим, грибы.

Почему так случилось? Вот пример. На автозаводе ему показали сначала производство — водили по службам и цехам, а потом пригласили в зал, битком набитый молодыми рабочими. Конечно, бурные аплодисменты — авансом. А он, буквально потрясенный хаосом и низкой производительностью труда, вышел на трибуну и прямо так и сказал: «Какой же у вас, дорогие товарищи, бардак на заводе! Я бы такое, извините за выражение, и дня не потерпел на моей фирме! Вот дайте мне ваш завод на один только год, я из него конфетку сделаю, наведу порядок и

дисциплину, ну, разумеется, и рублем никого не обижу!»

Тут уж аплодисменты были не из вежливости, а по существу, честно им заработанные».

После этого случая последовали беседы в руководящих партийных кабинетах относительно необходимости для коммуниста избавляться от мелкособственнических замашек. В ответ Молодый заявил, что он как истинный коммунист хочет, чтобы наша промышленность и экономика…

Но руководящие партийные деятели такие речи не любили, а потому настаивали на отказе в дальнейшем «от чуждой нам психологии»…

До 1980 года у москвичей пользовалась большой популярностью фотостудия Гесельберга на Кузнецком Мосту, недалеко от центрального здания КГБ на Лубянке. Здесь делали прекрасные фотографии. Фотоателье посещали не только простые москвичи, но и сотрудники органов госбезопасности, заказывавшие в нем фотокарточки на документы. Но никто из посетителей даже не подозревал, что в задней комнатке фотостудии частенько собирались такие знаменитости советской внешней разведки, как Судоплатов, Эйтингон, Райхман, Зарубин, Фитин, Семенов, Фишер (тогда еще — Абель), Молодый и другие, еще служившие, сотрудники, чтобы поговорить и пропустить по рюмочке. Гесельберг был многолетним другом многих ветеранов-разведчиков и гостеприимным хозяином. Только здесь, среди близких друзей, и Молодый, и Абель позволяли себе иногда пожаловаться коллегам на то, что их используют в качестве музейных экспонатов и не дают настоящей работы. А Молодый рвался на боевую работу, предлагал даже сделать пластическую операцию. Но…

Встречи на Кузнецком Мосту закончились в 1980 году, когда студия Гесельберга была снесена и на этом месте появилось новое здание КГБ. Правда, Молодого и многих других его друзей-коллег по «посиделкам у Геселя» к этому моменту уже не было в живых.

Конон Трофимович любил сравнивать работу разведчика-нелегала с работой космонавта. По его мнению, эти две профессии объединяет в первую очередь исключительно трудоемкая и напряженная индивидуальная подготовительная работа к выполнению заданий, которые ставятся на полет или на командировку. «Но в отличие от космонавтов, — подчеркивал он, — у разведчиков, выполняющих задание, нет дублеров, готовых заменить их в последнюю минуту. Поэтому я всегда соблюдал строгий режим питания (заказывал, например, в ресторанах или кафе фирменное блюдо, являющееся, как правило, лучшим из того, что вам могут предложить) и сна.

Вместе с тем, обладая отменным здоровьем, я мог длительное время обходиться без сна и горячей пищи, не теряя при этом работоспособности».

…В феврале 2000 года Зал истории внешней разведки в штаб-квартире СВР в Ясеневе посетили российские космонавты. Летчик-космонавт Виктор Афанасьев передал сотрудникам СВР бесценный дар — книгу «Гордон Лонсдейл: моя профессия — разведчик». Члены авторского коллектива — Н. Губернаторов, А. Евсеев, Л. Корнешов[16] — неоднократно встречались и беседовали с Кононом Трофимовичем в последние годы его жизни. Увлекательные рассказы и воспоминания разведчика о работе за рубежом и легли в основу этой книги. Переданная в подарок разведчикам, она *с* 14 января 1991 года по 28 августа 1999 года находилась в космосе, а с 16 января 1991 года по 27 августа 1999 года — на космическом комплексе «Мир». Практически все свободные от текста места на страницах книги покрыты штампами экспедиций, посещавших комплекс. Значит, космонавты о Молодом читали. И значит, советский разведчик-нелегал помогал разведчикам космоса выполнять их исключительно трудные и ответственные задания.

В свободное время Конон Трофимович любил выезжать с семьей за город. Он наслаждался природой, много времени проводил, бродя по подмосковным рощам, полям, берегам небольших речек, особенно любил собирать грибы.

Вот и последний день жизни Молодого прошел на природе. В пятницу, 9 октября 1970 года, Конон Трофимович с женой и друзьями — тоже семейной парой — отправился за грибами в район небольшого городка Калужской области Медынь, что в 62 километрах от Москвы. Тамошние места по осени всегда славились своими грибными угодьями.

Выехали из Москвы за полдень, чтобы переночевать в палатке, а утром пойти по грибы. Приехав на место, разбили палатку и стали разводить костер. Устав после долгой дороги, Конон Трофимович присел на раскладной стул. Неожиданно для всех он потерял сознание и упал на траву. Ближайшая больница находилась в Медыни, в 10 километрах. Товарищ Молодого сразу же повез его туда на машине, однако спасти его не удалось. Обширный инсульт…

Видимо, нервные нагрузки, которые испытывал разведчик на работе за рубежом, и три с половиной года тюрьмы сделали свое дело. Так в 48 лет ушел из жизни прекрасной души человек, фронтовик, отважный разведчик полковник Конон Трофимович Молодый. Его смерть стала тяжелой утратой для коллектива сотрудников внешней разведки.

В официальном некрологе Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР отмечалось:

«На протяжении всей службы в органах КГБ СССР К. Т. Молодый характеризовался как исключительно добросовестный, способный, честный и смелый сотрудник, отдавший себя целиком делу обеспечения безопасности нашего государства. Его отличали большое жизнелюбие, высокая культура, подлинное чувство товарищества, любовь к Родине и глубокая вера в правоту того дела, которому он служил».

Интересно, что многие английские газеты опубликовали сообщения о кончине советского разведчика, известного как герой «портлендского дела». В газетах появились большие портреты Гордона Лонсдейла — Конона Молодого.

Имя Конона Трофимовича Молодого занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации. В военное и мирное время полковник Молодый мужественно и честно служил своей Родине.

Могила разведчика Молодого на Донском кладбище в Москве находится рядом с захоронениями его отца и матери — замечательных русских интеллигентов.

Здесь же, поблизости, покоятся останки его боевых друзей и соратников — Иосифа Григулевича, Наума Эйтингона, Павла Судоплатова, Вильяма Фишера (Рудольфа Абеля). Рыцари советской внешней разведки и после ухода из жизни оказались вновь вместе.

В первую годовщину смерти Конона Трофимовича Молодого тогда молодой, начинающий сотрудник внешней разведки, слушатель Краснознаменного института КГБ, а сейчас уже ее ветеран В. А. написал стихотворение, посвященное памяти выдающегося советского разведчика-нелегала:

ПАМЯТИ «БЕНА»

Герои не умирают,
Они поднимают знамя
В одном огневом порыве,
В едином стальном строю.
Высокими их делами,
Высокими их мечтами
На свете мы утверждаем
Святую правду свою.

И все же они земные —
Бойцы незримого фронта.
Скрывают свои болезни,

Не любят красивых слов…
Вдруг в осени подмосковной
Взорвется в груди аорта
И опрокинется небо…
В России прибавится вдов.

Еще не написаны книги,
И песни о нем не спеты,
Еще не остыла горечь
Нелепейшей из утрат.
Но кто-то опять уходит
Во мглу чужестранных рассветов,
Смыкается вновь шеренга,
К солдату встает солдат.

Герои не умирают,
Они пребывают вечно.
Деяний их не коснется
Ни прах, ни могильный тлен.
В памяти благородной
Останется жить разведчик.
Значит, опять шагает
С нами товарищ «Бен».

1971 г.

Глава девятая
О ЛИЧНОМ…

Могу смело утверждать, что для меня не существует другой профессии, которая могла бы дать столь огромное моральное удовлетворение…

Конон Трофимович Молодый

Разведчик-нелегал Конон Трофимович Молодый уже довольно долго находился за рубежом. Как все английские служащие, он получал двухнедельный отпуск и проводил это время не «просто так» в Англии, а ездил домой или встречался с женой в одной из соцстран. Центр шел на это, прекрасно понимая, что чувство Родины, чувство семьи надо поддерживать и у разведчика-нелегала.

В 1955 году, находясь в нелегальном отпуске в Москве, Молодый женился. Супругой его стала Галина Петровна Панфилова, преподавательница школы для детей-инвалидов, существовавшей при ортопедическом институте, в котором работала мать Конона Евдокия Константиновна. Она хорошо знала Галю и симпатизировала ей.

Видимо, Евдокия Константиновна и сказала последнее слово. Галина уже побывала замужем, от первого брака у нее была дочь Лиза. Конон Трофимович удочерил Лизу.

Сыграли свадьбу, и молодая жена осталась в Москве, а новоиспеченный супруг «срочно уехал на работу в Китай». О том, чем на самом деле занимался ее муж, Галина Петровна тогда не знала. Правду о своем сыне знала только одна мать, но она добросовестно берегла эту тайну.

В июле 1957 года Молодый вновь находился в отпуске. На этот раз его вывели для отдыха в Варшаву, туда к нему и приехала из Москвы жена Галина.

19 апреля 1958 года в Москве Галина Петровна родила сына. С рождением ребенка была связана забавная история, которую Конон Трофимович, окончательно возвратившись в Москву, рассказывал близким друзьям.

Разведчику предстояло принять сообщение из Москвы по бытовому радиоприемнику. Погодные условия были отвратительными, сигнал проходил очень плохо, хотя и

повторялся два раза. В конечном итоге Молодый сделал некоторые пометки, но окончательно расшифровать послание не смог. Оно дошло почему-то обрывками: «Поздравляем… 53 сантиметра… Здорова… Трофим…» и что-то еще.

Два дня разведчик пытался отгадать эту головоломку. К счастью, в эти дни у него проходила встреча с Хелен Крогер. Обменявшись информацией, они задержались на несколько минут, чтобы поболтать. И тут он вспомнил о злополучной телеграмме и спросил помощницу, не знает ли она, в чем тут может быть дело.

Хелен задумалась на минуту и вдруг спросила:

— Ты ведь женат?

— Ну да. Ты же знаешь об этом.

— А вы ждете ребенка?

Услышав утвердительный ответ, она воскликнула:

— Балда ты! Ведь пятьдесят три сантиметра — это нормальный рост новорожденного. У тебя родился сын. Жена назвала его Трофимом!

Так Крогеры стали «крестными» сына разведчика.

Молодый впервые увидел своего годовалого сына Трофима лишь в 1959 году, когда в последний раз нелегально приехал в «отпуск» в Москву. Чтобы Молодый смог вырваться на родину на непродолжительное время, использовалась незамысловатая на первый взгляд технология: он выезжал из Англии во Францию, Швейцарию, Западную Германию или другую капиталистическую страну, используя документы, под которыми жил в Великобритании. По прибытии, скажем, в Париж получал от сотрудников местной резидентуры документы на другое имя и летел в какую-либо страну социалистического лагеря — Польшу, Чехословакию… А оттуда без проблем его доставляли на короткое время в Москву.

Супруга же была уверена, что муж приезжает в краткосрочный отпуск из далекой китайской провинции. Ведь такой была его легенда. Да и на штемпеле всех писем, которые Галина Петровна получала от мужа из-за границы, стояли китайские иероглифы. Лишь в 1961 году, когда Молодого арестовали и судили в Лондоне, руководство нелегальной разведки Первого главного управления КГБ наведалось к Галине Петровне с рассказом о том, где все эти годы был ее муж и какая участь его постигла. Чекисты подарили ей большой золотой перстень с аквамарином.

В дальнейшем Галина Петровна была подключена к операции по организации обмена Конона Трофимовича. От ее имени направлялись соответствующие письма, на ее адрес пересылались

личные вещи арестованных разведчиков.

Из воспоминаний сына разведчика, Трофима Кононовича Молодого, относящихся к середине 1990-х годов:

«Для меня до сих пор остаются не до конца ясными взаимоотношения отца с матерью. Он женился на ней, так сказать, по «наводке» своей матери и моей бабушки Евдокии. Может быть, потому, что Галя была соседкой по квартире и на глазах бабушки прошла вся жизнь этой девушки, которая уже успела выйти замуж, развестись и родить дочку Лизу, ставшую затем моей единоутробной сестрой.

К тому же Галя работала в институте протезирования у бабушки, где преподавала в школе-интернате для детей-инвалидов, и не вызывала никаких подозрений в отношении своего трудолюбия.

Свадьбу сыграли очень быстро, без всякой помпы и показухи. Отец уже был разведчиком-нелегалом. Возможно, что такой вариант устраивал всех, в том числе и руководство нелегальной разведки.

После свадьбы отец отбыл в «длительную и очень высокооплачиваемую командировку в Китай», где, как объяснили моей маме, были очень плохие жилищные условия, и посему ей, мол, лучше оставаться в Москве.

Последний раз отец побывал дома через год после моего появления на свет, и после этого до самого ареста в 1961 году он все продолжал и продолжал «работать в Китае», а мама Галя в это по наивности своей или по необходимости верила.

Одно могу сказать: отец любил маму. Может, потому, что редко видел ее, а вероятнее всего, из-за меня.

Как мы жили? По свидетельству моих ближайших родственников, сначала очень плохо. Когда отец стал «китаистом», вся наша семья из семи человек размещалась в крохотной двухкомнатной квартирке в доме на Новоостаповской улице Пролетарского района. Дом был действительно пролетарским, типа знаменитых «хрущевок», только из красного кирпича. В квартире обитали мама Галя, ее дочь и моя единоутробная сестра Лиза, которая была старше меня на одиннадцать лет, родная сестра матери Вера со своим мужем художником Кривоноговым[17], их сын Юра и бабушка Женя, то есть мама моей матери. В общем, настоящая «коммуналка» в двухкомнатной квартире. Правда, жили дружно. Художник Кривоногое, известный своими батальными картинами об Отечественной войне, большую часть времени проводил в мастерской или в Студии Грекова, где обучал будущих живописцев. Остальные тоже бегали по своим делам.

И все же, когда отец приехал посмотреть на своего годовалого отпрыска летом 1959 года, он пришел в шоковое состояние из-за наших жилищно-бытовых условий.

Как значительно позже стало известно, он сбегал тайно на Лубянку и… нас быстренько расселили. Мама, сестра Лиза, я и бабушка Женя получили отдельную двухкомнатную квартиру на Фрунзенской улице неподалеку от набережной Москвы-реки, а остальная троица осталась в прежней квартире. И вот тогда-то наступила спокойная, новая жизнь…

Матери рассказали всю правду об отце только в 1961 году, когда он был арестован в Лондоне. Но я, конечно, ничего не знал. Помню, однажды спросил у матери:

— А где мой папа?

— Он работает далеко-далеко…

— А когда он приедет?

— Не знаю…

— А почему?

— Такая у него работа, сынок.

— Дурацкая у него работа.

Мама заплакала, а я испугался и перестал спрашивать… И вот наступил апрель 1964 года. Отметили мой день рождения. Я получил подарки, а мать вдруг исчезла. Неожиданно исчезла. Пришел домой из детского сада. Сидит моя сестра Лиза. Она была старше меня на одиннадцать лет. Значит, ей семнадцать, а мне шесть. Спрашиваю, где мама. А Лиза улыбается и молчит. Я начал плакать…

— Не реви, Трошенька. Мама уехала встречать папу!

— Ой, а что я скажу папе? Я его ни разу не видел…

— Скажи: «Здравствуй, папа! Я очень рад тебя видеть!»

— Здравствуй, папа! Я очень… А чего дальше?

— Чего, чего! Я очень рад тебя видеть.

Повторил. Все вроде правильно. Стали ждать. Молча. Но я кожей чувствовал, что Лиза тоже нервничает. То садится, то встает. И вдруг звонок. Мы бросились к двери. Открыли. Входят двое. Мама взяла меня на руки, расцеловала и заплакала. А рядом с ней дядя. По идее мой папа. Худой, бледный, измученный какой-то, но улыбающийся. Берет меня из рук матери, прижимает к себе и весело так говорит:

— Молодой человек, а вы меня признаете?

А я вдруг растерялся и все забыл, что надо говорить. А говорить надо. И тут я почему-то перешел на официальный тон.

— Вы знаете, а я знаком с вашей мамой.

Отец как захохочет, а я заревел как оглашенный, от счастья конечно…

Ровно через месяц после возвращения отца нам по решению высокого начальства с Лубянки улучшили жилищные условия. Дали трехкомнатную квартиру на 3-й Фрунзенской улице…

А потом потянулись обычные дни, то радостные, то печальные. Отец уходил на работу, но не каждый день. И все свободное время проводил за пишущей машинкой. Печатал, складывал листы в папку, то в одну, то в другую. Иногда что-то рвал. Помню, разорвав очередной отпечатанный лист, сказал: «Не поймут товарищи». Иногда вскакивал среди обеда или ужина и бежал к машинке. Или что-то вспоминал важное, или светлая идея приходила…»

После ухода из жизни Конона Трофимовича Молодого его жена Галина Петровна снова пошла работать в Институт протезирования, но уже не учительницей, а заведующей канцелярией. Впрочем, она так и не смогла смириться с потерей мужа, часто болела и подолгу лежала в больницах.

Дочь Лиза окончила Московский государственный институт международных отношений и была распределена на работу в центральный офис внешнеторгового объединения «Международная книга».

Сын Трофим после десятилетки поступил в Московское высшее пограничное Краснознаменное командное училище КГБ СССР. На третьем курсе женился. Через год его молодая жена Татьяна подарила ему сына, которого назвали в честь деда — Кононом. После окончания училища Трофима по его просьбе направили в Мурманскую область. Служил он заместителем начальника пограничной заставы неподалеку от поселка Никель, что на советско-норвежской границе. Дослужился до должности начальника пограничной заставы. Затем вернулся в Москву, преподавал в Высшей школе КГБ СССР. В 1989 году заместитель начальника курса контрразведки Высшей школы КГБ СССР майор Молодый комиссовался по состоянию здоровья и занялся бизнесом.

В настоящее время уже у внука разведчика подрастает сын Трофим.

Славная русская династия Молодых продолжается!

Затрагивая тему разведчиков и их семей, родных и друзей, остающихся дома, на родине, советский разведчик полковник Джордж Блейк подчеркивал:

«…Лонсдейл был так называемым «тайным резидентом». Я всегда относился с огромным уважением к этой категории разведчиков, ведь их работа требует высочайшего профессионализма. Им приходится настолько сживаться со своей «легендой», что они становятся воистину другими людьми.

Отказавшись от всего личного, они полностью отдаются работе, рискуя свободой, а иногда и жизнью каждый раз, когда пытаются завербовать нового агента или идут на тайные встречи. Им приходится постоянно быть настороже и жить в обстановке непреходящего напряжения. Крайне редко им удается отдохнуть, вернувшись домой к своим семьям. Лишь человек, свято верящий в идею и служащий великому делу, может согласиться на такую работу, хотя, скорее всего, здесь больше подошло бы слово «призвание».

А разведчик-нелегал Конон Трофимович Молодый, касаясь этой же проблемы, отмечал:

«В течение первого, наиболее напряженного периода работы за границей, когда на счету была буквально каждая минута, я почти не ощущал разлуки с семьей и тоски по дому.

Однако когда связь с Центром была налажена и я почувствовал, что прочно обосновался в стране, мои мысли все чаще стали возвращаться к семье, друзьям и привычному образу жизни.

Вспоминая друзей, я невольно завидовал им и думал: «Вот счастливчики! Живут себе дома со своими родными, занимаются любимым делом, что-то создают, оставляя о себе какую-то память, служат примером детям…»

Полагаю, что подобные мысли возникают у каждого разведчика. Жаль, что далеко не все понимают, что разведка — это не столько романтика, захватывающие приключения и возможность объехать чуть ли не весь мир за государственный счет, сколько трудная повседневная работа, зачастую не дающая тех результатов, на которые рассчитывал. И хроническая тоска по дому…

Недаром говорят — на людях и смерть красна. В каком бы трудном или опасном положении ни оказался солдат на фронте, он всегда чувствует поддержку однополчан, чувство локтя никогда не покидает его, прибавляет сил и мужества.

Разведчик же чаще всего действует в одиночку, не может ежедневно запрашивать указания Центра и вынужден сам принимать решения, которые не всегда имеют желаемые последствия. Нелегко и оттого, что от правильности твоих действий и решений зависит жизнь боевых соратников.

Конечно, разведчик уверен, что о нем в принципе заботятся, и все же он физически ощущает изоляцию, ему не хватает своих друзей и даже недругов. Но своих. Привыкнуть к этому трудно…

Сказанное отнюдь не означает, будто я сожалею о том, что стал разведчиком. Несмотря на все трудности, длительный срок пребывания на чужбине и годы тюремного заключения, без

малейшего колебания могу заявить, что никогда не хотел свернуть с выбранного пути и, будь у меня возможность прожить заново, пошел бы той же дорогой и постарался добиться большего…»

С этими словами разведчика-нелегала перекликаются воспоминания писателя Валерия Аграновского, приведенные им в книге «Разведчик «Мертвого сезона»:

«За несколько дней до смерти, словно чувствуя ее приближение, Конон сказал жене в минуту редкого для разведчика откровения: «Знаешь, Галя, если бы мне сейчас дали задание и документы, я, несмотря на все пережитое, опять поехал бы в какую-нибудь страну, но с моих пальцев, Галя, там уже взяли отпечатки…»

Он был долгом и сердцем прикован к делу, которому отдал сначала здоровье, а потом жизнь».

И в этом был весь Конон Трофимович Молодый — человек, романтик, офицер, нелегальный разведчик.

ПОСТСКРИПТУМ

28 июня 2017 года одно из самых секретных подразделений Службы внешней разведки Российской Федерации — ее нелегальное управление — отметило свое 95-летие.

Именно в этот день в далеком 1922 году Коллегией Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР было утверждено Положение о закордонном отделении Иностранного отдела ГПУ, в котором определялись задачи разведывательной работы за рубежом. Наряду с широким спектром задач политического, военного и контрразведывательного характера в документе предусматривалось целенаправленное использование нелегальных возможностей разведки. С тех пор 28 июня отмечается в Службе как день создания нелегальной разведки.

Выступая на торжественном мероприятии по этому поводу в штаб-квартире СВР России Президент Российской Федерации Владимир Путин сказал:

«Вот уже почти век это легендарное подразделение вносит особый, свой, неоценимый подчас, вклад в обеспечение государственной безопасности, в защиту интересов Отечества.

Нашей стране пришлось пройти через многие испытания, и всегда разведчики были, что называется, «на передовой». Не раз именно их решительные действия, добытая информация, тонко проведенные операции буквально меняли ход истории, позволяли защитить наш народ от угроз, сохранить мир.

Мы всегда будем помнить о героях-разведчиках, которые сражались с нацизмом. Их борьба с этим злом началась еще в предвоенные годы. Так же мужественно они вели свою битву и в годы Великой Отечественной войны.

Напряженной и опасной была их работа и во времена холодной войны. Достаточно вспомнить вклад наших разведчиков в обеспечение стратегического паритета. Конец монополии на атомное оружие сделал невозможной новую мировую войну, прямую агрессию против нашей страны.

Историю нелегальной разведки создавали люди-легенды. Такими были Яков Серебрянский, Дмитрий Быстролётов, Николай Кузнецов, Иосиф Григулевич, Рудольф Абель, Конон Молодый, Геворк Вартанян, Алексей Козлов, Юрий Дроздов — всех, конечно, не перечислить.

Разведчики-нелегалы — люди особого склада, особой нравственной закалки и твердости духа. Всю свою жизнь они посвящают Родине, многим жертвуют, от многого отказываются,

но отказываются во имя главного — служения Отечеству; ведут повседневную, напряженную, кропотливую работу, в которой нет выходных и праздников. Это скромные люди, они не любят, когда их называют героями. Они говорят, что просто делают свое дело «как учили», и добиваются результата.

Но хочу подчеркнуть: наша страна, наши граждане должны знать, что в рядах российской разведки служили и служат настоящие бойцы, мужественные и честные профессионалы. Мы гордимся ими».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. Т. МОЛОДОГО

1922, 17 января — родился в Москве в семье научных работников. Отец — Трофим Кононович, преподаватель МГУ и МВТУ, заведующий сектором научной периодики Госиздата; мать — Евдокия Константиновна (девичья фамилия Наумова), хирург общего профиля, во время Великой Отечественной войны — ведущий хирург эвакогоспиталя, после войны — профессор ЦНИИ протезирования.

1932 — с разрешения советского правительства выехал в США к сестре матери Анастасии Наумовой. Учился в средней школе в городе Беркли, штат Калифорния.

1938 — возвратился в Москву из США и продолжил учебу в 36-й московской средней школе, которую окончил в 1940 году.

1940, октябрь — призван на службу в РККА.

1941–1945 — участвовал в Великой Отечественной войне, служил во фронтовой разведке.

1946, август — демобилизовался из армии в звании лейтенанта, поступил в Московский институт внешней торговли.

1946–1951— учеба и работа на юридическом факультете Московского института внешней торговли. Принимал участие в написании учебника китайского языка.

1951, декабрь — получил предложение перейти на работу во внешнюю разведку органов государственной безопасности. Начинает подготовку к деятельности за рубежом с нелегальных позиций.

1954 — нелегально выведен в Канаду, затем с документами на имя канадского бизнесмена Гордона Лонсдейла переехал в Англию, где возглавил нелегальную резидентуру.

1961,13 января — арестован английской контрразведкой в результате предательства М. Голеневского, одного из руководящих сотрудников польской разведки.

23 марта — лондонским уголовным судом высшей инстанции Олд Бейли приговорен к 25 годам тюремного заключения.

1964, 7 апреля — достигнуто соглашение с английской стороной об обмене на сотрудника английской секретной службы Гревилла Винна.

22 апреля — в 5 часов 30 минут на КПП Штаакен, который

располагался на внешнем обводе Западного Берлина по дороге № 5, состоялся обмен на Винна.

1964–1970 — работа в Москве, в центральном аппарате внешней разведки.

1970, 9 октября — скоропостижно скончался в Подмосковье от инсульта. Похоронен в Москве на Донском кладбище.

За достигнутые результаты в разведывательной деятельности полковник Конон Трофимович Молодый был награжден орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности». Его подвиги в военное время отмечены высокими государственными наградами: орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, многими медалями, в том числе — «За отвагу» и «За боевые заслуги», а также нагрудным знаком «Отличный разведчик».

Имя Конона Трофимовича Молодого занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Начальники советской внешней разведки в период работы в ней К. Т. Молодого

САВЧЕНКО Сергей Романович, комиссар госбезопасности 3-го ранга (1944), генерал-лейтенант (1945). С 19 сентября 1949-го по 5 января 1953 года возглавлял советскую внешнюю разведку органов государственной безопасности.

Родился 18 июня 1904 года в городе Скадовске Днепровского уезда Таврической губернии в крестьянской семье. Украинец. В 1917 году окончил четырехклассное земское училище, в 1920-м — Скадовскую гимназию. С ноября 1920 года работал переписчиком, ночным сторожем, конторщиком и приемщиком зерна в отделе продовольственного снабжения 6-й армии.

Осенью 1921 года в семнадцатилетнем возрасте поступил на службу в органы ВЧК. С ноября 1921 года являлся оперативным работником Особого отдела Николаевской губЧК. В следующем году был переведен в органы охраны государственной границы, в которых проработал 17 лет. Служил оперативным сводчиком, регистратором и делопроизводителем в Особом отделе по охране границы Черного и Азовского морей Николаевской губЧК. С апреля 1923 года являлся контролером, затем старшим контролером Скадовского погранпункта. С октября 1923 года — помощник уполномоченного Скадовского погранпоста ГПУ, с апреля 1924 года — помощник уполномоченного комендатуры 26-го погранотряда ОГПУ в городе Очакове.

С октября 1924 года — курсант Высшей пограничной школы (ВПШ) ОГПУ в Москве. После ее окончания служил на офицерских должностях в пограничных войсках. Прошел путь от уполномоченного комендатуры погранотряда ОГПУ до начальника погранотряда. В марте 1930 года вступил в члены ВКП(б).

В апреле 1932 года окончил курсы усовершенствования при ВПШ ОГПУ и более года преподавал спецдисциплины в 3-й пограншколе ОГПУ в Москве. С июля 1938 года — начальник 24-го пограничного отряда в Олевске.

20 мая 1939 года назначен начальником 5-го отдела и одновременно заместителем начальника Управления погранвойск НКВД УССР.

После освобождения Западной Украины в ноябре 1939 года стал начальником УНКВД по Станиславской области, однако вскоре возвращается на прежнюю должность в Управление погранвойск НКВД УССР.

С 1 апреля 1941 года — заместитель наркома госбезопасности УССР и одновременно начальник 1-го (разведывательного) управления НКГБ УССР. При этом с середины сентября 1941 года фактически возглавлял НКВД Украины, поскольку нарком В. Т. Сергиенко, попав в окружение под Киевом, проявил растерянность и трусость и больше двух месяцев скрывался в оккупированном Харькове, прежде чем вышел в расположение советских войск.

С мая 1943-го по август 1949 года являлся наркомом (с марта 1946 года — министром) госбезопасности Украины. В июле 1945 года присвоено звание генерал-лейтенанта. В августе 1949 года переведен на руководящую работу в центральный аппарат советской внешней разведки.

Следует подчеркнуть, что в послевоенный период объем задач, поставленных перед внешней разведкой нашей страны, значительно возрос, география ее деятельности расширилась. В новых условиях возросла и значимость добываемой разведкой информации. Крайне важно было вскрыть секретные военно-политические планы США и Англии в отношении Советского Союза, осветить ход англо-американских переговоров, касающихся действий на случай военного столкновения с СССР, разработку планов перевооружения, создания военно-политических блоков. Но главная задача внешней разведки в послевоенные годы, поставленная руководством страны, состояла в том, чтобы держать в поле зрения подготовку военного нападения на Советский Союз с применением ядерного оружия. А такие планы, как показывала полученная разведкой в те годы информация, активно разрабатывались военными кругами США и Англии.

Для решения столь важных задач требовалось совершенствование разведки, ее структуры, организации управления ее деятельностью и методов ведения работы. В 1947–1953 годах имела место структурная перестройка военной и политической разведок, направленная на повышение эффективности их деятельности и поиск оптимальных форм управления в условиях нарастания конфронтационных тенденций.

30 мая 1947 года Совет министров СССР принял постановление о создании Комитета информации (КИ) при Совете министров СССР, на который возлагались задачи политической,

военной и научно-технической разведки. Единый орган разведки возглавил В. М. Молотов, бывший в то время заместителем председателя Совета министров СССР и одновременно министром иностранных дел. Его заместителем, который занимался участком внешней разведки, был назначен опытный чекист, в прошлом руководивший работой разведывательных и контрразведывательных подразделений органов госбезопасности, Петр Васильевич Федотов.

Однако время показало, что объединение столь специфичных по методам деятельности военной и внешнеполитической разведок в рамках одного органа при всех преимуществах затрудняло процесс управления их работой. Уже в январе 1949 года правительство приняло решение о выведении из Комитета информации военной разведки и возвращении ее в Министерство обороны.

В августе 1949 года Комитет информации был передан под эгиду МИДа СССР. Руководителем КИ при МИДе СССР стал новый министр иностранных дел А. Я. Вышинский, а позднее — заместитель министра иностранных дел В. А. Зорин.

19 сентября 1949 года первым заместителем председателя КИ, отвечавшим за текущую оперативную работу внешней разведки, был назначен Савченко.

В ноябре 1951 года правительство приняло решение об объединении внешней разведки и внешней контрразведки под руководством Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР и создании за границей единых резидентур. Комитет информации при МИДе СССР перестал существовать. Внешняя разведка стала Первым главным управлением МГБ СССР, которое возглавил С. Р. Савченко. Одновременно он стал заместителем министра госбезопасности и членом Коллегии МГБ СССР.

На период его руководства советской внешней разведкой приходится приобретение ею нескольких наиболее ценных источников информации послевоенных лет.

Так, в конце 1950 года в Германии был привлечен к сотрудничеству западный немец журналист Хайнц Фёльфе. На встрече с представителем Центра в августе 1951 года в Восточном Берлине перед ним была поставлена задача предпринять шаги по устройству на службу в организацию Гелена — разведывательную структуру, действовавшую на территории Германии с 1946 года и находившуюся под контролем США. Напомним, что в апреле 1956 года руководство ФРГ создало на базе организации Гелена самостоятельное ведомство — Федеральную разведывательную службу Германии.

Фёльфе успешно справился с заданием. Уже в октябре 1951

года его зачислили в генеральное представительство организации Гелена в Карлсруэ. Материалы, которые стали поступать от него, представляли большой интерес для советской разведки. В частности, были получены документы, раскрывавшие роль западногерманских спецслужб в организации путча в ГДР 17 июня 1953 года, что сыграло большую роль в его подавлении.

Один из ветеранов советской внешней разведки, руководивший работой с источником с позиций Центра, вспоминал:

«Фёльфе был совершенно удивительным человеком как по своему жизненному пути, полному превратностей и метаморфоз, так и по эффективности результатов своей работы. Через его руки шли еженедельные политические обзоры, которые докладывались канцлеру ФРГ Конраду Аденауэру. Но чуть раньше они уже были в Центре и в Кремле. Полученная от Фёльфе информация позволила советскому правительству заранее ознакомиться и подготовиться к тем вопросам и предложениям, с которыми в 1955 году Аденауэр прибыл в Москву с официальным визитом».

Вскоре по заданию советской разведки Фёльфе добился перевода в центральный аппарат организации Гелена, расположенный в небольшом городке Пуллах под Мюнхеном.

Весной 1951 года, будучи резидентом СИС в Сеуле, добровольно, по идейным соображениям установил связь с советской внешней разведкой кадровый сотрудник английской разведки Джордж Блейк. Он регулярно сообщал ценные сведения о спецслужбах Англии, в частности об их структуре, функциях и кадровом составе.

В дальнейшем Блейк заранее информировал Центр о готовящихся операциях американских и английских спецслужб по прокладке тоннелей к линиям связи советских войск в Австрии и ГДР, в результате чего советская разведка смогла провести крупномасштабные акции по дезинформации противника.

Только на территории Восточной Германии, по данным Блейка, было разоблачено и обезврежено более двухсот агентов английской и американской разведок.

За активную разведывательную работу полковник Джордж Блейк был награжден советским правительством орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, «За личное мужество», многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

5 января 1953 года последовала очередная реорганизация внешней разведки. Она стала Первым управлением Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ СССР. Савченко был

освобожден от должности начальника внешней разведки, но до 11 марта продолжал оставаться на посту заместителя министра госбезопасности.

В связи с тем, что в ходе реорганизации органов госбезопасности, проведенной после смерти Сталина, МГБ влилось в МВД, а внешняя разведка организационно стала Вторым главным управлением (ВГУ) МВД СССР, 17 марта 1953 года Савченко был назначен первым заместителем начальника внешней разведки. В сентябре того же года был переведен на должность начальника одного из управлений Министерства внутренних дел.

28 сентября 1953 года снят с должности и направлен в распоряжение Управления кадров МВД СССР. С 19 декабря 1953-го по 4 ноября 1954 года являлся начальником Особого отдела МВД — КГБ Управления строительных войск при Строительном учреждении № 565 Московского района ПВО. С ноября 1954 года находился в распоряжении УК КГБ при СМ СССР.

Приказом КГБ при СМ СССР от 12 февраля 1955 года уволен в запас.

Заслуги генерал-лейтенанта Савченко в деле обеспечения государственной безопасности нашей страны были отмечены тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова II степени, Богдана Хмельницкого II степени, Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

Скончался в 1966 году в Москве.

ПИТОВРАНОВ Евгений Петрович, генерал-лейтенант госбезопасности, руководитель советской разведки и контрразведки.

Родился 20 марта 1915 года в селе Князевка Петровского уезда Саратовской губернии в семье сельского учителя. В 1930 году окончил сельскую школу, работал учеником токаря. Затем учился в фабрично-заводском училище Рязано-Уральской железной дороги, являлся секретарем комитета ВЛКСМ ФЗУ. С сентября 1933 года — токарь паровозоремонтного завода в Саратове. В марте 1934 года избран секретарем комитета ВЛКСМ станции Саратов Рязано-Уральской железной дороги.

В сентябре 1934 года поступил в Московский электромеханический институт инженеров транспорта. В 1937 году вступил в ВКП(б). После окончания четвертого курса института в ноябре 1938 года направлен ЦК ВКП(б) на работу в органы государственной безопасности и назначен на должность заместителя начальника отдела Горьковского областного

управления НКВД.

С декабря 1938 года занимал руководящие должности в УНКВД по Горьковской области — вплоть до начальника управления. В декабре 1942 года переведен в Кировскую область начальником УНКВД. В 1943 году присвоено воинское звание генерал-майора. В марте 1944 года назначен начальником УНКГБ по Куйбышевской области. С февраля 1945-го по июнь 1946 года — министр госбезопасности Узбекской ССР. Во второй половине 1946 года переведен в Москву и назначен начальником Второго главного управления МГБ СССР (контрразведка).

В декабре 1950 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о кадровых реорганизациях в Министерстве госбезопасности. В связи с передачей в МГБ СССР из МВД СССР пограничных и внутренних войск и созданием новых оперативных подразделений было решено увеличить количество заместителей министра до семи человек и создать Коллегию МГБ. Председателем Коллегии МГБ СССР был назначен министр государственной безопасности В. С. Абакумов. Этим же постановлением генерал-майор Питовранов был освобожден от должности начальника Второго главного управления МГБ СССР и назначен заместителем министра и членом Коллегии МГБ СССР. Новому заместителю министра госбезопасности было всего 35 лет.

4 июля 1951 года по решению ЦК ВКП(б) генерал-полковник Абакумов был отстранен от должности Министра госбезопасности СССР, а через несколько дней — арестован. Новым министром госбезопасности был назначен С. Д. Игнатьев.

После ареста Абакумова Политбюро ЦК ВКП(б) объявило генералу Питовранову выговор за то, что он не проявил партийной бдительности и своевременно не информировал высшие партийные органы «о неблагополучии в работе МГБ».

Несколько позже Сталину доложили, что Питовранов «тесно работал с Абакумовым и находился под его враждебным влиянием». И 28 октября 1951 года последовал его арест по «делу Абакумова». Питовранова обвинили в антисоветской деятельности, вредительстве, участии в «сионистском заговоре в МГБ». Находился под следствием до ноября 1952 года. Из камеры направил письмо на имя Сталина со своими предложениями по улучшению работы разведки и контрразведки. Сталину предложения Питовранова понравились, и он распорядился выпустить его на свободу и направить в распоряжение Управления кадров МГБ СССР. 20 ноября 1952 года Питовранов введен в состав Комиссии ЦК КПСС по организации Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ СССР.

Историки отечественных спецслужб А. Колпакиди и А. Северов в одной из своих работ по этому поводу пишут:

«В 1952 году руководство СССР, проанализировав первые итоги холодной войны, внесло в деятельность внешней разведки и контрразведки некоторые коррективы. 30 декабря 1952 года решением Бюро Президиума ЦК КПСС 1-е (внешняя разведка) и 2-е (контрразведка) Главные управления, Отдел «Д» (активные мероприятия), а также ряд подразделений 4-го (разыскного), 5-го (секретно-политического) и 7-го (оперативного) управлений центрального аппарата МГБ были объединены в Главное разведывательное управление (ГРУ) МГБ СССР. Начальником ГРУ МГБ был назначен первый заместитель министра госбезопасности генерал-лейтенант С. И. Огольцов, его заместителями — генерал-майор Е. П. Питовранов (он же начальник 1-го управления ГРУ — разведка за границей) и генерал-лейтенант В. С. Рясной (он же начальник 2-го управления ГРУ — контрразведка). Однако в связи со смертью И. В. Сталина этот проект остался на бумаге. Штаты нового подразделения так и не были утверждены».

Смерть И. В. Сталина вызвала очередную реорганизацию органов государственной безопасности. Уже 5 марта 1953 года на совместном заседании ЦК КПСС, Совета министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР было принято решение об объединении МГБ и МВД СССР в единое ведомство во главе с Л. П. Берией.

11 марта 1953 года постановлением Совета министров СССР были назначены первые заместители нового министра внутренних дел — все близкие сотрудники Берии. Ими стали член ЦК КПСС, бывший министр внутренних дел СССР генерал-полковник С. Н. Круглов, генерал-полковник Б. З. Ко-булов и бывший первый заместитель Круглова в МВД генерал-полковник И. А. Серов.

Приказом МВД СССР от 14 марта 1953 года начальником внешней разведки был назначен генерал-лейтенант В. С. Рясной. Генерал-майор Питовранов становится его заместителем, а с 21 мая 1953 года — первым заместителем.

26 июня 1953 года Берия был арестован, снят с должностей первого заместителя председателя Совета министров СССР и министра внутренних дел СССР. В тот же день указом Президиума Верховного Совета СССР министром внутренних дел был назначен генерал-полковник Круглов. Ряд близких к Берии чекистов были также арестованы.

После ареста Берии Питовранов допрашивался как свидетель, обвинений ему не предъявлялось. В июле 1953 года генерал-майор Питовранов был командирован в Германию. До марта 1957

года последовательно занимал должности Уполномоченного МВД СССР в Германии, заместителя Верховного комиссара СССР в Германии, начальника Инспекции по вопросам безопасности при Верховном комиссаре, старшего советника КГБ при МГБ ГДР. В 1956 году Е. П. Питовранову присвоено воинское звание генерал-лейтенанта.

В период пребывания Питовранова в Берлине аппарат представительства КГБ по координации и связи с МГБ ГДР добился значительных оперативных результатов. Сам Евгений Петрович за время командировки был удостоен трех орденов.

Следует отметить также активную работу в этот период с уже упоминавшимся нами ценным источником оперативной и политической информации Хайцем Фёльфе — ответственным сотрудником организации Гелена.

В июле 1955 года канцлер ФРГ Аденауэр принял решение о реорганизации разведывательной службы страны, находившейся под контролем ЦРУ, и создании самостоятельной разведывательной службы Западной Германии, которая начала действовать с 1 апреля 1956 года. Ее возглавлял президент БНД, который непосредственно подчинялся федеральному канцлеру и больше не зависел от ЦРУ. Фёльфе получил высокий ранг правительственного советника и был назначен начальником реферата «Контршпионаж против СССР и советских представительств в ФРГ».

Это значительно расширяло разведывательные возможности источника Лубянки. По существу, Фёльфе стал руководителем советского отдела БНД. Через него проходили многие важнейшие документы, которые западногерманская разведка готовила для Аденауэра, в том числе — по вопросам перевооружения бундесвера, внешней политики ФРГ, ее членства в НАТО. С помощью Фёльфе советской разведке удалось нанести сокрушительный удар по спецслужбам ФРГ и США. Так, БНД совместно с ЦРУ разработала и провела дорогостоящую операцию по установке подслушивающей техники в новом здании советского торгпредства в Кёльне с использованием десятков микрофонов. В здании напротив был оборудован стационарный пункт прослушивания ведущихся в советском торгпредстве разговоров. Однако все труды пошли прахом, поскольку предупрежденная Фёльфе советская разведка направила в Кёльн своих технических специалистов, которые пропустили через электропроводку микрофонов ток такой силы, что все закладки сгорели в один момент.

После возвращения в СССР в марте 1957 года Питовранов был назначен начальником одного из управлений и членом Коллегии

КГБ при СМ СССР.

В 1960 году последовала новая командировка, на этот раз в Китай — руководителем представительства КГБ при СМ СССР при внешней разведке КНР.

В феврале 1962 года генерал-лейтенант Питовранов был назначен начальником и председателем совета Высшей школы КГБ имени Ф. Э. Дзержинского. В 1964 году заочно окончил ВПШ при ЦК КПСС.

В 1966 году уволен в запас.

Деятельность генерал-лейтенанта Питовранова в органах государственной безопасности была отмечена двумя орденами Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, тремя орденами Красной Звезды, орденами Дружбы народов и «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

После увольнения в запас Евгений Петрович работал заместителем председателя, а с 1983 года — председателем президиума Торгово-промышленной палаты СССР. В январе 1988 года вышел на пенсию.

Скончался 30 ноября 1999 года. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

РЯСНОЙ Василий Степанович, генерал-лейтенант (1945), один из руководителей подразделений НКВД и НКГБ, начальник УМВД по Москве и Московской области (1953–1956).

Родился в 1904 году в Самарканде в семье рабочего-путейца. Украинец. Окончил четыре класса высшего начального училища. В 1919 году поступил в Ашхабадское железнодорожное техническое училище.

В 1920 году ушел добровольцем в Красную армию. Служил журналистом-экспедитором политотдела 1-й армии Закаспийского фронта. В конце 1920 года был демобилизован по возрасту.

После демобилизации направлен на комсомольскую работу. В 1921–1922 годах — ответственный секретарь уездного комитета КСМ Туркмении, затем — заведующий орготделом упродкома РКСМ. В 1922 году вступил в РКП(б). В 1924–1926 годах возглавлял орготдел Маревского окружного исполкома.

В 1926 году вновь мобилизован в Красную армию. Служил красноармейцем 8-го железнодорожного полка в Ашхабаде. Затем, после демобилизации, до 1931 года занимал должности заместителя заведующего орготделом Ашхабадского, Маревского и Керкинского райкомов партии.

В 1931 году поступил во Всесоюзную промакадемию имени И. В. Сталина в Москве. В 1933 году направлен ЦК ВКП(б) в Руднянский район Сталинградского края начальником политотдела Лемешкинской МТС. Через два года избран секретарем Лемешкинского райкома ВКП(б).

В феврале 1937 года отозван в распоряжение ЦК ВКП(б) и по партийному набору направлен на работу в НКВД СССР, где быстро сделал успешную карьеру.

С марта 1937-го по март 1941 года прошел путь от стажера до начальника отделения контрразведывательного отдела. С марта 1941 года отвечал за оперативное обслуживание немецких представительств в Москве, после начала Великой Отечественной войны — за интернирование немецких дипломатов.

В 1941–1943 годах возглавлял Управление НКВД — НКГБ по Горьковской области. С мая 1943 года — нарком внутренних дел УССР. Принимал активное участие в ликвидации националистического движения на Украине. В 1945 году присвоено воинское звание генерал-лейтенанта.

15 января 1946 года назначен заместителем наркома внутренних дел Советского Союза. Курировал подразделения по борьбе с бандитизмом и шпионажем, строительство крупнейших гидротехнических сооружений (Волго-Донской канал, Куйбышевская и Сталинградская ГЭС и др.). Одновременно с июня 1947 года являлся членом Бюро по выездам за границу и въездам в СССР Комитета информации при Совмине СССР.

С февраля 1952 года — заместитель министра госбезопасности, член Коллегии и начальник Второго главного управления МГБ СССР. В 1952 году на XIX съезде партии избран кандидатом в члены ЦК КПСС.

20 ноября 1952 года введен в состав Комиссии ЦК КПСС по организации Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ СССР. В январе 1953 года возглавил Управление контрразведки внутри страны ГРУ МГБ СССР.

5 марта 1953 года возглавил советскую внешнюю разведку.

Придя после смерти Сталина к руководству МВД, Берия подверг резкой критике деятельность разведки в послевоенные годы и начал энергично заниматься ее перестройкой. По указанию министра Рясной вызвал в Москву основных резидентов разведки, чтобы поставить перед ними новые задачи. Особое внимание Берия уделил руководителям представительств госбезопасности в странах народной демократии. Им даже устроили проверку знания иностранных языков. Берия хотел, чтобы они свободно владели языком страны пребывания и могли беседовать с руководителями секретных служб и лидерами

государств без переводчиков. В то же время он считал, что советники-чекисты не должны вмешиваться во внутренние дела стран, где они работают, и не должны давать рекомендаций в ситуациях, которые возникают в результате внутренней борьбы в правящих кругах того или иного государства. Ну а главной задачей разведки того периода, согласно указанию Берии, было ведение разведывательной и контрразведывательной работы против капиталистических стран.

Однако вскоре Берия потерял интерес к Рясному. Он больше доверял своему первому заместителю Кобулову, который в то время курировал внешнюю разведку. А всеми оперативными делами в разведке руководил один из заместителей Рясного — кадровый и проверенный в сложных операциях генерал-майор Александр Михайлович Коротков. И неудивительно, что уже 28 мая 1953 года В. С. Рясной был переведен на другую работу.

После освобождения от должности начальника разведки генерал-лейтенант Рясной возглавил Управление МВД по городу Москве и Московской области. 30 марта 1956 года уволен в запас.

С 1956 года являлся начальником строительства Волго-Балтийского канала. С 1958 года — начальник треста в системе дорожного строительства. В 1988 году вышел на пенсию.

Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова II степени, Красной Звезды и Трудового Красного Знамени, а также многими медалями.

Скончался 12 декабря 1995 года.

ПАНЮШКИН Александр Семенович, генерал-майор, государственный и партийный деятель, дипломат, руководитель советской внешней разведки.

17 июля 1953 года в состав ЦК КПСС был избран только что вернувшийся из командировки Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Китайской Народной Республике А. С. Панюшкин. Одновременно он был назначен руководителем советской внешней разведки органов государственной безопасности, в которой ранее уже работал длительное время, и членом Коллегии Министерства внутренних дел.

Разведкой генерал-майор Панюшкин руководил до 23 июня 1955 года, когда был переведен на работу в аппарат ЦК КПСС.

Александр Семенович Панюшкин по праву считается одним из эффективных сотрудников и руководителей советской внешней разведки. В период Великой Отечественной войны он сыграл важную роль в получении достоверной информации об истинных планах и намерениях японских милитаристов в отношении нашей страны. В период холодной войны, являясь главным резидентом

советской внешней разведки в Соединенных Штатах Америки и одновременно Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в этой стране, активно руководил деятельностью оперативных сотрудников резидентур (в тот период в США действовали три «легальных» резидентуры — в Вашингтоне, Нью-Йорке и Сан-Франциско) по получению документации, касающейся разработки американского ядерного оружия.

Родился 14 августа 1905 года в Самаре в рабочей семье. Учился в церковно-приходском училище, после Октябрьской революции — в средней школе, которая в ту пору называлась Единой трудовой советской школой.

В 1921 году ушел добровольцем в Красную армию, воевал на фронтах Гражданской войны. В марте 1921 года направлен на 18-е кавалерийские курсы, которые находились в его родной Самаре. Однако вскоре заболел малярией и был вынужден демобилизоваться из армии. Трудился ремонтным рабочим 2-го участка службы пути Самаро-Златоустовской железной дороги. Тем не менее стремление стать красным кавалеристом не покидает его, и в октябре 1924 года по путевке губкома комсомола он поступает в Борисоглебско-Ленинградскую кавалерийскую школу РККА. В июне 1927 года вступил в члены ВКП(б).

После успешного окончания кавалерийской школы в сентябре 1927 года направлен на службу в пограничные войска ОГПУ на Дальний Восток. Служил в 59-м Приморском кавалерийском пограничном отряде вначале в должности помощника начальника заставы, затем — командиром сабельного дивизиона маневренной группы. В апреле 1933 года переведен на работу в 58-й Гродековский погранотряд на должность коменданта Барабаш-Левадовского погранучастка Гродековского, ныне Пограничного, района. Служба в пограничных войсках приучила Панюшкина к воинской дисциплине, собранности, требовательности.

В период службы в Гродековском погранотряде привлечен к реализации операции «Фальшивомонетчики», которую проводил на Дальнем Востоке центральный аппарат ОГПУ. Переведен на оперативную работу и прикреплен к Владивостокскому оперсектору ГПУ. В ходе реализации операции выезжал в служебные командировки в Маньчжурию, где с успехом руководил переданной ему на связь агентурой.

В мае 1935 года молодой оперработник зачислен слушателем на основной факультет Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе. В августе 1938 года после окончания академии направлен на работу в органы НКВД СССР. Назначен на

должность помощника начальника отделения, а в декабре 1938 года становится начальником спецотдела Управления государственной безопасности НКВД СССР.

В июле 1939 года командируется в Китай в качестве уполномоченного Совнаркома СССР по реализации торгового соглашения с этой страной. В том же месяце назначается Полномочным представителем СССР в Китае, одновременно являясь главным резидентом НКВД в этой стране, под началом которого действовали 12 резидентур внешней разведки.

Центр тяжести всей разведывательной работы в Китае в то время переместился во временную столицу Чунцин, где находилось китайское гоминьдановское правительство. Задачи перед 34-летним резидентом и его подчиненными стояли значительные. Необходимо было постоянно отслеживать намерения японской военщины в отношении СССР и Китая, не просмотреть возможного нападения Квантунской армии на советский Дальний Восток. Перед советскими представителями стояла также задача удержать центральное правительство Китая на позициях активного сопротивления японской агрессии.

Советским разведчикам под руководством Панюшкина удалось приобрести ценных источников информации в китайской разведке, ЦИК Гоминьдана и других важных объектах проникновения. Сам резидент установил доверительные отношения с рядом лиц из окружения Чан Кайши, выступавших за укрепление дружбы с Советским Союзом и продолжение войны с Японией.

О том, как работал Панюшкин на начальном этапе своего пребывания в Китае, говорится в одном из документов разведки, относящихся к тому периоду:

«Понимая, что для успешной работы в чрезвычайно запутанной внутриполитической и международной обстановке необходим широкий круг контактов среди государственных, политических и общественных деятелей страны, Панюшкин начал их энергично устанавливать. Не было ни одного дня, по наблюдениям очевидцев из числа оперативных работников резидентур, чтобы он не встречался с кем-либо из авторитетных деятелей Гоминьдана и правящих кругов Китая и не проводил с ними бесед. Цель — воздействие на них в выгодном плане, поиск среди них союзников, заинтересованных в том, чтобы Япония не смогла склонить Китай к капитуляции.

Главному резиденту удалось установить доверительные отношения с рядом лиц, стоявших на позициях укрепления дружбы с СССР, продолжения антияпонской войны и сотрудничества Гоминьдана и КПК, которые были в курсе того,

что происходило в высших эшелонах власти и какие решения принимались по различным аспектам внутренней и внешней политики и в определенной степени могли оказать влияние на принятие решений.

В результате Панюшкин быстро вошел в курс происходящих в Китае событий и почти ежедневно информировал о них руководство страны и органов госбезопасности».

При непосредственном участии Панюшкина советским военным советникам удалось убедить Чан Кайши и других китайских военачальников продолжать сопротивление наступлению японских войск, разработав оперативный план обороны города Чаныпа. В этой операции, длившейся около двадцати дней, японцы потеряли 30 тысяч солдат и офицеров, тогда как потери китайской армии были значительно меньше. Бои в районе Чаныпа подняли боевой дух и настроение не только армейских кругов, но и широких народных масс Китая.

Историк Анатолий Горин, изучавший деятельность А. С. Панюшкина в Китае в тот период, в одной из своих работ отмечал:

«Главный резидент, он же Полномочный представитель Советского Союза А. С. Панюшкин, приложил много усилий для предотвращения конфронтации между Гоминьданом и компартией, а также недопущения гражданской войны в стране в 1940–1941 годах.

Руководимые им разведчики не только полно и своевременно информировали Центр об основных проблемах внешней и внутренней политики Китая, деятельности в стране представителей основных стран Запада и Японии, но и за полтора месяца до нападения Германии на СССР получили и направили в Москву оперативный план германского Верховного командования о главных направлениях продвижения немецких войск в войне против СССР, полученный агентурным путем у германского военного атташе. Главная задача резидентур внешней разведки на Дальнем Востоке в конце 1930-х — начале 1940-х годов — не просмотреть возможность нападения Японии на Советский Союз — не снималась с повестки дня до середины 1943 года. Руководимые А. С. Панюшкиным резидентуры успешно справились с этой задачей. За работу в Китае А. С. Панюшкин был награжден орденом Ленина».

К этому следует добавить, что в период работы Панюшкина в Китае за достигнутые результаты в разведывательной деятельности государственных наград СССР были удостоены практически все сотрудники чунцинской резидентуры.

По командировке в Китай Панюшкин характеризовался

руководством разведки как самоотверженный, целеустремленный и деятельный работник, тонкий дипломат, хороший организатор и умелый руководитель, чуткий и внимательный товарищ.

А один из ветеранов разведки, в самом начале своей оперативной деятельности работавший под его руководством в чунцинской резидентуре, позже вспоминал:

«Он был энергичным, обаятельным человеком, требовательным к себе и другим. Простота, скромность, принципиальность, чуткость и внимание к людям, особенно к молодым сотрудникам, снискали ему большое уважение коллектива советской колонии в Чунцине».

Возвратившись в Москву в сентябре 1944 года, А. С. Панюшкин был переведен на работу в аппарат ЦК ВКП(б). Занял должность 1-го заместителя заведующего отделом международной информации ЦК партии и проработал на ней до мая 1947 года.

В мае 1947 года вновь возвратился на работу во внешнюю разведку и был назначен главным секретарем Комитета информации при Совете министров СССР, как тогда она называлась.

В октябре 1947 года направляется Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в США и одновременно становится главным резидентом советской внешней разведки в этой стране. В 1948–1953 годах являлся также представителем СССР в Дальневосточной комиссии.

Предоставим слово историку Анатолию Горину:

«Выбор кандидатуры А. С. Панюшкина не был случайным. В связи с предательством источника советской внешней разведки в США Элизабет Бентли и бегством в Канаду шифровальщика ГРУ Игоря Гузенко в Соединенных Штатах разворачивалась антисоветская кампания. Было необходимо не только принять меры по нейтрализации ущерба, нанесенного разведывательной деятельности в этой стране, но и не допустить разрыва дипломатических отношений между двумя странами, к чему призывали ультраправые элементы в США».

Резидент Панюшкин в этих сложных условиях предпринял энергичные меры к тому, чтобы свести к минимуму потери разведки, обеспечивая в то же время Центр необходимой разведывательной информацией. В этот же период он руководил операцией по получению документации на разработку атомной бомбы и ее усовершенствованию.

В июле 1952 года возвратился в Москву и сразу же получил назначение на должность посла СССР в Китайской Народной Республике. На этот раз он не совмещал дипломатическую

должность с разведывательной работой. В Китае находился до мая 1953 года.

После ареста Берии в июне 1953 года назначен на должность начальника Второго главного управления (ВГУ) МВД СССР, как тогда называлась внешняя разведка.

Руководя внешней разведкой, обращал особое внимание подчиненных на аккуратность и добросовестность в работе над информационными документами. Лаконизм, четкость формулировок, максимальная достоверность фактов, ясность и краткость выводов — вот что ценил в документах Панюшкин. Ветераны Службы отмечали, что стиль его руководства внешней разведкой оказывал самое благотворное влияние на организацию ее работы.

«Мне довелось работать вместе с А. С. Панюшкиным три года, — вспоминал позже А. М. Сахаровский, будущий многолетний руководитель советской внешней разведки. — Это был обаятельный человек, опытный руководитель, прошедший большую школу партийно-политической работы. Как политический работник он хорошо знал, какая информация нужна директивным органам. При Александре Семеновиче мы начали перестройку информационной работы, у нас укрепились хорошие деловые и товарищеские отношения в коллективе внешней разведки. Все это положительно влияло на повышение результативности в работе».

23 июня 1955 года генерал-майор Панюшкин был освобожден от должности начальника внешней разведки и переведен на работу в ЦК КПСС. В июле 1959 года назначен заведующим отделом кадров дипломатических и внешнеэкономических органов ЦК КПСС. С 12 мая 1965 года по 14 марта 1973 года — заведующий отделом загранкадров ЦК КПСС.

В апреле 1973 года вышел на пенсию.

Заслуги Александра Семеновича Панюшкина отмечены тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

Скончался 11 ноября 1974 года. Некролог о его кончине подписали руководители партии и государства, в том числе генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Похоронен выдающийся советский разведчик на Новодевичьем кладбище в Москве. Его имя занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

САХАРОВСКИЙ Александр Михайлович, генерал-полковник, деятель советских разведывательных служб. Незаурядный человек и выдающийся чекист, проработавший на посту начальника советской внешней разведки с середины 1950-х годов более пятнадцати лет. Ему пришлось руководить разведывательной службой органов государственной безопасности нашей страны в самый разгар холодной войны.

Сахаровский стоял во главе внешней разведки с июня 1955-го по июль 1971 года, в один из самых сложных послевоенных периодов холодной войны, когда произошел новый раскол мира на военно-политические блоки, а Советский Союз со всех сторон был окружен сетью военных баз, в том числе с ядерным оружием. Берлинский и Суэцкий кризисы, осложнение обстановки на Ближнем Востоке, распад колониальной системы, агрессия против Кубы, поставившая мир на грань ядерной войны, — все это значительно обостряло международное положение.

Александр Сахаровский родился 3 сентября 1909 года в деревне Большое Ожогино Палкинского района Костромской губернии в крестьянской семье. Отец занимался отхожим промыслом в соседних селах, а затем нашел работу на одном из заводов Петербурга.

Трудовую деятельность Александр начал с семнадцати лет рабочим на Балтийском судостроительном заводе, затем продолжил ее на Северной судостроительной верфи в Ленинграде. В 1930 году вступил в ряды ВКП(б).

В октябре 1931 года был призван в ряды Красной армии, в том же году стал слушателем вечернего отделения Военнополитической академии. Служил красноармейцем 13-й отдельной стрелковой роты. С 1932 года — секретарь бюро ВЛКСМ 2-го полка связи в Ленинграде.

В октябре 1933 года по решению политуправления РККА направлен секретарем бюро ВЛКСМ 63-го отдельного строительного батальона, расквартированного в Советской Гавани Дальневосточного края. Там прошел отличную школу работы с людьми в трудных условиях.

Демобилизовавшись из армии в декабре 1934 года, вернулся в Ленинград. Через год был избран секретарем комитета ВЛКСМ Канонерского судоремонтного завода в Ленинграде, затем переведен в Балтийское государственное морское пароходство, в парткоме которого работал инструктором по воспитанию молодежи. В 1938 году избран секретарем парткома пароходства.

В феврале 1939 года по партийному набору направлен на работу в органы государственной безопасности. Был заместителем начальника отделения Водного разведотдела

Транспортного управления УНКВД по Ленинградской области. В 1940 году более семи месяцев находился в плавании в качестве помощника капитана пассажирского судна. Побывал в нескольких странах Адриатики.

Управление НКВД по Ленинградской области жило напряженной жизнью. Ленинград и область ощущали дыхание войны. Только что, в марте 1940 года, закончилась война с Финляндией, но уже в апреле гитлеровские армии захватили Данию и Норвегию. После поражения Франции Германия ввела свои войска в Финляндию. Накануне войны в УНКВД был создан Первый (разведывательный) отдел, который возглавил Сахаровский. Отдел занимался подготовкой разведывательно-диверсионных групп для заброски в тылы противника и операциями по ликвидации немецких парашютистов и других диверсантов.

Ветеран внешней разведки, полковник в отставке Борис Яковлевич Наливайко, который работал с Александром Михайловичем в ту пору в Ленинграде, так вспоминал этот период:

«Я ушел на фронт добровольно и находился в составе 276-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона. Осенью 1941 года вышел указ Сталина о возвращении студентов пятых курсов ряда технических вузов на учебу. В то время я был студентом Ленинградского кораблестроительного института. С мая 1942 года по направлению райкома комсомола я начал работать оперативным уполномоченным в разведывательном отделе, начальником которого был майор Сахаровский. Когда я решил жениться и доложил об этом Сахаровскому, он расспросил меня, кто моя невеста, поинтересовался, сколько мне лет. Было мне тогда 24 года. «Ну, что ж, — сказал Александр Михайлович, — наверное, пора».

Поздравив меня с принятым решением, он написал записку начальнику хозяйственного отделения, по которой мне выдали 300 граммов сала, пол-литра водки и 1 килограмм черных сухарей. Царский подарок к свадьбе!»

Левый берег Невы был передним рубежом обороны Ленинграда. Оттуда организовывались выводы разведывательно-диверсионных групп под Шлиссельбург, в тыл к немцам. Сахаровский выполнял и другие задания, связанные с обороной Ленинграда и прорывом блокады города. В 1945 году участвовал в операциях по ликвидации действовавших на территории СССР резидентуры СД противника и группы вражеских разведчиков из «Абверкоманды-204».

О работе А. М. Сахаровского в тот период в его

характеристике, составленной 15 марта 1942 года, в частности, говорилось:

«В период наиболее напряженного положения в Ленинграде лично провел специальную работу по созданию разведывательно-диверсионных групп в городе.

При непосредственном участии тов. Сахаровского было создано и переправлено в тыл противника более 40 разведывательно-диверсионных групп, нанесших оккупантам значительный ущерб в живой силе и технике. Истреблено свыше 100 немецких солдат и офицеров, взорвано 3 железнодорожных моста на коммуникациях противника, систематически нарушалась связь противника с основными штабами, уничтожались огневые точки и автомашины с боеприпасами и вооружением».

За успешные действия в борьбе с немецкими захватчиками Сахаровский в 1942 году был награжден орденом «Знак Почета», в 1943 году — медалью «За оборону Ленинграда». Войну он начал лейтенантом госбезопасности, а закончил подполковником.

В другом документе УНКВД, датированном 1946 годом, указывалось:

«При личном участии тов. Сахаровского в 1945–1946 годах в ряде районов Ленинградской области были вскрыты и ликвидированы несколько оставшихся в освобожденных районах резидентур противника, арестована группа лиц из состава курсантов и обслуживающего персонала разведшколы «Абверкоманда-204». Арестованные обучались в разведшколе, предназначались к выброске на территорию Ленинградской области и использовались для разведки переднего края частей Красной Армии в районе города Штеттина.

За 1945–1946 годы отделом, руководимым тов. Сахаровским, вскрыт и ликвидирован ряд диверсионных групп, а также проведена работа по выявлению и разоблачению немецких резидентур и отдельных разведчиков, предателей и изменников.

Тов. Сахаровский находился в 1945 году в течение 6 месяцев в специальной командировке в составе оперативной группы в Латвии. Под руководством тов. Сахаровского были вскрыты и ликвидированы 2 группы, входившие в состав националистической организации, разоблачены 2 резидентуры, арестовано 5 сотрудников немецких разведывательных органов и ликвидированы 2 вооруженные бандгруппы».

В 1946 году Сахаровский получил назначение в Москву, в центральный аппарат МГБ СССР. Являлся начальником отдела, заместителем начальника одного из управлений внешней разведки. В этот период неоднократно выезжал для выполнения

специальных заданий в Финляндию, Грецию, Турцию и Болгарию. В соответствии с просьбой руководства Румынской рабочей партии в течение двух лет начиная с марта 1950 года находился в командировке в Бухаресте в качестве советника МГБ СССР при МГБ Румынии.

Из другой характеристики:

«Во время спецкомандировок за границу правильно решал поставленные перед ним задачи, умело руководил агентурой в деле оказания влияния на общественно-политические круги в нужном СССР направлении. Работая советником МГБ СССР при органах безопасности Румынии, тов. Сахаровский оказал значительную помощь в организации работы этих органов. При его непосредственном участии румынскими коллегами вскрыт и ликвидирован ряд резидентур американской и английской разведок, а также сионистских и других подпольных организаций, активно действовавших на территории Румынской Народной Республики».

В июне 1955 года Александр Михайлович Сахаровский был назначен исполняющим обязанности, а с мая 1956 года — начальником Первого главного управления КГБ при СМ СССР (внешняя разведка) и проработал на этом посту до середины 1971 года. Одновременно с сентября 1959 года стал членом Коллегии КГБ при СМ СССР.

Часто изменяющаяся международная обстановка требовала от начальника разведки поиска новых методов и перестройки работы резидентур внешней разведки. Именно при Сахаровском получили активное развитие такие линии разведки, как контрразведывательная, научно-техническая, нелегальная. Он уделял много внимания подготовке кадров разведчиков, организации научно-исследовательской работы в ПГУ.

Ветеран внешней разведки генерал-лейтенант В. А. Кирпиченко, долгое время проработавший под началом А. М. Сахаровского, в своих мемуарах подчеркивал:

«Сахаровского отличала внешняя и внутренняя строгость, к людям он относился требовательно, но без мелочной придирчивости. Побаивались его все, а особенно, конечно, лентяи и подхалимы. Этих он очень не любил. Доверием к окружающим проникался не сразу, лишь после долгого испытания их практической работой. О ветеранах, людях заслуженных, заботился и всячески их поддерживал.

Работал Александр Михайлович допоздна, во все старался вникать сам. Он не обзаводился впрок полезными связями в верхах и вообще не способен был жить по формуле «ты — мне, я — тебе». Создавалось впечатление, что он очень ценил свою

личную независимость и потому был весьма осторожен в выборе друзей.

Говорил он просто, ясно, мысли выражал четко и лаконично, отчего слова его надолго запоминались. Случилось так, что еще в качестве заместителя начальника разведки Сахаровский давал мне напутствие перед выездом в первую долгосрочную загранкомандировку. В числе других полезных советов он рассказал, как следует готовиться к проведению встреч с агентурой и изучаемыми лицами из числа иностранцев. Говорил вроде бы уже известные мне вещи, но формулировал их так, что его наставления я запомнил почти дословно, и не только сам следовал им, но использовал их позже в беседах с молодыми сотрудниками».

В критических случаях А. М. Сахаровский делал все возможное, чтобы вернуть на родину попавших в беду боевых товарищей. В межведомственных коллизиях всегда вставал на защиту своих сотрудников. Не боялся брать на себя ответственность при принятии решений. Среди ветеранов внешней разведки хорошо известен, например, такой случай. В одной из ведущих натовских стран Европы работал опытный и сильный разведчик Никита Дерябкин. По прикрытию он занимал скромную должность технического сотрудника советского посольства. А по линии разведки на него возлагались ответственные задачи по поддержанию связи с наиболее ценной агентурой. Как-то раз после прошедшего в Москве очередного съезда КПСС в посольство с дипломатической почтой поступили две упаковки. В одной из них содержались портреты вновь избранных членов Политбюро, в другой — запасные детали к посольскому радиопередатчику. Причем упаковка с деталями в ходе транспортировки была повреждена, и Москва дала указание ее возвратить. В связи с тем, что дипкурьеры сразу же собирались в обратный путь, Дерябкин, принимавший участие в получении почты, быстро написал сопроводительную записку («Возвращаем за ненадобностью…») и попросил своих коллег передать упаковку с радиодеталями дипкурьерам, а сам отправился на оперативное мероприятие.

Через несколько дней посол распорядился вывесить в актовом зале портреты нового состава Политбюро, а их не нашли… Разразился скандал. Оказалось, что именно они были случайно возвращены в Москву «за ненадобностью». В соответствующие подразделения ЦК КПСС, МИДа и КГБ ушла телеграмма, в которой посол требовал немедленно отозвать Дерябкина из командировки. Реакция А. М. Сахаровского была незамедлительной. В ответной телеграмме начальника советской

внешней разведки послу сообщалось, что Дерябкин награжден орденом Ленина и он (Сахаровский) надеется, что руководство посольства присоединится к поздравлениям в адрес сотрудника резидентуры. Инцидент был исчерпан, а разведчик проработал в стране еще несколько лет.

«Сахаровский — это целая эпоха в жизни разведки, которую он возглавлял 15 лет, пройдя в ней путь от полковника до генерал-полковника.

Был он высок ростом, статен, импозантен, и сотрудницы разведки, переводчицы, машинистки, секретари, встретившись с ним в коридоре, особенно в первые годы его начальствования, провожали его восхищенными взглядами: хорош собой был начальник разведки», — вспоминал о нем генерал-лейтенант Кирпиченко.

А. М. Сахаровский, покидая разведку и прощаясь с коллегами, сказал: «Я оставил здесь все — здоровье, друзей и любимую работу!» Но и уйдя из разведки, он продолжал поддерживать тесные связи с коллективом, отдавая свои опыт и знания становлению молодого поколения разведчиков. С середины 1971-го по январь 1975 года был старшим консультантом Группы консультантов при председателе КГБ СССР.

1 февраля 1975 года вышел в отставку.

За заслуги перед Родиной почетный сотрудник государственной безопасности генерал-полковник Сахаровский награжден тремя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями. Его самоотверженный труд и с честью выполненный интернациональный долг были отмечены шестнадцатью высокими наградами зарубежных государств.

Скончался 12 ноября 1983 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Его имя навечно занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Приложение 2

Боевые друзья и соратники К. Т. Молодого

АКОПЯН Ашот Абгарович, советский разведчик-нелегал.

Родился 31 декабря 1914 года в Баку. Армянин. Работал в органах безопасности Армянской ССР. Владел французским, итальянским, турецким, румынским, болгарским и арабским языками. С 1946 года находился на нелегальной работе в Румынии (оперативный псевдоним «Евфрат»).

С 1949 по 1959 год вместе с супругой (оперативный псевдоним «Таня») находился на нелегальной работе в Италии. Руководил нелегальной резидентурой ПГУ в Риме. Добился серьезных результатов в разведывательной работе.

В начале 1960-х годов вернулся в СССР. Работал в центральном аппарате внешней разведки.

Скончался в Москве 19 марта 1981 года.

АНДРОПОВ Юрий Владимирович, государственный и политический деятель, генеральный секретарь ЦК КПСС (1982–1984), председатель Комитета государственной безопасности СССР (1967–1982).

Родился 15 июня 1914 года на станции Нагутская Ставропольского края в семье железнодорожника. Родители рано ушли из жизни, воспитывался в семье родственников.

В 1931 году окончил фабрично-заводскую школу-семилетку в Моздоке, работал грузчиком, рабочим на телеграфе, матросом на различных судах Волжского пароходства. В 1936 году окончил техникум водного транспорта в Рыбинске Ярославской области и сразу был избран секретарем комсомольской организации этого учебного заведения. Одновременно являлся комсоргом Рыбинской судоверфи имени Володарского. В 1937 году избран секретарем, а годом позже — первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ. В 1939 году вступил в члены ВКП(б).

В июне 1940 года направлен на работу в Карело-Финскую ССР. На первом организационном пленуме ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР, состоявшемся 3 июня того же года в Петрозаводске, избран первым секретарем ЦК. С началом Великой Отечественной войны участвовал в организации партизанского движения в

Карелии, продолжая возглавлять комсомольскую организацию на неоккупированной части республики.

В 1944 году перешел на партийную работу. В январе 1947 года избран вторым секретарем ЦК Коммунистической партии Карелии. Заочно окончил историко-филологический факультет Карело-Финского государственного университета, позже — Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

В 1953 году перешел на работу в МИД СССР. Возглавлял один из европейских отделов, с 1954 по 1957 год был Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Венгерской Народной Республике.

В конце 1957 года назначен заведующим отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран.

В мае 1967 года назначен председателем КГБ при СМ СССР. В июне того же года избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Уделял большое внимание деятельности внешней разведки, состоял на партийном учете в одном из подразделений Службы.

14 июня 1974 года присвоено звание Героя Социалистического Труда.

На пленуме ЦК КПСС 12 ноября 1982 года избран генеральным секретарем ЦК КПСС. С июня 1983 года одновременно занимал пост председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Скончался 9 февраля 1984 года.

Награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции и Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени, многими медалями.

БЛЕЙК Джордж, полковник госбезопасности.

Родился 11 ноября 1922 года в Роттердаме в семье натурализованного в Голландии состоятельного еврея-сефарда из Египта. Отец в годы Первой мировой войны получил британское подданство, сражаясь в составе английской армии во Фландрии. В 1919 году познакомился в Лондоне с молодой голландской аристократкой, вскоре они обвенчались и переехали в Голландию. В 1936 году отец Джорджа умер от серьезного заболевания легких, вызванного отравлением газами в годы Первой мировой войны.

Перед Второй мировой войной Джордж окончил французский лицей, английскую школу и учился в колледже в Роттердаме. Помимо голландского и арабского языков свободно владел французским, английским и немецким.

После нападения Германии на Голландию в мае 1940 года принимал активное участие в движении Сопротивления. В 1942

году перебрался в Англию, добровольцем ушел на британский флот, был зачислен курсантом в военно-морское училище, готовившее офицеров для подводного флота.

В середине 1944 года на 22-летнего выпускника военно-морского училища, владевшего несколькими иностранными языками, обратили внимание офицеры британской разведывательной службы. Блейк стал сотрудником Сикрет интеллидженс сервис.

Сначала работал в голландской секции британской разведки, некоторое время являлся сотрудником резидентуры СИС в Гааге и занимался воссозданием ее агентурной сети в этой стране. В 1946 году возглавил подрезидентуру британской разведки на севере Германии. В августе 1947 года руководством СИС направлен на специальные курсы русского языка при Кембриджском университете — планировалось его использование в работе против СССР.

В октябре 1948 года назначен руководителем резидентуры СИС в Сеуле. Перед резидентурой, кроме получения информации по Корее, была поставлена задача создать британскую агентурную сеть на советском Дальнем Востоке, в особенности в районе Владивостока, в Приморье, Сибири, а также Маньчжурии.

Весной 1951 года добровольно, по идейным соображениям, установил связь с советской внешней разведкой.

Возвратился в Лондон в 1953 году, был назначен заместителем начальника нового отдела британской разведки под кодовым названием «Игрек», который занимался техническими операциями с применением техники подслушивания. Передавал в Москву важные сведения о деятельности отдела.

В марте 1955 года направлен на один из руководящих постов в резидентуру СИС в Западном Берлине, где в то время подрывную работу против нашей страны вело свыше ста оперативных сотрудников английской разведки. Только в ГДР по наводкам Блейка было разоблачено и обезврежено свыше двухсот агентов спецслужб США и Англии.

Весной 1961 года в результате предательства одного из руководителей польской разведки, сообщившего ЦРУ известные ему косвенные сведения на работавших в Англии советских разведчиков, был арестован, подвергнут допросам и приговорен английским судом к 42 годам тюремного заключения. Спустя четыре года бежал из тюрьмы. С 1965 года проживает в Москве, является консультантом внешней разведки.

14 июля 1990 года, накануне 70-летия внешней разведки, для награждения наиболее отличившихся сотрудников Первого главного управления КГБ СССР был учрежден нагрудный знак «За

службу в разведке». Знак № 1 был вручен выдающемуся советскому разведчику-интернационалисту полковнику Джорджу Блейку. За большие заслуги в разведывательной деятельности полковник Джордж Блейк награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, «За личное мужество», многими медалями.

ГРИГУЛЕВИЧ Иосиф Ромуальдович, советский разведчик-нелегал, впоследствии ученый-латиноамериканист, доктор исторических наук.

Родился 5 мая 1913 года в Вильне в семье фармацевта, караима по национальности. С детства владел литовским, русским и польским языками.

В 1926 году, еще учась в гимназии в Паневежисе (Литва), вступил в нелегальный Коммунистический союз молодежи, в 1930 году стал членом компартии Польши. В 1933 году выехал во Францию, где учился в парижской Высшей школе социальных наук и одновременно являлся членом редколлегии одного из коммунистических журналов, выходивших в Париже на польском языке. Затем по линии Международной организации помощи рабочим (МОПР) был направлен на нелегальную партийную работу в Аргентину.

В сентябре 1936 года Центральным комитетом компартии Аргентины направлен в Испанию, где являлся адъютантом начальника штаба армии Мадридского фронта генерала Рохо.

С марта 1937 года выполнял специальные задания советской внешней разведки. В начале 1938 года направлен в спецкомандировку в Мексику. Принимал активное участие в подготовке первого покушения на Льва Троцкого. В конце 1940 года вернулся в Аргентину в качестве руководителя нелегальной разведывательно-диверсионной группы НКВД, которая вела диверсионную работу по срыву снабжения фашистской Германии продовольствием, горючим, другим стратегическим сырьем из стран Латинской Америки.

После войны находился на нелегальной разведывательной работе в Мексике и Коста-Рике. Причем от последней страны являлся Чрезвычайным посланником в Риме и при папском престоле в Ватикане.

В конце 1950-х годов уволился из органов и занялся научной работой. Под своей фамилией и под фамилией матери (Лаврецкий) опубликовал свыше тридцати научных и научно-популярных книг. В 1979 году избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами

Красной Звезды, орденом Дружбы народов, венесуэльским орденом Франсиско де Миранды, кубинской медалью «XX лет Монкады».

Скончался 2 июня 1988 года. Похоронен на Донском кладбище в Москве.

ДОЖДАЛЕВ Василий Алексеевич, советский разведчик, генерал-майор.

Родился 1 мая 1921 года в селе Лезвино Тверской губернии. Русский. После окончания средней школы поступил в Московский авиационный институт.

Участник Великой Отечественной войны. В 1942 году ушел добровольцем на фронт. Служил в артиллерии, командир противотанкового орудия. Его ратный путь отмечен орденами Славы и Отечественной войны I степени, двумя медалями «За отвагу».

В сентябре 1945 года демобилизовался из армии, вернулся в МАИ. После окончания института оставлен на кафедре тепловых двигателей.

В 1949 году направлен на работу во внешнюю разведку. Окончил разведшколу, затем работал в центральном аппарате. За 41 год службы в органах государственной безопасности прошел путь от лейтенанта до генерал-майора. В ходе активной разведывательной работы за рубежом осуществил ряд вербовок.

В 1951–1952 годах — атташе посольства СССР в Великобритании. В 1951 году участвовал в вербовке в Северной Корее попавшего в плен Джорджа Блейка, который предложил свои услуги СССР.

В 1952–1955 годах — консул СССР в Претории (Южно-Африканский Союз). С 1955 года — в Берлине, офицер связи Дж. Блейка. В 1959–1960 годах — 2-й секретарь посольства СССР в Великобритании. Руководил ценными агентами и нелегалами, одним из которых был «Бен» (Конон Трофимович Молодый).

В дальнейшем работал на руководящих должностях в центральном аппарате внешней разведки: в подразделении внешней контрразведки, возглавлял подразделение нелегальной разведки. В начале 1980-х годов занимал должность заместителя представителя, в 1984–1985 годах — представителя КГБ в Польше.

В последние годы службы являлся профессором, начальником кафедры Краснознаменного института КГБ — Академии внешней разведки.

В 1990 году вышел в отставку.

Деятельность генерал-майора Дождалева во внешней

разведке отмечена орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды, многими медалями, знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

Скончался 9 марта 2004 года.

КВАСНИКОВ Леонид Романович, Герой Российской Федерации, полковник.

Родился 2 июня 1905 года на станции Узловая Тульской губернии в семье железнодорожника.

Трудовую деятельность начал в 17 лет чернорабочим на Сызранско-Вяземской железной дороге. В 1926 году окончил Тульский железнодорожный техникум, работал помощником машиниста, с 1928 года — техником-чертежником. В 1929 году стал машинистом на Московско-Курской железной дороге.

В 1934 году с отличием окончил механический факультет Московского института химического машиностроения. Работал инженером на Чернореченском химическом комбинате в Дзержинске Горьковского края, затем учился в аспирантуре михм.

В сентябре 1938 года направлен на работу в органы государственной безопасности. После окончания Школы особого назначения, готовившей кадры для внешней разведки, назначен старшим оперуполномоченным отделения научно-технической разведки (НТР). В 1939–1940 годах неоднократно выезжал в командировки в Германию и в немецкую зону оккупации бывшей Польши для выполнения разведывательных задач.

В феврале 1941 года назначен начальником отделения научно-технической разведки, сыграл исключительную роль в становлении и развитии научно-технического направления деятельности внешней разведки.

В 1943 году направлен в спецкомандировку в США, руководил разведчиками, которые добыли для нашей страны сверхсекретные материалы по американской атомной программе.

В декабре 1945 года возвратился в Москву, продолжал работу в центральном аппарате разведки. В 1948–1963 годах — руководитель отдела научно-технической разведки, который впоследствии был преобразован в управление.

В 1963–1966 годах работал старшим консультантом при начальнике ПГУ КГБ (внешняя разведка) по научно-технической разведке. В декабре 1966 года вышел на пенсию.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

Скончался 15 октября 1993 года.

За успешное выполнение специальных заданий по обеспечению государственной безопасности в условиях, сопряженных с риском для жизни, проявленные при этом героизм и мужество указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 года посмертно присвоено звание Героя России.

КОЛОСОВ Леонид Сергеевич, советский журналист-международник, писатель, поэт, ветеран советской внешней разведки.

Родился 25 августа 1926 года в Москве. Русский.

В 1944–1946 годах работал в Москве на оборонном НИИ № 627. В 1951 году окончил валютно-финансовый факультет Московского института внешней торговли.

В 1951–1954 годах — старший консультант валютного управления Министерства внешней торговли СССР. В 1954–1958 годах работал в советском торгпредстве в Италии по линии МВТ, в 1958–1960 годах — в системе МВТ в Москве.

В 1960 году перешел на работу во внешнюю разведку. Окончил Школу № 101 ПГУ КГБ, защитил диссертацию на тему «Внешнеэкономические связи Италии после Второй мировой войны». Кандидат экономических наук (1962).

С августа 1962-го по август 1969 года — сотрудник резидентуры КГБ в Италии под прикрытием должности собственного корреспондента газеты «Известия».

В августе 1969 года уволился в запас в звании подполковника.

В 1970–1972 годах вновь являлся собкором «Известий» в Италии. 12 мая 1972 года награжден итальянской медалью «Золотой Меркурий» «за значительный вклад в укрепление дружеских связей между Итальянской Республикой и Советским Союзом».

В 1984–1989 годах — собкор «Известий» в Югославии. Позже — журналист-международник «Известий» и «Недели». Автор ряда книг на разведывательную тематику. Перевел на русский язык некоторые произведения итальянской поэзии.

Успешная работа Л. С. Колосова во внешней разведке и в журналистике была отмечена орденом «Знак Почета», а также рядом других государственных и ведомственных наград.

Скончался в Москве 5 января 2008 года.

КОРЗНИКОВ Николай Алексеевич, сотрудник органов госбезопасности, полковник.

Родился 25 апреля 1917 года в деревне Валовой Лог

Павинского района Вологодской губернии в семье заместителя директора музея деревянного зодчества. Русский.

С 1934 года — в РККА. До 1937 года учился в Академии связи имени Подбельского в Москве, затем переведен на военный факультет Московского института инженеров связи, который окончил в 1939 году и был откомандирован в распоряжение НКВД СССР.

Работал в центральном аппарате внешней разведки. Участник Великой Отечественной войны. Неоднократно выезжал в долгосрочные загранкомандировки. С 1951 года — на руководящих должностях в подразделении нелегальной разведки. В сентябре 1967 года назначен заместителем начальника управления нелегальной разведки ЛГУ КГБ при СМ СССР.

Скончался в Москве 14 июня 1986 года при исполнении служебных обязанностей.

Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

КОРОТКОВ Александр Михайлович, советский разведчик, генерал-майор.

Родился 22 ноября 1909 года в Москве. В 1927 году окончил школу, стал учеником электромонтера. Активно занимался спортом — футболом и теннисом — на стадионе «Динамо». На его незаурядные физические качества обратил внимание Вениамин Гереон, секретарь Ф. Э. Дзержинского, и предложил перейти на работу в хозяйственное подразделение ОГПУ. В октябре 1928 года Коротков стал электромехаником по лифтам зданий на Лубянке.

Через год был принят на службу делопроизводителем в Иностранный отдел ОГПУ, в 1930-м назначен помощником оперативного уполномоченного этого отдела. В органах госбезопасности прошел путь от рядового сотрудника до заместителя начальника внешней разведки. Многие годы выполнял ответственные разведывательные задания за рубежом.

В 1933 году выехал на нелегальную работу во Францию. Под видом словацкого студента Районецкого поступил на учебу в Парижский радиотехнический институт. По линии разведки занимался разработкой сотрудника знаменитого 2-го бюро французского Генерального штаба (военная разведка и контрразведка). Одновременно по заданию Центра выезжал в Швейцарию и нацистскую Германию, где работал с двумя ценными источниками советской внешней разведки. В 1935 году в результате провала в нелегальной резидентуре НКВД во Франции

был вынужден возвратиться в Москву.

В 1936 году направлен на работу по линии научно-технической разведки в нелегальную резидентуру НКВД в Германии, активно работал над получением образцов вооружений германского вермахта.

В декабре 1937 года возвратился на нелегальную работу во Францию, где находился до конца 1938 года. Затем выезжал в краткосрочные командировки в Норвегию и Данию, где восстановил связь с рядом законсервированных источников. В июле 1940 года направлен в командировку в Германию. Восстановил связь с рядом агентов резидентуры, в том числе с ценнейшими источниками — сотрудником разведотдела люфтваффе Харро Шульце-Бойзеном («Старшина») и старшим правительственным советником имперского министерства экономики Арвидом Харнаком («Корсиканец»).

Одним из первых понял неизбежность войны с Германией, постоянно информировал об этом Центр. 17 июня 1941 года направил в Центр телеграмму, составленную на основании сведений, полученных от «Старшины» и «Корсиканца»: «Все военные приготовления Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удара можно ожидать в любое время».

Войну встретил в Берлине, сумел выйти из советского посольства, заблокированного гестапо, конспиративно встретиться с «Корсиканцем» и «Старшиной».

Прибыл в Москву в июле 1941 года, был назначен начальником германского отдела внешней разведки, который занимался ведением разведки не только в Германии, но и в оккупированных ею европейских странах. В ноябре — декабре 1943 года участвовал в обеспечении безопасности лидеров антифашистской коалиции в период работы Тегеранской конференции. Дважды побывал в Афганистане, где советская и английская разведки ликвидировали нацистскую агентуру, готовившую профашистский переворот. Несколько раз вылетал в Югославию для передачи маршалу Тито посланий советского руководства. В конце войны был направлен в Берлин, где возглавил группу по обеспечению безопасности немецкой делегации, которой предстояло подписать Акт о безоговорочной капитуляции Германии.

9 мая 1945 года в Карлхорсте, в здании бывшей столовой военно-инженерного училища нацистского вермахта, состоялась церемония подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии. За длинными столами, покрытыми зеленым сукном, расположились генералы Красной армии. Открывая заседание,

маршал Жуков пригласил в зал представителей немецкого командования. Первым переступил порог генерал-фельдмаршал Кейтель. Его сопровождал рослый, спортивного телосложения, моложавый человек в форме полковника госбезопасности. Это был легендарный советский разведчик Александр Коротков. Для него участие в церемонии подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии было не только ответственным поручением Наркомата государственной безопасности СССР, но и высокой честью, которой он был удостоен как советский разведчик, специалист по германским вопросам, внесший определенный вклад в нашу Победу. Он не командовал войсками, не участвовал непосредственно в боях на передовой, но, занимаясь активной разведывательной работой, внес существенный вклад в разгром врага.

В середине 1945 года назначен резидентом внешней разведки в Германии. В Карлсхорсте, где размещалась резидентура, занимал официальную должность заместителя советника Советской военной администрации. В 1946 году был отозван в Центр и назначен на должность заместителя начальника внешней разведки. Одновременно возглавил нелегальное управление. Именно при нем в США был направлен разведчик-нелегал Вильям Фишер (Рудольф Абель), а позже в Англию — руководитель нелегальной резидентуры Конон Трофимович Молодый. В мае — июле 1953 года исполнял обязанности начальника внешней разведки.

В ноябре 1956 года выезжал в Венгрию в качестве заместителя руководителя опергруппы КГБ И. А. Серова. Участвовал в оперативно-чекистских мероприятиях по подавлению венгерского восстания, задержанию активных повстанцев и изъятию оружия у населения.

В 1957 году назначен на должность уполномоченного КГБ СССР при Министерстве госбезопасности ГДР. В середине июня 1961 года был вызван в Москву на совещание в ЦК КПСС.

Скончался 27 июня 1961 года от разрыва аорты. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Награжден орденом Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», а также орденами ряда зарубежных государств.

ПАВЛОВ Виталий Григорьевич, советский деятель госбезопасности, разведчик, дипломат, генерал-лейтенант.

Родился 30 сентября 1914 года в Барнауле. Учился в школе

ФЗУ, работал слесарем на местном паровозоремонтном заводе. В 1932 году поступил на рабфак, в 1933 году — на дневное отделение автомобильного факультета Сибирского автодорожного института в Омске.

В январе 1938 года с последнего курса института направлен на работу в органы госбезопасности. После окончания ускоренных курсов при Школе особого назначения ГУГБ НКВД в сентябре 1938 года распределен стажером в американское отделение внешней разведки. С февраля 1939 года — заместитель начальника отделения. В 1940 году вступил в ВКП(б). Выезжал в краткосрочную инспекционную командировку в США.

В июле 1942 года выехал в Оттаву в качестве легального резидента НКВД под прикрытием должности 1-го секретаря и заведующего консульским отделом посольства СССР в Канаде.

В связи с бегством на Запад в сентябре 1945 года шифровальщика оттавской резидентуры ГРУ Гузенко и начавшейся вслед за этим крупномасштабной антисоветской кампанией в канадской прессе в числе нескольких советских дипломатов был объявлен персоной нон грата.

По возвращении в Москву работал на руководящих должностях в центральном аппарате внешней разведки. С 1947 года — старший помощник начальника, заместитель начальника, начальник американского отдела нелегальной разведки. Курировал работу в США советского разведчика-нелегала Вильяма Фишера (Рудольфа Абеля). Выезжал в спецкомандировки в Австрию и Чехословакию.

В марте — апреле 1954 года вместе с агентом-нелегалом Леонтиной Коэн совершил инспекционную поездку по нелегальным резидентурам в Австрии, Италии, Швейцарии, Франции, Бельгии под видом американского бизнесмена-антиквара.

С июля 1954 года — заместитель начальника, с 1959 года — начальник Управления нелегальной разведки ПГУ КГБ при СМ СССР.

В 1961 году назначен заместителем начальника внешней разведки. С марта 1966-го по октябрь 1970 года — резидент внешней разведки в Вене под прикрытием должности советника посольства СССР в Австрии.

С февраля 1971-го по апрель 1973 года — начальник Краснознаменного института КГБ.

В апреле 1973 года направлен в Варшаву руководителем представительства КГБ СССР при МВД ПНР. В 1984 году вернулся в СССР и работал старшим консультантом в одном из управлений разведки. В 1987 году вышел в отставку.

Автор книг «Сезам, откройся» и «Операция «Снег», в которых рассказал о своей жизни и работе в разведке.

Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, многими медалями, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», а также орденами и медалями ряда иностранных государств.

Скончался 11 апреля 2005 года.

СЕМЁНОВ Семен Маркович, советский разведчик (оперативный псевдоним «Твен»), подполковник НКВД, один из основателей научно-технической разведки.

Родился 1 марта 1911 года в Одессе. Воспитанник детдома, начал трудовой путь после окончания средней школы с «должности» подмастерья на местной канатной фабрике. Затем переехал в Москву. В 1936 году окончил Московский текстильный институт. Блестяще владел английским языком. В 1937 году принят на работу в органы государственной безопасности и через год направлен на разведывательную работу в США. Первые два года являлся аспирантом Массачусетского технологического института, затем работал в нью-йоркской резидентуре научно-технической разведки под прикрытием должности инженера Амторга.

Внес заметный вклад в деятельность нью-йоркской резидентуры внешней разведки в условиях предвоенного и военного времени. Практически создал линию научно-технической разведки в предвоенные годы, получал ценные материалы от десятков агентов по взрывчатым веществам, радиолокационной технике, авиации, активно работал по проблеме создания атомного оружия. Руководил деятельностью Морриса и Леонтины Коэн. Получил от одного из источников штамм очищенного пенициллина. В начале 1944 года переведен с повышением в должности в парижскую резидентуру.

В качестве заместителя резидента по линии НТР в Париже привлек к сотрудничеству ряд источников, от которых получал исключительно важную информацию по аэродинамике, физике, авиации, кибернетике.

В 1953 году уволен из органов госбезопасности «по пятому пункту».

В 1970-е годы по распоряжению Ю. В. Андропова восстановлен в кадрах КГБ СССР с назначением персональной пенсии республиканского значения.

Скончался в 1986 году.

За выполнение специальных заданий советского

правительства и проявленные при этом мужество и высокие профессиональные качества награжден орденом Красной Звезды (1944), орденом Трудового Красного Знамени (1949).

СОКОЛОВ Юрий Сергеевич. Родился в 1920 году. Русский.

В 1947–1952 годах работал в резидентуре ПГУ в Нью-Йорке (по линии НТР) под дипломатическими прикрытиями сотрудника советского консульства и 3-го секретаря Постоянного представительства СССР при отделении ООН в Нью-Йорке. Являлся оператором Фишера-Абеля и Морриса и Леонтины Коэн.

В 1947–1972 годах работал по линии НТР в Великобритании, Австрии и Швейцарии.

С 1972 по 1997 год полковник Соколов преподавал в Краснознаменном институте КГБ — Академии внешней разведки.

Скончался 30 мая 2004 года.

ФИШЕР Вильям Генрихович (Абель Рудольф Иванович), советский разведчик-нелегал, полковник.

14 октября 1957 года в здании Федерального суда Восточного округа Нью-Йорка начался шумный судебный процесс по обвинению в шпионаже Рудольфа Ивановича Абеля. Ему грозила смертная казнь или пожизненное тюремное заключение. В ходе следствия Абель категорически отрицал свою принадлежность к советской внешней разведке, отказался от дачи каких-либо показаний на суде и отклонил все попытки работников американских спецслужб склонить его к сотрудничеству. Через месяц судья зачитал приговор: 30 лет каторжной тюрьмы, что для него в 54 года было равносильно пожизненному заключению.

Лишь в начале 1990-х годов Служба внешней разведки России официально сообщила, что настоящее имя советского разведчика-нелегала, назвавшегося при аресте Рудольфом Ивановичем Абелем, — Вильям Генрихович Фишер.

Он родился 11 июля 1903 года в городе Ньюкасле-на-Тайне, в Англии, в семье русских политэмигрантов Генриха Матвеевича и Любови Васильевны Фишер. Его отец, уроженец Ярославской губернии, из семьи обрусевших немцев, в 16 лет приехал в Петербург в поисках работы и сразу же активно включился в революционную деятельность, за что неоднократно подвергался арестам. Со своей женой, уроженкой Саратова, он познакомился, находясь в ссылке в Саратовской губернии. В 1901 году супруги Фишер за революционную деятельность были высланы из России.

Вильям в 16 лет сдал вступительный экзамен в Лондонский университет.

В 1920 году Фишеры возвратились в Москву и стали

советскими гражданами. Вильям работал переводчиком в отделе международных связей Исполкома Коминтерна. В 1924 году поступил на индостанское отделение Института востоковедения, успешно окончил первый курс. Затем был призван на военную службу и зачислен в 1-й радиотелеграфный полк Московского военного округа. В армии получил профессию радиста, сыгравшую важную роль в его дальнейшей судьбе.

В 1927 году по рекомендации Московского комитета ВЛКСМ пришел в органы госбезопасности. Выполнял важные поручения по линии нелегальной разведки в двух европейских странах.

По результатам загранкомандировок ему было присвоено специальное звание лейтенанта государственной безопасности (соответствовало воинскому званию капитана). В конце 1938 года без объяснения причин был уволен из органов. Поступил на работу во Всесоюзную торговую палату. Позже перешел на авиапромышленный завод, где работал до начала Великой Отечественной войны.

В сентябре 1941 года вернулся в НКВД, был зачислен во вновь созданное подразделение, занимавшееся организацией боевых разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов в тылу врага. В этот период сблизился с товарищем по работе Рудольфом Ивановичем Абелем.

После войны становится сотрудником внешней разведки органов госбезопасности и зачисляется в ее нелегальное подразделение.

В октябре 1948 года под оперативным псевдонимом «Марк» направлен в США в спецкомандировку, которой суждено было продлиться 14 лет.

Так в Нью-Йорке появился свободный художник и фотограф Эмиль Роберт Голдфус, гражданин США, родившийся в семье немца-маляра и прибывший с Запада Америки в поисках лучшей жизни.

Условия конспирации до сих пор не позволяют раскрыть многие операции, в которых участвовал «Марк», однако уже в августе 1949 года за конкретные результаты он был награжден орденом Красного Знамени.

В 1952 году Центр направил ему в помощь радиста Р. Хейханена (оперативный псевдоним «Вик»), оказавшегося человеком слабым и психологически неустойчивым. В 1956 году «Марк» поставил перед Центром вопрос о его отзыве. Приказ о возвращении в СССР «Вик» воспринял болезненно и пошел на предательство. 21 июня 1957 года «Марк» был арестован ФБР.

Почему арестованный в США Вильям Генрихович Фишер назвался Рудольфом Ивановичем Абелем? Сейчас, по прошествии

времени, можно с уверенностью сказать, что советский разведчик-нелегал давал понять Центру, что в тюрьме оказался именно он. Во внешней разведке довольно быстро разобрались что к чему.

После объявления приговора «Марк» сначала находился в одиночной камере следственной тюрьмы в Нью-Йорке, а затем был переведен в федеральную исправительную тюрьму в Атланте.

10 февраля 1962 года на мосту Глинике, через который проходила граница между Западным Берлином и ГДР, был произведен обмен «Рудольфа Ивановича Абеля на осужденного в Советском Союзе американского летчика Френсиса Гарри Пауэрса», совершившего 1 мая 1960 года разведывательный полет над советской территорией.

После лечения и отдыха Вильям Генрихович вернулся к работе в центральном аппарате внешней разведки.

Заслуги почетного сотрудника госбезопасности полковника Фишера были отмечены орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды и многими медалями. Но до конца своих дней сотрудник внешней разведки оставался для домашних и сослуживцев Вильямом Фишером, а для всех остальных — Рудольфом Абелем. Легенде было уготовано оставаться легендой, а тайне — тайной.

15 ноября 1971 года Вильяма Генриховича Фишера не стало.

18 декабря 2014 года на доме 8 по улице Молодогвардейской в Самаре была открыта мемориальная доска, посвященная легендарному советскому разведчику. В этом доме Вильям Фишер жил в 1941–1942 годах, работая в куйбышевской разведшколе 4-го управления НКВД СССР.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Конон Трофимович Молодый, дед разведчика. Фото из семейного архива

Трофим Кононович Молодый, отец разведчика

Евдокия Константиновна Молодая с сыном Кононом. ***Москва, 1925 г.***

Конон Молодый. ***Сентябрь 1932 г.***

Конон Молодый. США, 1938 г.

Здание московской школы № 36, которую окончил Молодый. Фото 1940 г.

Конон Молодый (справа) с матерью, сестрой и ее другом.

Москва, 1940 г. Фото из семейного архива

Конон Молодый на фронте. Конец 1943 г.

Молодый (первый справа) с фронтовыми друзьями. Конец 1943 г.

Нагрудный знак «Отличный разведчик»

Помощник начальника штаба отдельного разведывательного артдивизиона лейтенант Молодый. 1944 г.

По дороге домой. Май 1945 г. Фото из семейного архива

Китайская группа Института внешней торговли. Конон (в центре) со своими однокашниками. Фото из семейного архива

Студент Лондонского университета Гордон Лонсдейл в своей квартире.

Лондон, 1955 г.

Фото публикуются впервые

RICE
KRISPIES

Бизнесмен Гордон Лонсдейл. Лондон, 1958 г.

Разведчик-нелегал Хелен Крогер

Разведчик-нелегал Питер Крогер

Коттедж в пригороде Лондона, в котором жили супруги Крогер

Гарри Хаутон («Шах»)

Этель Джи («Ася») и Гарри Хаутон

Центр химико-биологических исследований в Портоне

Польский перебежчик Михаил Голеневский

Тюрьма Ее Величества Уормвуд Скрабе, в которой в разное время содержались Питер Крогер, Джордж Блейк и Гордон Лонсдейл

Сотрудник разведки ВМС Великобритании Джордж Блейк. 1944 г.

Супруги Крогер на пути в Варшаву. 24 октября 1969 г.

Леонтина и Моррис Коэн в аэропорту Шереметьево. 25 октября 1969 г.

Герой России Леонтина Коэн

Герой России Моррис Коэн

Конон Молодый после обмена. Апрель 1964 г.

Гревилл Винн после обмена. Апрель 1964 г.

Полковник Молодый. 1965 г.

Супруги Коэн в московской квартире.

Одна из последних совместных фотографии

Конон Трофимович Молодый. 1965 г.

Вильям Генрихович Фишер (Рудольф Иванович Абель)

Рудольф Абель (Вильям Фишер) в парике в кинофильме «Мертвый сезон»

Советские разведчики-нелегалы Ашот Акопян (Артем), Конон Молодый (Гордон Лонсдейл) и Вильям Фишер (Рудольф Абель)

Разведчик-нелегал Ашот Акопян

На съемках кинофильма «Мертвый сезон»: киноактер Донатас Банионис и прототип главного героя разведчик Конон Молодый

«Обмен». Кадр из кинофильма «Мертвый сезон»

Встреча коллег: председатель КГБ при СМ СССР Владимир Семичастный, Вильям Фишер, Конон Молодый и начальник ПГУ КГБ при СМ СССР Александр Сахаровский

Конон Молодый впервые увидел своего годовалого сына Трофима во время нелегального приезда в отпуск.

Москва, 1959 г. Фото из семейного архива

Супруга Молодого Галина с сыном Трофимом.

Москва, 1959 г. Фото из семейного архива

Галина Петровна и Конон Трофимович с сыном Трофимом и дочерью Лизой.

Москва, 1959 г. Фото из семейного архива

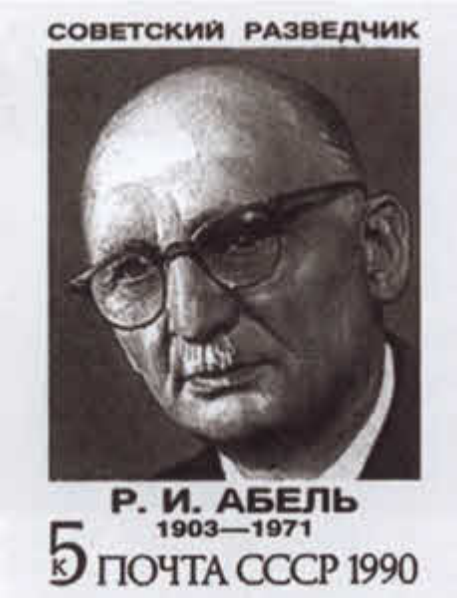
Сын разведчика Трофим Молодый — начальник пограничной заставы. Фото из семейного архива

Внук разведчика Конон Молодый. Фото из семейного архива

1.00
РОССИЯ
ROSSIJA 1998
ГЕРОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РАЗВЕДЧИЦА
ЛЕОНТИНА КОЭН
1913-1992

1.00
РОССИЯ
ROSSIJA 1998
ГЕРОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РАЗВЕДЧИК
МОРРИС КОЭН
1910-1995

230
2014
1915-1981
ԱՇՈՏ ՀԱԿՈԲՅԱՆ
АШОТ АКОПЯН
ՀԱՅԱՍՏԱՆ
ARMENIA


СОВЕТСКИЙ РАЗВЕДЧИК
Р. И. АБЕЛЬ
1903—1971
5 к ПОЧТА СССР 1990

СОВЕТСКИЙ РАЗВЕДЧИК

К. Т. МОЛОДЫЙ

1922—1970

5 к ПОЧТА СССР 1990

Начальник внешней разведки в 1949—1953 годах С. Р. Савченко

Начальник внешней разведки в 1953 году К. П. Питовранов

Начальник внешней разведки в 1953 году В. С. Рясной

Начальник внешней разведки в 1953—1955 годах А. С. Панюшкин

Начальник внешней разведки в 1955–1971 годах А. М. Сахаровский

Председатель КГБ СССР в 1967–1971 годах Ю. В. Андропов

Слева. ***Сотрудник советской и российской внешней разведки Джордж Блейк. Середина 1900-х гг.***

Советский разведчик-нелегал Иосиф Григулевич

Один из руководителей советской научно-технической разведки Л. Р. Квасников

Леонид Колосов, институтский друг Конона Молодого

Советский разведчик-нелегал, один из руководителей нелегальной разведки, заместитель начальника внешней разведки А. М. Коротков

Один из руководящих сотрудников советской внешней разведки В. Г. Павлов

Видный советский разведчик С. М. Семенов

Видные советские разведчики Ю. С. Соколов и Моррис Коэн

Советский разведчик-нелегал Вильям Фишер

Могила Конона Трофимовича Молодого на Донском кладбище в Москве

ЛИТЕРАТУРА

Аграновский В. А. Разведчик «Мертвого сезона». М.: Алгоритм, 2008.

Антонов В. С. В окопах «холодной войны». М.: Вече, 2010.

Антонов В. С. Служба внешней разведки: История, люди, факты. М.: Кучково поле, 2015.

Антонов В. С., Карпов В. Н. Тайные информаторы Кремля: Нелегалы. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Образование, 2002.

Антонов В. С., Карпов В, Н. Нелегальная разведка. М.: Международные отношения, 2015.

Блейк Дж. Прозрачные стены: Автобиографическое повествование разведчика. М.: Молодая гвардия, 2006.

Дегтярев К, Колпакиди А. Внешняя разведка СССР. М.: Яуза; Эксмо, 2009.

Диенко А. В. Разведка и контрразведка в лицах: Энциклопедический словарь российских спецслужб. М.: Русскій міръ, 2002.

Долгополов Н. М. С ними можно идти в разведку. М.: Воскресенье, 2002.

Долгополов Н. М. Гении внешней разведки. М.: Молодая гвардия, 2004.

Долгополов Н. М. Легендарные разведчики. На передовой вдали от фронта — Внешняя разведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Молодая гвардия, 2016.

Драбкин А. В. «Я ходил за линию фронта»: Откровения войсковых разведчиков. М.: Яуза; Эксмо, 2010.

Жемчугов А. А. Шпион в окружении Андропова: Разведка в лицах и событиях. М.: Вече, 2004.

Жемчугов А. А. «Крот» в окружении Андропова. М.: Епифанов, 2010.

Кассис В. Б., Колосов Л. С. Тринадцать новелл о советских разведчиках. М.: Международная книга, 1992. Кн. 2.

Колосов Л. С., Молодый Т. К Мертвый сезон: конец легенды. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1998.

Колпакиди А. И. Все о внешней разведке. М.: Олимп; АСТ, 2002.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Конюкова М. Патриоты другой страны // Загадки истории. 2016. № 15.

Лонсдейл Г. Моя профессия — разведчик: Воспоминания офицера КГБ /Лит. обработка Н. В. Губернаторова, А. Е. Евсеева,

Л. К. Корнешова, Г. П. Молодой. М.: Орбита, 1990.

Лужков Л. Странный цесаревич // Загадки истории. 2017. № 20.

Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. М.: Международные отношения, 2003. Т. 5. 1945–1965 гг.

Павлов В. Г. Операция «Снег». М.: Гея, 1996.

Павлов В. Г. «Сезам, откройся!»: Тайные разведывательные операции: из воспоминаний ветерана внешней разведки. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1999.

Письма из тюрем Ее Величества. 1961–1969 гг.: В 2 т. М.: Центр изучения общественных и прикладных проблем Александра Жилина, 2001.

Прокофьев В. И. Начальник внешней разведки: Спецоперации генерала Сахаровского. М.: Вече, 2014.

Серов И. А. Записки из чемодана: Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М.: Абрис, 2017.

Смыслов О. С. Иуды в погонах: Они изменили присяге. М.: Вече, 2015.

Ставицкий В. А. Разведчики и шпионы. М.: XXI век; Согласие, 2000.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1996.

Уранов С. Русский Джеймс Бонд // Загадки истории. 2016. № 44.

Чиков В. М. Нелегалы: В 2 ч. М.: Олимп; АСТ, 1997.

Шварев Н. А. Разведчики-нелегалы СССР и России. М.: Родина, 2006.

Шварев Н. А. Пока живет разведка — не пропадет страна. М.: Кучково поле, 2013.

Шварев Н. А. Явка по паролю, или Классики нелегальной разведки. М.: Международные отношения, 2016.

Антонов В. С.

А 72 Конон Молодый / Владимир Антонов. — М.: Молодая гвардия, 2018. — 216[8] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1691).

ISBN 978-5-235-04059-5

УДК 94(47+57):355.34
ББК 63.3(2)63-36
знак информационной продукции 16+

Антонов Владимир Сергеевич

КОНОН МОЛОДЫЙ
Редактор *Е. В. Смирнова*
Художественный редактор *К. В. Забусик*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *Г. В. Платова*

Сдано в набор 26.09.2017. Подписано в печать 22.11.2017. Формат 84х 108/зг. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 11,76 + 1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1721480.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сущевская ул., 21. Internet: http://gvardiya.ru. E-mail: dsel@gvardiya.ru

ARVATO BERTELSMANN
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Д. М. Володихин
ИВАН IV ГРОЗНЫЙ

С именем первого русского царя Ивана Цюзного связаны как величественные, так и мрачные страницы истории России. При нем Россия присоединила новые обширные владения, ввела книгопечатание, создала централизованную систему государственного управления. При нем же — прошла через несколько «волн» массовых казней, а крымский хан прорвался к Москве и сжег русскую столицу. О противоречивом образе Ивана Грозного и форме его правления много спорят до сих пор. Новая книга известного автора, доктора исторических наук, основана на обширном историко-архивном материале и нацелена на то, чтобы освободить восприятие этой масштабной личности от влияния различных мифов и домыслов.

В. Н. Козляков
ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ ТИШАЙШИЙ

Царь Алексей Михайлович — главный человек XVII века в России. В его судьбе сошлись начала и концы столетия, названного «бунташным», а прозвище первого наследника династии Романовых у современников оказалось — «Тишайший». Обычно если его и вспоминают, то как отца Петра Великого: действует магия контраста двух веков — XVII и XVIII. Но ведь и само тридцатилетнее царствование Алексея Тишайшего (1645–1676) стало эпохой великого переустройства. Центральные его события — так называемое «воссоединение» России с Белоруссией и Украиной (увы, как выясняется, совсем не «навеки») и почти забытая ныне русско-польская война 1654–1667 годов, предопределившая исходную расстановку сил в международных отношениях, доставшуюся Петру I, и сделавшая возможным «европейский выбор» России. Царствование Алексея Михайловича — это и время расцвета Русской церкви, реформ патриарха Никона, движения к превращению Москвы в Новый Иерусалим и центр вселенского Православия, но еще и время трагического Раскола церкви, Разинщины… В книге известного историка и постоянного автора серии «ЖЗЛ» Вячеслава Николаевича Козлякова предложен новый, современный взгляд на эти и другие ключевые события русской истории XVII века, равно как и на личность самого «Тишайшего» государя.

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ

ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Ветлугина «ЛОЙОЛА»
В. Кондрашов «РИХАРД ЗОРГЕ»
М. Петров «ЭЛЬ ГРЕКО»
Г. Субботина «МАРСЕЛЬ ПРУСТ»
Ж. Шмидт «ГЁТЕ»
А. Махов «ДЖОРДЖОНЕ»

М. Бондаренко «МЕЦЕНАТ»
В. Десятерик «ИВАН СЫТИН»
Н. Карташов «КРАМСКОЙ»
Д. Быков «ГОРЬКИЙ»

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Е. Новицкий «ЛЕОНИД ГАЙДАЙ»
А. Бондаренко «ВИКТОР ЛЯГИН»
Т Ясникова «СУРИКОВ»
Д. Володихин «ИВАН IV ГРОЗНЫЙ»
И. Родимцев, С. Аргасцева «ГЕРОИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ»
М. Бондаренко «ВЕРГИЛИЙ»
Е. Скоробогачева «САВРАСОВ»
В. Терехина, Н. Шубникова-Гусева «ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН»
В. Михайлов «ЗАБОЛОЦКИЙ»
В. Козляков «ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ ТИШАЙШИЙ»
В. Галедин «ЭДУАРД СТРЕЛЬЦОВ»
В. Степашкин «СЕРАФИМ САРОВСКИЙ»

notes

Примечания

1

В переводе с древнегреческого — «трудящийся», а также — река на Камчатке.

2

Ламуты — старое русское название эвенов, основная часть которых проживает сегодня на северо-востоке Сибири (в Якутии, Магаданской и Камчатской областях, Корякском и Чукотском автономных округах, Хабаровском крае).

3

Отто Юльевич Шмидт (1891–1956) — советский математик, географ, геофизик, астроном, исследователь Памира и Севера. Академик АН СССР, Герой Советского Союза.

4

Алексей Георгиевич Калашников (1893–1962) — советский ученый-геофизик, педагог, академик АПН РСФСР. Министр просвещения РСФСР в 1946–1949 годах.

5

Приват-доцент — «обучающий частным образом» *(лат.)* — ученое звание внештатного преподавателя в университетах и некоторых других вузах дореволюционной России. Так как число профессоров в конкретном учебном заведении по конкретным специальностям ограниченно, после защиты диссертации соискатель без профессорского места мог временно стать в университете приват-доцентом, то есть выполнять некоторые обязанности профессора (читать лекции, вести семинары, принимать экзамены) внештатно (без соответствующей зарплаты), сохраняя право претендовать на звание профессора.

6

О том, что руководителем лондонской нелегальной резидентуры будет назначен именно «Бен», он же Гордон Лонсдейл, Коэны еще не знали, хотя их познакомили в Центре, а в период подготовки к командировке они активно встречались в Москве и несколько раз в ряде западноевропейских стран. «Бен» был представлен Коэнам как разведчик-нелегал Арни, прибывший из Канады.

Здесь, видимо, имеется в виду, что подходы к коттеджу просматриваются из окон со всех сторон и что дом оборудован запасным выходом на соседнюю улицу или в сад, которым при необходимости можно воспользоваться.

8

Один из оперативных псевдонимов Коэнов-Крогеров.

9

Воинское звание на английском и американском флотах и в морской авиации (в наших ВМС соответствует званию капитана 2-го ранга).

10

Штаб-квартира полиции Большого Лондона, исключая лондонский Сити, который имеет свою полицию. Название часто используется в СМИ для обозначения полиции Лондона. Крупнейшее полицейское учреждение в Англии, в нем работают 27 тысяч человек, которые отвечают за территорию, равную 787 квадратным километрам с населением в 6 миллионов 750 тысяч человек, проживающих в Лондоне и окрестностях. Здание современного Скотланд-Ярда расположено в Вестминстере.

11

Как уже отмечалось, в портфеле Лонсдейл оставил ловушку, которая сработала и помогла ему установить факт осмотра содержимого портфеля. Об этом он сообщил в Центр.

12

Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. М.: Международные отношения, 2003. Т. 5. 1945–1965 гг.

13

Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. М.: Международные отношения, 2003. Т. 5. 1945–1965 гг.

14

Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. М.: Международные отношения, 2003. Т. 5. 1945–1965 гг.

15

Английская, затем британская золотая монета, имевшая хождение в 1663–1813 годах. С 1799 года чеканка гиней прекратилась, стали выпускаться банкноты. 1 гинея равна 21 шиллингу. Хотя до перехода в 1971 году страны на десятичную систему валют гинея считалась валютой неофициальной, всё в Англии предпочитали считать и оценивать на гинеи.

16

В работе над книгой принимала участие и Галина Петровна Молодая, жена разведчика.

17

Петр Александрович Кривоногое (1911–1967) — заслуженный деятель искусств РСФСР (1955). Художник-баталист Студии военных художников имени М. Б. Грекова. Участник Великой Отечественной войны. Лауреат Государственной премии СССР (1949). Первым из художников-баталистов награжден золотой медалью имени М. Б. Грекова. Его картину «Победа» (1948) видел хотя бы однажды, пожалуй, каждый российский школьник.